

ОГРОМНЫЙ

бриллиант

* [VK.COM / KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

**ЛОРЕН
БЛЭЙКЛИ**

Дамы, мало просто покачиваться на волнах, тут важен РАЗМЕР лодки.

И здесь я победитель. Проще говоря, у меня есть ВСЕ необходимое: красота, мозги, деньги и большой член.

Вам может показаться, что я придурок. Сходство есть, верно? Я греховно горяч, заоблачно богат, чертовски умен и... ах, да, у меня гигантский пенис.

Но знаете, что? Вы просто не слышали моей истории. Безусловно, я мог бы быть обычным плейбоем — на самом деле, именно так меня и называют нью-йоркские сплетницы. Но ко всему прочему, я отличный парень. И это делает меня уникальным.

Но есть одна проблема — моему отцу нужно, чтобы я остепенился. Вернее, чтобы я не просто сделал перерыв в своих ежедневных «похождениях», но и создавал впечатление примерного семьянина. А все ради консервативных инвесторов, которым он хочет продать свой флагманский ювелирный магазин на Пятой авеню. Нет проблем. Я могу сделать это для папы. В конце концов, я должен отблагодарить его за «фамильные драгоценности». Поэтому прошу свою лучшую подругу и бизнес-партнера стать моей невестой на следующую неделю. Шарлотта согласна. И у нее есть свои причины надеть этот огромный бриллиант на свой безымянный пальчик.

Но в скором времени вся эта игра на публику переходит в реальное сумасшествие в спальне. А вот возможно ли Шарлотте подделать дрожь тела и крики от мощнейших оргазмов, когда на спутанных простынях я возвожу ее на новые высоты?

Но, кажется, я и сам уже не притворяюсь, и мои чувства к ней вполне реальны.

Во что я, черт возьми, ввязался с этим... огромным бриллиантом?

ОГРОМНЫЙ БРИЛЛИАНТ

Автор: Лорен Блэйкли

Рейтинг: 18+

Серия: Огромный бриллиант #1 (про разных героев)

Номер в серии: 1

Главы: Пролог+28 глав+2 Эпилога

Переводчик: Анастасия К.

Сверщик: Кристина Ш.

Редактор: Натали И.

Вычитка и оформление: Ольга З.

Обложка: Таня П.

Мой член чертовски прекрасен.

И, поверьте, я не преувеличиваю. Рассмотрим все его достоинства.

Начнем с самого очевидного.

Размер.

Безусловно, кто-то скажет, что размер не имеет значения. Но знаете, что я вам скажу?

Это ложь.

Вы не захотите крошечный бриллиант на пальце, когда можете получить целых три карата. Вы не захотите один доллар, когда можете получить блестящую купюру с изображением дружбана Бенджамина. И уж точно не захотите кататься на миниатюрном пони, когда можно устроить родео на члене рок-звезды для своего же удовольствия.

Почему? Потому что чем больше, тем лучше. Веселее. Спросите любую женщину, которой хоть раз приходилось произносить эти страшные слова: «*И это все?*».

Ни одна женщина ни разу не задавала мне такой вопрос.

Теперь вам, наверное, интересно, насколько Он большой? Ой, да ладно. Ни один джентльмен не выдаст эту тайну. Я, может быть, и трахаюсь, как Господь Бог, но все-таки джентльмен. Перед тем, как раздвинуть ваши ноги, я открою перед вами дверь. Помогу надеть пальто, заплачу за ужин и буду относиться, как к королеве, в постели и за ее пределами.

Но я все понимаю. Вам хочется видеть картинку перед глазами. Точные данные в сантиметрах, чтобы изо рта потекли слюнки. Хорошо. Представьте себе его. Представьте член своей мечты... так вот — мой намного больше.

Возвращаясь к тому, как он выглядит. Будем честны. Некоторые члены чертовски уродливы. Я не буду рассказывать как и почему. Вам известно, как они выглядят, но, если говорить о моем, хочу, чтобы в вашей голове были всего четыре слова: длинный, толстый, гладкий и твердый. Если бы мастера эпохи Возрождения ваяли скульптуры членов, мой был бы эталоном.

Но, если честно, ничего из этого не имело бы значения, не обладай мой член самым важным качеством.

Умение.

В конечном счете, мужской член должен измеряться количеством оргазмов, к которым он может привести. И я сейчас говорю не только о собственном удовлетворении. Это жульничество. Я говорю о том самом, при котором женщина выгибается, словно кошка, ее пальчики поджимаются, границы стираются. Ее мир переворачивается с ног на голову.

Сколько удовольствия может доставить мой член? Я не люблю трепаться о своих победах, но знаете, что? У моего члена прекрасный послужной список.

Именно поэтому так чертовски ужасно, что ему придется сделать перерыв.

Мужчины не понимают женщин.

Это общеизвестный факт.

Как и тот парень.

Чувак, сидящий в самом углу моего бара. Он облокотился на металлическую стойку, его поза так и кричит «я, типа, крутой». Разговаривая с сексуальной брюнеткой в прямоугольных красных очках, поглаживает свою бородку и делает вид, что он самый лучший слушатель в мире. Но дело в том, что смотрит он на ее грудь.

Согласен, у брюнетки действительно классные сиськи. Настолько «классные», что они могли бы получить свой собственный почтовый индекс.

Но, серьезно, мужик.

Ее глаза выше. И ты должен смотреть именно в них, иначе дама уйдет.

Я наполняю бокал одного из наших постоянных посетителей светлым пивом — бизнесмен, который забегает к нам раз в неделю. Он работает на износ, и вы всегда можете увидеть в его глазах «*пусть мой босс отсосет за то, что мне приходится так много вкалывать*». Поэтому все, что я могу, это налить ему пару бокальчиков.

— За счет заведения. Наслаждайся, — говорю я, пододвигая к нему бокал.

— Самая лучшая новость за весь день, — говорит он, едва улыбаясь, после чего выпивает половину бокала и оставляет три доллара чаевых. Хорошо. Бармены, которые зависят от чаевых, оценят это по достоинству. Но Дженни пришлось рано уйти, потому что у ее сестры началось что-то вроде кризиса, поэтому я обслуживаю оставшихся посетителей, в то время как мой бизнес-партнер — Шарлотта — разбирается с бумагами.

Как только *Любитель облакачиваться на барные стойки* наклоняется ближе к *Красным Прямоугольникам*, она пятится, качает головой, хватается сумочку и направляется к выходу.

Ага. Я мог бы стать гадалкой, специализация — предсказания, выйдет у парня заполучить девушку или нет.

Чаще всего шансы у парнишки ничтожно малы, потому что он совершает самые распространенные ошибки. Вроде этого глупого начала разговора с использованием типичной пик-ап фразы: «*Девушка, вы превращаете все мягкое в твердое!*» или «*Вы должны продавать хот-доги, потому что вам, определенно, известно, как заставить венскую сосиску стоять*». Ага, я тоже не мог поверить своим ушам. Или как насчет вот этой ошибки? Парень, у которого постоянно блуждающий взгляд и выраженная неспособность прекратить пялиться на других женщин. Ну кому такое понравится, а?

Хотя все-таки наихудший грех — это *самонадеянность*. Да хотя бы в том, что она захочет поговорить с тобой. Или в том, что она согласится поехать к тебе. Или, что она позволит тебе поцеловать ее.

Вы же знаете, что происходит при чрезмерной самонадеянности.

Что же насчет меня?

Просто загляните в мой диплом. У меня два высших образования по специальности в области финансов и понимания женщин, и оба я закончил с отличием. У меня энциклопедическое понимание того, чего хочет женщина... и я умею давать ей это. Я достиг полного и свободного владения языком женского тела, их мыслей и жестов.

Вот, к примеру, как сейчас.

Шарлотта что-то печатает в своем ноутбуке, прикусив уголок своих губ, в попытке сконцентрироваться. Перевожу: «*Я чертовски занята, так что не смей меня отвлекать, или я вырву твой кадык*».

Ну, окей, нет проблем. На самом деле, она не мастер по вырыванию кадыков. Но вся суть в том, что от нее прямо исходят флюиды «*Не Беспокоить*».

А тот *Любитель облакачиваться на барные стойки*, определенно, не умеет читать, говорить или писать на женском языке. Он бродит вдоль бара, готовясь сделать первый шаг. Думая, что у него есть хоть какой-то шанс с ней.

Из моего местечка за стойкой я практически слышу, как он прочищает горло, репетируя приветствие для Шарлотты.

Конечно, я понимаю, почему у этого парнишки виды на мою лучшую подругу. Шарлотта — роскошная богиня высшего сорта. Во-первых, у нее волнистые светлые волосы в сочетании с глубокими карими глазами. У большинства блондинок голубые глаза, поэтому Шарлотта получает сто баллов. Плюс, она способна быть совершенно непредсказуемой и убийственно сексуальной.

Во-вторых, у нее фантастическое чувство юмора.

В довершение ко всему, она чертовски умна.

Но *Любитель облакачиваться на барные стойки* не знает об этих последних двух ее преимуществах. Он способен разглядеть лишь то, что она великолепна, и именно поэтому хочет начать свою игру. Он занимает стул рядом с ней и ухмыляется, демонстрируя свои зубы. Она вздрагивает, пораженная тем, что парень вторгся в ее личное рабочее пространство.

Шарлотта полностью контролирует себя. Но давным-давно мы заключили договор, когда объединялись в создании общего бизнеса — этого бара. Если один из нас нуждается в том, чтобы другой прикинулся его девушкой или парнем, чтобы успешно выйти из щекотливой ситуации, мы поклялись вступаться и играть эту роль.

Эта просто игра, в которую мы играем с колледжа, и она всегда срабатывала на все сто.

Безусловно, это работало и потому, что мы с Шарлоттой никогда не были настоящей парой. Она слишком нужна мне — как друг — и, судя по количеству раз, когда она смеялась со мной или плакала на моем плече, я тоже ей нужен. Что же насчет второй причины, почему эта тактика была чудесной — мы оба знаем, что никогда не станем чем-то большим, чем просто друзьями.

И сейчас я иду прямо по направлению к Шарлотте — как раз в тот момент, когда *Любитель облакачиваться на барные стойки* присаживается возле нее и называет свое имя, спрашивая в ответ, как зовут ее.

Я подхожу и кладу ладонь на ее поясницу так, словно она моя. Словно я именно тот, кто может прикасаться к этому телу, запускать пальцы в ее волосы и заглядывать в эти глаза. Я наклоняю голову и посылаю ему самую огромную «выкуси»-усмешку, потому что именно я — тот счастливый сукин сын, который пойдет с ней домой, следуя нашему сценарию.

— Мою невесту зовут Шарлотта. Очень приятно познакомиться, я — Спенсер, — говорю я и протягиваю ему руку для пожатия.

Парнишка морщит нос, словно кролик, понимая, что ему, в который раз, не перепадет этой ночью.

— Хорошего вечера, — бормочет он, и сваливает.

Шарлотта поднимает подбородок, глядя на меня, и одобрительно кивает.

— Только посмотри на себя. Капитан Жених пришел на помощь, — говорит она, проводя ладонью по моей руке и сжимая мой бицепс. — Я даже не заметила, как он подошел.

— Именно поэтому я тебе и нужен. Я всевидящий, — говорю я, закрывая входную дверь. Бар уже пуст. Остались только мы двое — впрочем, как и всегда к моменту закрытия.

— Обычно твои глаза заняты поиском доступных женщин, — произносит она, посылая мне этот «*Я знаю тебя слишком хорошо*» взгляд.

— Что сказать? Мне нравится тренировать свои глазные яблоки, впрочем, как и все остальные части тела, — говорю я, поглаживая свой плоский, словно доска, живот.

Потом она зевает.

— Пора в кровать, — говорю я ей.

— Тебе тоже. О, подожди. У тебя наверняка сегодня еще свидание.

Она права, обычно так и есть.

В этом месяце я встретил невероятную малышку в тренажерном зале. Она усердно тренировалась, а потом еще усерднее работала со мной, когда я нагнул ее над спинкой дивана в своей квартире. Она написала мне на следующий день, рассказывая о том, как болели ее бедра, и как сильно ей это понравилось. А еще сказала, что если я когда-нибудь загляну в Лос-Анджелес, мне следует позвонить ей, потому что она жаждет снова объезжать меня всю ночь.

Собственно, она так и делала. Если однажды вы попробуете филе-миньон, вряд ли вам захочется вернуться к поеданию гамбургеров.

Я сохранил ее номер. Никогда не знаешь, что будет дальше, верно? Нет ничего постыдного в том, что двое взрослых людей наслаждаются ночью, проведенной вместе, и расстаются ближе к утру, пропуская лишние любезности.

Вот как все должно быть. Первое правило подобных встреч — всегда сначала удовлетвори женщину — в идеале пару раз — прежде чем самому получить разрядку. Следующие два правила невероятно просты — не привязывайся и никогда, никогда не будь бестолковым. Я следую своим собственным правилам, и именно поэтому у меня такая прекрасная жизнь. Мне двадцать восемь, я одинок, богат, горяч и я — джентльмен. Не должно быть сюрпризом и то, что я много трахаюсь.

Но сегодня у моего члена выходной. И он рано ляжет спать.

Я качаю головой, тем самым отвечая на вопрос Шарлотты, и продолжаю протирать посуду.

— Не, у меня завтрак с отцом и еще каким-то парнем в семь сорок. Он пытается продать магазин. Мне нудно быть свежим и подготовленным, чтобы произвести впечатление.

Шарлотта указывает на дверь.

— Тогда иди, получи свой сон для красоты, Спенсер. Я все закрою.

— Ну уж нет. Я пришел заменить Дженни. Езжай домой. Я вызову тебе такси.

— Ты же помнишь, что я прожила в Нью-Йорке пять лет, верно? Я знаю, как вызвать такси поздно ночью.

— Я прекрасно осведомлен о твоих независимых привычках. Но мне плевать; я отправляю тебя домой. Чем бы ты не занималась сейчас, можешь заняться этим у себя дома, — говорю я ей, швыряя тряпку в раковину. — Погоди-ка, ты не переживаешь, что

Брэдли Дипстик будет бродить по лобби в попытке впихнуть тебе букет цветов в это ночное время?

— Нет. Обычно он планирует свои засады-извинения в дневное время суток. Вчера он прислал мне метрового медведя, сжимающего красное атласное сердце, с надписью «*Пожалуйста, прости меня*». Что, черт возьми, я должна с этим делать?

— Отправь ему обратно. В его офис. Со словом «НЕТ», написанным красной помадой на этом сердце, — бывший парень Шарлотты тот еще выскочка, туповатый ублюдок, и этот урод никогда не получит ее обратно. Это я вам говорю. — Погоди-ка. У мишки есть средний палец на лапе?

Она смеется.

— А это неплохая идея. Я просто не хочу, чтобы весь офис знал о том, что произошло.

— Знаю. Хотел бы я, чтобы ты целое гребаное столетие вообще не встречала этого парня.

Я вызываю ей такси, целую в щеку и отправляю домой. После этого закрываю бар и направляюсь в свое логово в Уэст-Виллэдж, на шестой этаж городского особняка с террасой, с которой открывается вид на весь нижний Манхэттен. Идеально для июньской ночи.

Я бросаю ключи на стол в гостиной и просматриваю последние сообщения на моем телефоне. Смеюсь, когда моя сестра Харпер отправляет мне фотку из желтой прессы — одна из статей датируется несколькими неделями назад, там я с сексуальной цыпочкой из тренажерного зала. Оказывается, она тренер какой-то знаменитости из реалити-шоу. Я и подписан, как «*замечен нью-йоркский плейбой*» — собственно, как и в прошлый раз, когда я был замечен с новым шеф-поваром на открытии ресторана в Майами в прошлом месяце.

Что же насчет сегодняшней ночи... я буду примерным мальчиком.

На завтрашний день обещать подобного не буду.

Рубашка на пуговицах. Галстук. Угольно-серые брюки. Темно-каштановые волосы, зеленые глаза, волевой подбородок.

Да-да, именно то, что нужно.

Отличный вид для пятничного утра, и, будь я чуваком из какого-нибудь дрянного фильма, то просто тащился бы от собственной крутизны.

Но, если честно, я не такой. Черт, ну кто так вообще себя ведет?

Вместо этого я поворачиваюсь к своему коту Фидо и узнаю его мнение на этот счет. Его ответ прост: он удирает от меня прочь с высоко поднятым хвостом.

У нас с Фидо полнейшее взаимопонимание: я его кормлю, а он не мешает мне. Он появился на моем балконе год назад, мяукая за раздвижной стеклянной дверью, одетый в ошейник с надписью «Принцесса Поппи». Я выяснил, что он принадлежал маленькой старой леди из нашего дома, которая не так давно отошла в мир иной. Эта маленькая старая леди, вероятно, перепугала его с кошкой. У нее не было родственников, как и инструкций по уходу за котом. Я забрал его, выбросил этот розовый ошейник с блестками и дал ему имя, достойное представителя мужского пола.

Такие отношения — беспроегрышный вариант.

Как и вчера ночью. Фидо никогда не воеет и не мяукает, когда я прихожу домой поздней ночью. Уж точно не хотелось бы споткнуться об кого-то, входя в дверь в предрассветные часы. Я работаю сегодня ночью, но завтра вернется Дженни, и мне нужно встретиться с моим другом Ником и отпраздновать одно событие. Его успешное ТВ-шоу было продлено еще на один сезон на Comedy Nation, и мы планируем пропустить пару рюмочек в баре в Грэммерси-Парк. К тому же, там работает сексуальная барменша, с которой я пару раз разговаривал. Ее зовут Лена, и она делает отменный «Харви Волбенгер», поэтому забита у меня в телефоне по названию коктейля.

Устрою ей фейерверк. (Примеч. Коктейль Harvey Wallbanger был создан ввремя празднования победы на очередных соревнованиях серфингистом по имени Харви, который употребляя «Отвертку» добавлял в ее состав ликер Galliano. Весело и шумно отметив свою победу, Харви отправился домой и, выйдя из бара шел, пошатываясь и стучаясь о стены. Именно этот факт и дал название коктейлю — Харви, бьющийся о стены.)

Звучит довольно многообещающе, и под обещанием я подразумеваю, что так и будет.

Я переодеваюсь и еду на метро в Верхний Ист-Сайд — туда, где обитают мои родители. Да, они живут в достатке, но ко всему прочему — это может шокировать — не засранцы. Уверяю. Это не история богатого парня со снобом папашей и холодной, циничной мамочкой. Это рассказ о парне, который любит своих родителей, и родители любят его. Угадайте, что еще? Мои родители даже любят друг друга.

Откуда я знаю?

Потому что я не глухой. Нет, я не слышал *что-то*, когда был ребенком. Вместо этого я слышал, как моя мама, просыпаясь, каждое утро счастливо напевала какую-нибудь мелодию. Я многому научился от них. Счастливая жена — счастливая жизнь, и один из способов сделать женщину счастливой — в спальне.

Сегодня моя работа состоит в том, чтобы сделать своего отца счастливым, а отец хочет

видеть своих отпрысков на этой встрече за завтраком, в том числе мою маленькую сестру Харпер. Она подходит ко мне на Восемьдесят второй улице, ее красные волосы, словно вспышка пламени. Приблизившись, она делает вид, будто собирается схватить меня за ухо.

— Посмотри, что я нашла. Погоди-ка. Что за?.. — она поднимает руку над моей головой и достает тампон.

Ее губы округляются от шока.

— Спенсер Холидей. Ты пользуешься тампонами? Когда начались твои месячные?

Я взрываюсь.

Она хлопает меня по другому уху и достает маленькую таблетку.

— О, посмотри, вот немного «Адвила», если начнутся боли.

— Хорошая попытка, — я улыбаюсь. — Ты показываешь такие представления на всех детских праздниках?

— Нет, — подмигивает Харпер, — но один из подобных трюков мама застолбила у меня полгода назад.

Вместе мы подходим к одному из ресторанов на Третьей авеню, прогуливаясь вдоль одного из прекрасных нью-йоркских кварталов — с просторными верандами, особняками из красного камня и деревьями с пышными кронами, посаженными через каждые десять метров. Похоже на декорации к романтической комедии.

— Как поживает городской плеейбой? Слышала, что Кэссиди Уинтерс сказала, будто ты — лучшее, что было у нее за последние годы.

Я морщю лоб.

— Кто это?

Она закатывает глаза.

— Сексуальная тренерша, о вас еще писали в газетах. Я отправляла тебе фото прошлой ночью. Разве ты не прочел заголовок?

Я качаю головой.

— Неа. К тому же, это было давным-давно, — в мире свиданий две недели кажутся вечностью.

— Уверена, она до сих пор поет тебе дифирамбы.

— Кажется, мне стоит немедленно удалить ее номер, — незнание закона не освобождает от ответственности... или от дерьмовой репутации.

— Ну, тебе лучше следует присмотреться к мистеру Офферману, папиному покупателю, — говорит она, когда синеволосяя женщина, выгуливающая щипца, оборачивается в нашем направлении.

— Думаешь, стоит с ним пофлиртовать? — невозмутимо спрашиваю я, останавливаюсь посреди квартала и вращаю бедрами, подключая свой знаменитый «взгляд стриптизера». — Потанцуй, — я шлепаю себя по заднице, — потрогай меня.

Харпер краснеет и переводит свой взгляд в сторону леди.

— О, Боже, прекрати.

— Ну же, не заставляй меня быть снобом в стиле Чиппендейла.

Она хватая меня за руку и тянет за собой, в результате чего мы врезаемся во владелицу собаки. Женщина удивленно смотрит на меня и произносит:

— Хорошо двигаешься.

Видите? Цыпочки тащатся от меня.

— В любом случае, я говорю о том, что он очень консервативен. Семейные ценности и

все такое. Именно поэтому мы здесь.

— Конечно. Нужно делать вид, что мы счастливая любящая семья. Верно? Это я должен делать? — говорю я и отвечаю легкий подзатыльник. Потому что она этого заслуживает.

— Эй. Не порти мою прическу.

— Ладно, ладно. Я понял. Ты хочешь, чтобы я притворился милым мальчиком, а ты ангелочком.

Она скрещивает руки на груди в молитвенном жесте.

— *Я и есть* ангел.

Мы входим в ресторан, и папа встречает нас в фойе. Харпер извиняется и отправляется в дамскую комнату, а папа хлопает меня по спине.

— Спасибо, что присоединился к нам. Ты получил записку, да?

— Конечно. Разве я не выгляжу, как сын успешной семьи голубых кровей? — я скольжу рукой по своему галстуку, естественно от Barneys, за что им большое спасибо.

Он похлопывает меня по щеке.

— О, что ты, это неоспоримо, — затем забрасывает руку мне на плечо, — ох, я так рад, что ты тут. И послушай, — говорит он, понизив голос, — тебе известно, что меня не волнует, чем ты занимаешься в «свободное время». Но у мистера Оффермана есть четыре дочери в возрасте от семнадцати до одиннадцати лет. Поэтому он предпочитает более...

— Благопристойных? — говорю я, демонстрируя свою лучшую улыбку хорошего парня. Отец щелкает пальцами и кивает головой.

— Они здесь, на завтраке? Его дочери?

Он качает головой.

— Только ты, твоя сестра, он и я. Он хотел встретиться с вами двумя. Единственное, что я хочу сказать — чем меньше ты будешь соответствовать своему статусу *«знаменитый нью-йоркский плейбой»*, тем счастливее он будет, а чем счастливее он, тем счастливее я. Можешь ли ты это сделать?

Я вздыхаю и распахиваю глаза.

— Я не знаю, пап. Это, вроде как, серьезно ограничивает мои разговорные возможности. Так как обычно я говорю только о женщинах и сексе. Черт побери, — произношу я разочарованно и делаю вид, что подготавливаю себя, начиная загибать пальцы. — Итак, политика, религия, контроль над огнестрельным оружием. Это то, на чем я сосредоточусь, ладно?

— Не заставляй меня дать тебе в морду, — шутит он.

— Отец, все понятно. Я не буду разрушать твою мечту. Обещаю тебе. В течение следующего часа я примерный сын и перспективный нью-йоркский бизнесмен. Я ни слова не скажу о женщинах или о сайтах для парней, — говорю я ему, потому что умею быть хамелеоном. Я могу сыграть партию милого мальчика или серьезного бизнесмена. Я могу сыграть выпускника Йельского университета или веселого балагура. Сегодня я буду отзывать на члена Лиги Плюща, а не на чувака, который создал и продал одно из самых востребованных приложений для знакомств.

— Спасибо, что согласился сохранить в тайне эту сторону. Я долгие годы искал подходящего покупателя, и, думаю, в конце концов, нашел. Если и относительно некоторых деталей все пройдет хорошо, то мы подпишем бумаги в конце следующей недели.

Мой отец — суперзвезда в ювелирном деле. Вряд ли кто-нибудь знает, как его зовут, но, определенно, все знают его магазин. Он основал «Катарин» на Пятой авеню тридцать лет

назад, и значится не последним человеком в ювелирном деле. Небесно-голубые коробочки, которые были разработаны для бутика, буквально стали иконой стиля — признаком роскошных подарков. Жемчуг, бриллианты, рубины, серебро, золото — не перечислишь. Названный в честь моей мамы, «Катарин» является дворцом утонченности, и мой отец превратил магазин на Пятой авеню в целую сеть бутиков, расположенных в двенадцати городах мира. «Катарин» отправила меня и мою сестру в частную школу, затем в колледж, и, в целом, сделала наши жизни потрясающими.

Папа хочет отойти от дел и вместе с мамой объехать весь мир. Это была его мечта, и он наконец-то нашел того самого покупателя — кого-то, кто осознает утонченную элегантность бутика, который он построил, и имеет достаточно денег, чтобы заплатить столько, сколько просит мой отец.

Он никогда не планировал оставить свой бизнес мне или Харпер. Меня совершенно не интересует управление международной ювелирной сетью, собственно, как и мою сестру. Я уже делаю то, что люблю — владею баром «Лаки Спот» на Манхэттене вместе с Шарлоттой. К тому же, я заработал свои первые деньги еще в колледже, когда запустил Boyfriend Material.

Концепция была проста, но гениальна.

Фото члена не допускаются.

Потому что — что бы вы ни думали — женщины не любят фотографии члена. На ранней стадии знакомства нет ничего более агрессивного и отталкивающего, чем отправленная фотка своего стояка женщине, которая тебе нравится. Даже если у тебя такой же гигантский, как у лошади — фото поставит ее в неловкое положение. Мое приложение предполагает убежище для женщин — там они могут быть уверены, что не будут подвержены фотоатакам с непрошенными снимками членов.

Приложение раскрутилось, и мои инвесторы сорвали крупный куш, а я превратился в гребаного счастливого.

Но в течение следующего часа, во время разговора с мистером Офферманом, я просто парень, который работает в бизнесе пищевых продуктов и напитков. Игра началась.

Отец ведет меня с Харпер к большому круглому столу, покрытому белоснежной скатертью и стоящему в задней части ресторана.

— Мистер Офферман, рад представить вам моих детей. Это моя дочь Харпер и сын Спенсер.

Мистер Офферман — высокий и импозантный, с темными глазами и черными, как смоль, волосами. Выглядит крепким и негибачаемым. Могу поспорить, что он был военным. От него разит генеральством.

— Рад познакомиться с вами двумя, — говорит он глубоким баритоном. Ага, этот мужчина, определенно, отдает приказы.

Мы обмениваемся любезностями и садимся за стол. После того, как заказ сделан, он смотрит на Харпер.

— Я много слышал о вас. Как прекрасно, что вы фокусница... — когда он нападает на нее с расспросами, до меня вдруг доходит — профессия Харпер ведь прекрасно подходит к его «семейно-дружелюбному» образу. Она работает с детьми, и он от этого в восторге. Харпер показывает ему парочку своих трюков. Она заставляет исчезнуть сначала его вилку, потом салфетку, а затем стакан воды.

— Замечательно. Держу пари, что ты просто притягиваешь детей. Моим девочкам это бы понравилось.

Чувак, у тебя подростки. Я очень сомневаюсь, что они заинтересованы в ловкости рук.

— Буду рада показать им парочку фокусов, — говорит Харпер, даруя ему светящуюся улыбку, полностью завладев симпатией мистера Оффермана.

— Замечательно. Я хотел бы позвать вас на ужин завтра вечером. С моей женой и дочерьми.

— Я с удовольствием приму ваше приглашение, — говорит Харпер.

Он переводит свой взгляд на меня.

— Что насчет тебя? Как там твоё приложение Boyfriend Material?

Ах вот оно что. Неудивительно, что он провел своё расследование.

— Компания, которая приобрела его, говорит, что все идет довольно неплохо. Но я больше не имею к этому никакого отношения, — говорю я, уваливая от вопроса.

— Оно довольно популярно, если верить тому, что я читал. Ты, кажется, знаешь, чего хотят женщины.

Я сглатываю и с опаской смотрю на отца. Искусственная улыбка не сходит с его лица. Он не хочет, чтобы мистер Офферман развивал эту тему.

— Все что я знаю, сэр, это то, что нужно уважительно относиться к своей женщине, а когда придет время, встать на одно колено, но до этого прийти в «Катарин» за чем-то большим, чем один карат, — пытаюсь я отшутиться.

Он улыбается и кивает, а затем откашливается.

— У меня есть знакомый репортер в *Metropolis Life and Times* — тот самый, который освещает продажи франшиз ювелирных изделий. Немного о бизнесе, немного о жизни. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что нам всем в ближайшие пару недель необходимо сосредоточиться исключительно на магазинах, пока будет осуществляться купля-продажа.

Не на популярном приложении для знакомств или чем-то подобном, что так любит пресса. Типа любовных *подвигов*, — он замолкает и расправляет салфетку на коленях. — Ты ведь понимаешь, о чем я?

Мы все понимаем, что ты имеешь в виду, мужик.

Мой отец поддакивает:

— Не могу не согласиться. Не следует, чтобы в статьях освещалось что-то, кроме ювелирных изделий.

— Отлично, — мистер Офферман снова смотрит на меня, и я понимаю, что инквизиция не закончена. — Твой новый бизнес идет хорошо?

— Пищевая промышленность — хорошее капиталовложение. Шарлотта и я основали «Лаки Спот» три года назад, и все идет прекрасно. Веселое место, прекрасные отзывы, клиенты довольны.

Он продолжает доставать меня еще большим количеством вопросов о баре, и я понимаю, что это все часть его плана разобраться, что я за человек. Понять, является ли мой новый бизнес таким же «скользким», как и мое приложение. Но я могу справиться с мужиком, вроде него. Я бы не открыл свой собственный бизнес, если бы меня было легко запугать. Я открыл его, потому что чертовски бесстрашный и читаю рынок точно так же, как могу прочесть и его. Я знаю, как дать ему то, чего он хочет, и делаю это в каждом ответе, потому что если он будет доволен, то мой отец будет счастлив.

— Что вам больше всего в этом нравится?

— Работа с Шарлоттой великолепна, — говорю я, потому что это единственный правдивый ответ. — Нам словно было суждено создать что-то подобное вместе. У нас идентичные взгляды на большинство вещей.

Он улыбается уголками губ.

— Это прекрасно. Как долго вы ... — он замолкает, когда официант приносит наши тарелки, но я улавливаю суть вопроса. *Как долго мы дружим...*

— Со времен колледжа, — отвечаю я.

— Замечательно, — говорит он, когда официант ставит перед ним яйца Бенедикт, — надеюсь, вы сможете присоединиться к нам завтра во время званого обеда.

О, я прошел его испытание. Красавчик.

— Я был бы рад, — говорю я.

В это время вечеринка Ника. Но он поймет. Я украдкой смотрю на отца, который выглядит довольным, что завтрак проходит так гладко.

Мистер Офферман поднимает свою вилку.

— И, возможно, ты мог бы взять свою подружку с собой.

Я чуть не давлюсь апельсиновым соком.

Папа пытается вмешаться, но мистер Офферман продолжает говорить своим внушительным баритоном, не позволяя вставить и слова:

— Моя жена захотела бы встретиться с Шарлоттой. Как и мои девочки. У нас теперь семейный бизнес, и очень важно подчеркнуть это во время передачи компании, учитывая интерес со стороны СМИ и всех остальных. Мне нравится, что они смогут осветить эту сторону тебя.

Я открываю рот, чтобы исправить это недоразумение. Сказать ему, что Шарлотта просто подруга. Что мы только деловые партнеры.

Но прямо сейчас его улыбка равна подписи на договоре о сделке. Я пытаюсь понять, как

поступить правильное.

Офферман уже думает, что Шарлотта моя постоянная девушка, и это безумно радует его. Что, если бы она была ею? Сражайся или уходи.

— На самом деле, мы с Шарлоттой были просто друзьями со времен колледжа, — начинаю я, а затем говорю то, чего он хочет, — но мы начали встречаться месяц назад и обручились прошлым вечером. Я очень рад поделиться этими новостями с вами. Теперь она моя невеста.

Харпер роняет вилку, отец начинает моргать, а мистер Офферман светится. Он вне себя от радости, словно сам стал членом нашей семьи. Он думал, что встретит плейбоя, а вместо этого получил будущего жениха.

— И я был бы очень рад взять с собой мою роскошную красавицу-невесту на ваш завтрашний ужин, — добавляю я, после чего мой отец широко ухмыляется, а я начинаю копать в своей яичнице. Сестра смотрит на меня, мысленно требуя объяснений. Я уверен, что вскоре меня ждет серьезный допрос. Но мне грозит чертовски загруженный день.

И все, что нужно теперь сделать, — убедить Шарлотту, что это часть нашего договора.

Стоя на улице возле ресторана, папа, нахмурившись, проводит рукой по волосам. В его глазах я вижу смущение. Он только что посадил мистера Оффермана в такси и пообещал в ближайшее время приехать в магазин на Пятой авеню.

Но сначала он хотел допросить меня. Неудивительно.

— Когда ты собирался рассказать мне?

Вот в чем дело. Я не могу сказать ему, что просто соврал для мистера Оффермана.

Если папа узнает, что я выдумал это гребаную помолвку ради его коммерческой сделки, он подумает, что у него нет выбора, кроме как извиниться перед господином Офферманом. Он пойдет к нему, посмотрит на него своим фирменным взглядом а-ля Честный Эйб, и скажет, что ему очень жаль, но его сын просто пошутил. Вот такой он человек, и именно так ведет свой бизнес. И если потребуются вернуться к своему покупателю, поджав хвост, и исповедаться за своего гулящего сына, сказавшего что-то не к месту, он сделает это, даже если в результате сорвется сделка.

Неа. Этого не будет. Я не позволю.

Мне бы не хотелось, чтобы мой отец стал жертвой этой поддельной помолвки. Но все дело в том, что ему это *нужно*. Я видел тот огонек в глазах мистера Оффермана, когда рассказал о том, что мы с Шарлоттой обручены. И теперь Одинокий Спенсер, прожигатель жизни — джокер в сделке, которая еще не завершена. С кольцом на пальце Шарлотты я становлюсь идеальным сыном.

Так что я сделаю то, чего делать не хочу, но обязан.

Глобальная ложь. Необходимо продумать все мелочи.

— Это произошло прошлым вечером, я попросил ее руки.

— Я даже не знал, что вы встречаетесь, — добавляет он.

Женщина в узкой розовой юбке и в черных туфлях на шпильке идет в нашем направлении. Она кокетливо смотрит на меня, и я собираюсь улыбнуться в ответ, но вдруг останавливаю себя.

Ауч. Я только что лишил себя любимого занятия на ближайшие пару недель.

Но все хорошо. Я смогу сделать это. Смогу притвориться, что обручен. Смогу поставить активность моего члена на паузу. Так вот...

— Я собирался сразу же рассказать тебе, и так вышло, что «сразу же» оказалось этим утром.

— Как долго вы вместе?

Не усложняй. Не будь многословным.

— Все произошло так быстро, па, — говорю я, приняв изумленный вид и делая щенячье-любящий взгляд, рассказывая о своей будущей невесте. — Мы всегда хорошо ладили, ты же знаешь, и были хорошими друзьями. Думаю, здесь как раз тот случай, когда то, что тебе нужно, находится прямо под носом, но требуется очень много времени, чтобы это понять. И пару недель назад мы признались друг другу в любви, и ... бац. Остальное уже история.

Вау. Это ведь звучит правдоподобно? Или нет? Я могу это сделать.

Папа поднимает руку.

— Не так быстро. И что это значит? *Остальное уже история?* Как ты сделал

предложение? И, ради Христа, где ты взял кольцо? Если ты скажешь, что в Sheyn Company, то я отрекись от тебя, — говорит он с напускной серьезностью.

Мне нужно кольцо, черт возьми. Гигантское кольцо. Сын ювелирного магната не может подарить своей леди маленькое.

— Мы влюбились так быстро, пап. Встречались в течение нескольких недель, — это звучит достаточно правдоподобно. Но будет еще лучше, если я продолжу и скажу... — И это все, что нам было нужно после стольких лет дружбы. Как говорится, женись на своем лучшем друге, — говорю я, хотя понятия не имею, есть ли такая поговорка. Но кому какое дело, если это прозвучало чертовски в тему. Папа кивает в знак понимания, когда я заканчиваю свою оду о вымышленном романе. — Когда понимаешь, что не можешь прожить и дня без женщины, которую обожаешь, все, что тебе нужно — сделать ее своей, и не важно, встречаетесь вы несколько недель или влюблены целые годы. Поэтому я сделал ей предложение вчера вечером. Не мог больше ждать. Когда понимаешь наконец, что это все, что тебе нужно, ты просто идешь и делаешь, согласен?

Он восторженно вздыхает, когда такси подлетает к тротуару.

— Не думаю, что смог бы так ярко описать все это.

Отец должен нанять меня, чтобы я писал дня него рекламные слоганы. Я мог бы хорошо наварить на этом дельце.

— Но нет, у меня нет кольца, — говорю я и подмигиваю. — Ты случайно не знаешь, где бы я мог приобрести его?

Он поглаживает подбородок, делая вид, что глубоко задумался.

— Ох, если бы я только мог знать подобное место, — он смеется от собственного остроумия и пожимает мою руку. — Приходи в два, и Нина выберет тебе самый красивый камень. Ты не можешь делать предложение без кольца от «Катарин».

— По правде говоря...

Мой телефон гудит в кармане. Рингтон на контакт Шарлотты — имперский марш Дарта Вейдера. Она сама его выбрала — любительница пошутить.

— Шарлотта, — говорю я отцу, указывая на телефон.

— Может быть, поменяешь эту странную мелодию, ведь девочка скоро станет твоей женой, — говорит он мне. Затем смотрит на меня и улыбается. — Эй! Это был мой первый совет человеку, который скоро будет состоять в браке.

На краткий промежуток времени моя грудь сжимается от волнения. Что делать, если Шарлотта не захочет в этом участвовать?

Что делать, если она посмеется надо мной — что она, собственно, и должна сделать — и скажет, что это самая бредовая в мире идея, и что она ни за что не пойдет на это?

Я говорю себе, что преждевременная паника ни к чему. Ведь именно так друзья и поступают. Притворяются, что выйдут за вас, когда вы в этом нуждаетесь. Так ведь?

Мелодия играет снова. Марш Вейдера звучит все громче.

— Тебе следует взять трубку. Тем более, если звонит женщина, вроде нее, — говорит отец. — Эй, это вторая часть моего совета.

Я успокаиваю себя и скольжу большим пальцем по экрану.

— Доброе утро, моя прекрасная невеста, — говорю я гадким, романтическим голосом.

Она удивлена.

— Почему мы играем так рано? Не говори мне, что пьянствуешь в пятницу утром? Ты уже надрался вдрызг, Спенс?

— Я опьянен тобой. Где ты сейчас?

— Только что разговаривала с одним из наших поставщиков. Договорилась о еще более выгодной сделке для нас, скажи мне спасибо. С тебя начос. Но почему ты ведешь себя, как влюбленный извращенец?

— Ну, *дорогая*, — говорю я, встретившись взглядом с отцом, который показывает мне свой большой палец в одобрительном жесте, пока я притворяюсь перед ним. — Я скоро приеду, и ты сможешь рассказать мне об этом лично.

— Хорошо, — говорит она медленно, — но сделка действительно хороша, так что нет необходимости рассказывать тебе обо всех нюансах лично, или даже по телефону. В любом случае, прямо сейчас я планирую запрыгнуть в душ. И нет, ничего не говори. Не в буквальном смысле «прыгнуть»!

Я смеюсь.

— Конечно, я приеду через двадцать минут. Не могу дождаться встречи с тобой.

Я почти был готов сказать *пунсик*, прежде чем завершить вызов, но тогда пришлось бы попроситься со своими яйцами. А мне нравятся мои яйца. Я бы даже сказал, что привязан к ним.

Я сбрасываю вызов, прежде чем она сможет запротестовать, а затем понимающе смотрю на отца.

— Женщина нуждается во мне.

Отец приподнимает бровь.

— Ты должен услышать ее призыв, — он потирает руки, — действительно лучшая новость за все это время. Ты сделал меня счастливым. Я всегда любил Шарлотту.

Черт, я еще никогда не чувствовал себя настолько виноватым. Я редко лгал своему отцу, когда был ребенком. И уверен, что больше не делал этого с тех пор, как стал взрослым. Осколки вины, колющие изнутри, были для меня в новинку и дарили отстойные ощущения. Но оно стоит того. Сделка свершается; контракт будет подписан в течение нескольких дней. Эта маленькая ложь поможет, чтобы все прошло гладко.

Он сгребает меня в объятия.

— Позвони своей маме. Она захочет услышать об этом от тебя.

— Расскажу ей все в деталях, — говорю я, мысленно морщась, ведь мне придется подготовиться, чтобы наврать маме.

Я ловлю такси до дома Шарлотты. По пути пишу Нику сообщение, чтобы все отменить.

Я: Семейные заморочки на выходных. Придется отменить завтрашнюю вечеринку. Отпразднуем в другой раз?

Он ответит через пару часов. Ник — редчайшая порода современного человека, которого можно встретить разве что в дикой природе. Это тот тип парня, который предпочитает ручку и бумагу современным гаджетам, и, думаю, именно благодаря этому он мультипликатор мирового уровня.

В желтой машине, проносящейся вдоль Лексингтон-авеню, я представляю себе сексуальную барменшу, а затем печатаю быстрый текст: *Извини, детка. Кое-что произошло, и мне нужно увидеться с семьей. Встретимся в другой раз.*

Ее ответ приходит через тридцать секунд: *Мое предложение остается в силе в любое время.*

Три моих любимых слова — в любое время.

Но она не та, о ком я думаю, когда приезжаю в Мюррей-Хилл. Эта женщина находится за гигантским букетом из... воздушных шаров?

Здесь около трех десятков этих шукувин. Словно марсианские головы любых размеров и всех цветов радуги, известных человеку.

В центре внимания огромный воздушный шар — больше и горделивее, чем все остальные, на фоне которых он смотрится самым ярким. Кроваво-красный и, должно быть, в форме сердца, но лично мне напоминает гигантскую задницу.

Я сую таксисту двадцатку, оставляя ему сдачу на чай, захлопываю за собой дверь, и он моментально отъезжает в поиске следующего заказа.

Я даже не могу видеть ее лицо. Или грудь. Или талию. Все, что выше ее пояса, скрыто за воздушными шарами, но эти шикарные ноги я бы узнал из тысячи. В старшей школе Шарлотта занималась бегом на короткие дистанции, и у нее всегда были сильные тренированные ножки с мускулистыми икрами, которые выглядели невозможно греховно, когда она надевала высокие каблуки. Кстати, прямо сейчас ее ножки нереально сексуальны в этих белых носочках и кроссовках. Должно быть, сегодня она была на утренней пробежке.

Глядя на нее, стоящую поодаль на дорожке, я наблюдаю за происходящим, быстрыми шагами пересекая тротуар.

Она пытается передать букет какой-то мамочке, толкающей коляску. Та качает головой и усмехается. Когда я сокращаю расстояние между нами до десяти метров, она передает воздушные шары девочке, которой на вид около десяти лет.

— Ни за что! — кричит девочка, и бежит в другую сторону.

За шарами Шарлотта издает разочарованный вздох.

— Позволь мне угадать, — говорю я, подходя к ней, — ты либо угробила «Лаки Спот» и пытаешься начать новую карьеру в качестве продавца воздушных шаров, или Брэдли Дипстик снова появился на горизонте?

— В третий раз на этой неделе. Кажется, он никогда не поймет смысл слов «мы никогда снова не будем вместе», — она пытается отодвинуть шары от лица, но они электризуются и прилипают к ее волосам. Она снова пытается убрать их прочь, но статическое электричество снова работает против нее. Надувные монстры неумолимы, и легкий ветер постоянно толкает их все ближе к волосам Шарлотты. — Это самые противные воздушные шары в мире, и я уверена, что все люди шепчутся о его плане вернуть меня, ведь однажды это у него получилось.

— Он просто отправил их тебе, да?

— Да, — говорит она сквозь зубы, сжимая букет. — Примерно через две минуты после нашего телефонного разговора я собралась выйти, чтобы купить кофе. Мне позвонил швейцар и сказал, что для меня прислали шары. Но так как они были слишком велики, чтобы поместиться в лифте, он попросил меня прийти и забрать их. Даже если бы я хотела их оставить себе, то все равно не смогла бы затащить в квартиру.

— И ты пытаешься отдать их? — спрашиваю я, протягивая руку в попытке забрать их у нее.

— Я подумала, что, возможно, ребенок найдет им лучшее применение, чем взрослая женщина. К моему удивлению, я переросла свой фетиш воздушных шаров.

Я слышу гул автобуса, останавливающегося возле ее дома, и шлейф выхлопных газов

толкает шары прямо в лицо Шарлотты.

— Уффф, — произносит она, когда подлый розовый воздушный шар буквально нападает на нее. Я хватаю спутанные веревочки, дергаю их подальше от нее и удерживаю высоко над головой.

— Может, просто отпустим их высоко в небо летать над Манхэттеном, словно огромное пасхальное яйцо?

Она качает головой.

— Нет. Воздушные шары, в конце концов, останутся без гелия и упадут вниз. А потом либо застрянут в деревьях, либо упадут на землю, и животные съедят их и заболеют, что не так уж круто.

Шарлотта та еще сентиментальность. Она любит животных.

— Ясненько, — говорю я, кивая, — Ладно, понял. А пережить массовое убийство трех десятков надоедливых шаров ты сможешь?

Она решительно кивает.

— Это, безусловно, травмирует меня, но я уверена, что смогу пройти через это.

— Закрой уши, — говорю я, а затем достаю из кармана ключи и приступаю к прокалыванию каждого шара. Они издают громкие хлопки, но я не останавливаюсь, и добираюсь до того самого, в форме задницы, пока в моих руках не остается безвольный букет рваной резины.

Такой же, как Брэдли.

Вот и все, что вам нужно знать о том, как Брэдли заработал дополнительные очки для звания мудака. Шарлотта и Брэдли встретились два года назад, потому что жили в одном доме. Начали встречаться, и это казалось чем-то довольно серьезным. Затем приняли решение съехаться, потом решили купить большую квартиру на десятом этаже и обручиться. Все шло довольно гладко, по крайней мере до того дня, когда все было готово для подписания документов на покупку трехкомнатной квартиры, и Брэдли приехал раньше, чтобы — только подумайте — «проверить трубы». Да, это было его реальное оправдание.

Когда приехала Шарлотта с ручкой в руке, то застала Брэдли, трахающего риелтора на кухонном острове.

— Мне никогда не нравилась эта железная стойка, — сказала Шарлотта, и я был так горд за то, как она умела держаться даже в самые сложные моменты.

Конечно, на самом деле, ей было очень плохо. Она любила этого парня. Она плакала на моем плече, рассказывая всю их историю, пытаясь сдерживаться и все такое. Прошло десять месяцев. Брэдли, наконец, порвал с риелторшей и начал кампанию по возвращению Шарлотты.

С подарками.

Отвратительными подарками.

Я выбросил проколотые воздушные шары в мусорный бак на углу.

— Теперь животные в безопасности от его террора.

— Спасибо, — произносит она с облегчением, снимает резинку с запястья и убирает волосы с лица, связывая их в конский хвост. — Это было довольно символично. После того, как ты проколол их, они выглядели довольно жалко.

— Как и Брэдли? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

Ее губы изгибаются в крошечной ухмылке. Она пытается не смеяться и прикрывает рот. Шарлотта никогда не любила попусту болтать. Она никогда не делилась деталями своей

сексуальной жизни — в любом случае, меня это не интересовало. Хотя она — кремень.

Поэтому тот факт, что она держится молодцом и даже может немного посмеяться над всей этой ситуацией — достижение для нее. Как и для меня. Я парень, и поэтому нахожусь в постоянной конкуренции со всеми мужчинами, так что ничего не могу поделать, но все же чувствую небольшую победу.

Хотя для меня это никогда и не было проблемой.

— Давай возьмем тебе кофе, и я расскажу, почему вел себя как влюбленный извращенец.

Пока она кладет сахар в чашку, ее глаза округляются. С каждым мгновением они увеличиваются и увеличиваются, пока не превращаются в блюдца. И когда она подносит кофе к губам, глазные яблоки практически выскакивают из орбит.

При упоминании о завтрашней обеде она чуть ли не выплевывает горячий напиток.

Затем хватается за живот и прижимает вторую руку ко рту, сотрясаясь от смеха.

— И как ты только попадаешь в такие ситуации?

— Мне нравится думать, что это все мой ум и обаяние, но в данном случае, думаю, проблема в моем длинном языке, — говорю я с умоляющим выражением лица. Дело в том, что существует только один ответ на этот вопрос — я должен прийти туда со своей невестой. А это означает, что она *должна* сказать «да», так что я становлюсь все более серьезным. — Ты же сделаешь это? Сможешь притвориться, что помолвлена со мной? Всего на неделю?

Она продолжает хохотать.

— И это твоя блестящая идея? Лучшее решение проблемы твоего болтливости языка?

— Да, — говорю я, кивая, с намерением твердо следовать плану, — это отличная идея.

— О, Спенсер. Это круто. На самом деле, действительно, одна из твоих лучших идей, — она наклоняется к стойке за сливками. — И под словом «лучшая идея» я подразумеваю «худшую».

— Почему? Скажи, почему это такая плохая идея?

Она театрально замолкает на мгновение, затем поднимает палец вверх для пушечного эффекта и произносит:

— Исправь меня, если я ошибаюсь, но ты *хочешь*, чтобы вся эта чепуха с фальшивой помолвкой сработала, не так ли? Ты действительно хочешь это проверить?

— Да. Это же очевидно.

Она тычет пальцем в мою грудь.

— И поэтому ты решил, что будет круто попросить меня участвовать в этом?

— Кого мне еще просить, если не тебя?

Она закатывает глаза.

— Ты же знаешь, что я худшая в мире лгунья?

— Я бы не назвал тебя худшей.

Она смотрит на меня, словно я сумасшедший. Хотя, может, она и права.

— Тебе напомнить, как в девятом классе ты со своими друзьями разыграл мое общежитие? Если мне не изменяет память, то я не только стала свидетелем вашей шалости из-за того, что ушла пораньше с фильма «Спешите любить» в кинотеатре, но мои соседки за пять секунд смогли выяснить, кто это сделал!

— Ты не могла сдать так быстро, — настаиваю я, продолжая пить свой кофе и возвращаясь к воспоминаниям о колледже. Один из моих приятелей встречался с одной из подруг Шарлотты. Подружка выбросила его пульт от телевизора из окна четвертого этажа, потому что, по ее мнению, он слишком много смотрел телевизор, и парень решил провести небольшой мебельный переворот, вынеся из комнаты все. Беда была в том, что Шарлотта застала нас в процессе, так что я поклялся ей, что мы все вернем после полуночи.

— Ох, именно это я и сделала. Было несложно вытрясти из меня правду, — говорит она

категорично, глядя мне прямо в глаза. — Сначала они просто спросили, кто перенес всю мебель из общей комнаты в прачечную, потом начали щекотать меня. Если бы я не смоталась с того фильма так рано, то не стала бы участником ваших шалостей. Я до сих пор виню Николаса Спаркса за свою неспособность сохранить твой секрет.

— Обещаю, что тебе не придется проходить через просмотр фильма Николаса Спаркса из-за этой ложной помолвки. И клянусь, что никто не будет щекотать тебя.

— Слушай, я просто думаю, что это не невинная шалость. Весьма вероятно, что в будущем это выйдет тебе боком, — она смягчает тон. — Я забочусь о тебе, Спенсер. Знаю, что ты придумал всю эту помолвку, чтобы помочь отцу со сделкой, но из всех женщин, которых знаешь в Нью-Йорке, почему ты выбрал меня? Да даже использование службы эскорта было бы логичнее. Эти женщины знают, как правдоподобно притвориться невестой.

Я усмехаюсь над подобной идеей, а затем сжимаю рукой ее плечо, словно тренер, пытающийся убедить игрока, что ему следует вернуться в команду. Мне нужно убедить ее, что она сможет это сделать. Потому что сможет. Она знает меня лучше, чем кто-либо. Кроме того, я не могу просто позвонить в эскорт-агентство и заказать невесту на неделю. *«Привет, можно мне опытную невесту и порцию картошки фри с собой, пожалуйста?»*. Во-первых, я не знаю ни одного эскорт-агентства. Во-вторых, выбор пал на Шарлотту. Я представил ее сегодня утром как свою невесту. Так что, или Шарлотта, или никто.

— Это займет не так уж много времени. Нужно будет сходить всего на парочку мероприятий — сегодня выбрать кольцо, а завтра сходить на ужин. Ты сможешь сделать это. Только ты и я, детка, — произношу я, и на последнем слове она хмурится.

— Так ты называешь свою невесту? Детка? Или солнышко? Или как-то еще? Милая? Сладкий медвежонок? Конфетка? Мамонтенок?

— Уверю, ты не Мамонтенок.

— А мне нравится Мамонтенок, — я понимаю, что она просто тянет время... или просто-напросто избегает ответа.

— Думаю, что буду называть тебя деткой, — произношу я с уверенностью, пока она пьет свой кофе, — не знаю, почему решил называть тебя так. За исключением очевидного. Ты — детка.

Она снова улыбается и мягко произносит:

— Спасибо. Ты тоже.

Вот видите? Это одна из величайших отличительных черт нашей дружбы. Я могу признать, что она детка, а она может сделать то же самое относительно меня, и ничего не произойдет. Именно поэтому только она *должна* притвориться моей невестой.

Я жестом показываю, что все это только между нами, и решаю, что следует давить до последнего. Может быть, это чепуха. Может быть, это не по-настоящему. Но это все, что у меня есть, и я нуждаюсь в ней. Часики тикают, и я понимаю, что в два часа открывается «Катарин».

— Вот, что я думаю. Мы уже делали подобное. Это же наша игра, — говорю я, будто убеждаю ее стать частью моей команды, чтобы ограбить казино в Вегасе. — Мы ведь знаем ее правила. Я постоянно притворяюсь твоим женихом, теперь твой черед.

Уголок ее губ дрожит от волнения. Это одновременно смешно и мило. И будь она моей настоящей невестой, я бы наверняка подумал, что это прекрасно, и наклонился бы, чтобы поцеловать ее.

— Ты притворялся перед ними от силы минут пять, и то в баре, — продолжает она. —

Просто обычно это заканчивается быстро — спасибо тебе — и спасает одного из нас от нежелательных связей. А теперь ты говоришь, что мне нужно продержаться целую неделю? Под пристальным вниманием? Прессы, твоих родителей, покупателя магазина твоего отца и всех остальных? Я просто думаю, что ты напрашиваешься на неприятности.

— Да, но кто знает меня лучше, чем ты? Ты единственный человек, кто может сделать это, — говорю я. Маленькое кафе наполняется людьми, и мы разворачиваемся, выходя из здания с чашками кофе в руках.

— Я хочу помочь тебе, ты же знаешь. Просто думаю, все догадаются, что мы на самом деле не помолвлены, и станет только хуже.

Испугавшись, я давлу дальше:

— Тогда давай разберемся. Особенно если я планирую в два часа дня купить тебе кольцо, — она смотрит на меня своими широко распахнутыми глазами, и я продолжаю успокаивать ее. — Давай договоримся обо всем, что нам нужно знать друг о друге.

— Типа, какой пастой я пользуюсь, и воруюшь ли ты одеяло?

— Я не ворую одеяло, — говорю я, когда мы уступаем дорогу семейной паре — каждый из них держит на руках ребенка и спорит о том, где пройдет их обед.

— И я пользуюсь Crest со вкусом морозной мяты. Вроде полосок для отбеливания зубов, — говорит она, — но давай будем честными. Никто и никогда не задаст подобный вопрос. Кстати, ты уже думал о том, как будешь выживать неделю без твоего любимого времяпрепровождения? — говорит она, и в ее карих глазах появляется злорадный блеск.

— Я могу дать обет воздержания.

Она кивает.

— Конечно. Продолжай себя успокаивать, — потом останавливается и пялится на меня. — Но, серьезно, если я соглашусь на это, тебе лучше не шастать с другими женщинами.

Надежда дико скачет в моей груди.

— Означает ли это, что ты согласна?

Она качает головой.

— Еще нет. Я просто показываю тебе еще один контрольно-пропускной пункт. Это будут оочень дооолгие семь дней для тебя, — говорит она, ударяя локтем меня в бок. — К тому же, как ты собираешься объяснить, почему у тебя было публичное свидание несколько недель назад? Что ты собираешься рассказать своему отцу и его покупателю об этом? Или что ты скажешь о той женщине в Майами, с которой тебя видели на открытии ресторана?

Я театрально взмахиваю рукой.

— Оставь это мастеру. Если начнет всплывать, что я был со знаменитой тренершей, то просто буду это отрицать. В любом случае, эти сплетни никто всерьез не воспринимает. К тому же, в Майами это было просто дружеское позирование для фото. И я уже придумал идеальную историю о том, как мы влюбились. Я сказал папе, что это случилось быстро. Всего за нескольких недель. На самом деле, прошлым вечером я сделал тебе предложение, потому что понял, что все эти годы был влюблен в тебя.

— Все эти годы? — спрашивает она, приподняв бровь.

Я игриво пожимаю плечами.

— Все чертовы годы. Я был увальнем. Но, наконец, я осознал это чувство, заставившее меня опуститься на одно колено, чтобы сделать тебя своей.

Она ничего не говорит, только уголки ее губ дергаются, и я смотрю на них дольше

обычного. У нее действительно красивые губы. Я имею в виду, с эмпирической точки зрения. В качестве фиктивного жениха я должен знать обо всех ее особенностях, в том числе и о губах.

Если предположить, что она скажет «да». Она должна сказать «да».

— Это на самом деле милая история, — говорит она, ее голос совершенно искренен, когда мы стоим на углу дома, удерживая взгляд друг на друге. — От закадычных друзей к влюбленным?

— Да, — говорю я быстро, разрывая зрительный контакт, потому что это для меня сейчас слишком. Понятия не имею, почему это ощущается так странно: действуют ли на меня так ее слова или то, как она смотрит на меня.

Или, на самом деле, *почему* я вообще ощущаю неловкость.

Мы продолжаем идти, и она залпом допивает весь кофе, расправляет плечи и прочищает горло, а я скрещиваю пальцы, чтобы услышать согласие.

— Я хочу помочь тебе, но... — говорит она, и ее голос затихает.

Моя грудь сжимается. Похоже на то, как спускают газ из шариков. Я лишен воздуха. Я собираюсь сказать отцу, что помолвка закончилась, не успев начаться, а затем опустить голову, рыдать и возмущаться, что Шарлотта бросила меня и разбила мое сердце.

— Черт, — бормочет она, — *дебил на подходе*.

Это козел Брэдли «Верну Ее Назад Любым Путем» собственной персоной.

Он меня ненавидит. Не то чтобы мне было до этого дело, но он не выносит меня, потому что я имел наглость посоветовать Шарлотте не покупать квартиру вместе с ним. С финансовой точки зрения приобрести квартиру на двоих в этом доме было бы глупо, ведь в других кварталах цены росли намного быстрее.

Ростом он около метра восемьдесят, что на пять сантиметров ниже меня. У него дерьмово-рыжеватые волосы, широкие плечи и мерзкий оскал продавца пылесосов. Он работает в сфере пиара — старший вице-президент по коммуникациям в огромной фармацевтической компании, которая всегда под огнем. Король продаж. Козырь лжецов. Капитан Отребье.

— Шарлотта! — кричит он и машет ей. — Ты получила воздушные шары?

Он подходит к нам, устанавливая зрительный контакт со мной.

— Они не помещались в лифте, но, на самом деле, это не имеет значения. Ты должен прекратить посылать мне подарки. Между нами все кончено. Кроме того, — говорит она и тянется, хватая мою свободную руку и переплетая наши пальцы, чем чертовски удивляет меня, потому что она не из тех, кто держится за ручки, — я помолвлена со Спенсером.

Вау.

Меня удивило, что она держит меня за руку? Это ничто по сравнению с удивлением от того, что происходит сейчас.

Она отбрасывает стакан из-под кофе в сторону Брэдли, в мгновение ока обвивает руками мою шею и прижимается губами к моим.

Шарлотта целует меня.

На улице Нью-Йорка.

Ее губы прижимаются к моим губам.

У нее фантастический вкус.

Как сливки и сахар, и кофе, и сладости. Как все самые лучшие сладости в мире. Вкус в точности такой, каким я его себе представлял.

Не то чтобы я думал о поцелуе с моей лучшей подругой.

Но, послушайте, будучи парнем, невозможно контролировать то, где временами витают ваши мысли. Любой мужчина, который дружит с женщиной, традиционно отправлял свое воображение на авеню Поцелуев, потом на проспект Любви, а затем на улицу Секса.

Это именно те улицы, которые собирается посетить Мой Старый Добрый Мозг, если она продолжит мягко касаться моих губ в этом трепетном, затаянном поцелуе. Потому что становится все сложнее думать о чем-то другом, кроме как об углублении поцелуя и расширении границ дозволенного.

Намного сложнее.

Она издает еле уловимый звук — то ли вздох, то ли вскрик, то ли практически стон. И если она сделает это снова, то будет прижата к сланцево-серой кирпичной стене дома, и я, скользнув руками по ее бедрам, превращу этот эпизод в знакомство с ее телом.

Потому что она чертовски сексуальна в лучшем смысле этого слова.

На радость *мне*.

И затем она отпускает мои губы.

Мой стояк не собирается прятаться. Он по-прежнему указывает в ее сторону, желая большего. Я зацикливаюсь на своем лучшем сертифицированном убийце возбуждения, представляя себе потных баскетболистов, и стояк опускается вниз, в то время как Шарлотта дьявольски улыбается Брэдли.

Пока Шарлотта была занята, пожирая меня на Лексингтон-авеню, челюсть Брэдли изменила положение и в итоге упала на землю.

Отлично.

— Мы обручились прошлым вечером. И я чертовски счастлива, — говорит она, прижимаясь и обнимая меня за талию.

Он пытается заговорить, но вместо этого просто открывает рот, словно выброшенная на берег рыба.

О, это бесценно. Я опускаю взгляд на свои ботинки. И не ухмыляюсь. Клянусь, что на моем лице нет огромной ухмылки засранца. Я просто сторонний наблюдатель, получивший поцелуй от богини.

— И как я уже сказала, было бы *прекрасно*, если бы ты смог прекратить атаковать меня шарами, мишками и вишнями в шоколаде, — говорит она, и я издаю тихое фырканье. Шарлотта терпеть не может вишни в шоколаде. Как он может этого не знать?

— Они мне даже не нравятся, — говорит она Брэдли, все сильнее сжимая пальцы на моей талии. Так крепко, что я даже подумал, что...что она хочет почувствовать на ощупь каждый кубик моего пресса.

Хорошо.

Это совершенно не проблема. *Эти несокрушимые мышцы полностью в вашем распоряжении, моя леди.*

— Я понятия не имел, что вы двое вместе, — говорит Брэдли. Я смотрю на него и буквально вижу, как крутятся шестеренки в его голове. — Или вы всегда и были?

Выражение лица Шарлотты приобретает один из видов полнейшего шока.

— Что ты только что сказал?

Ему конец. Я и не думал, что такое возможно. Но он только что получил звание Мастер Мудак.

Пора вмешаться.

— Нет, Брэдли. Все это началось совсем недавно, — говорю я, встретив его взгляд. — И, если честно, я на самом деле безумно благодарен тебе. Если бы не ты и твои тесты по контролю качества кухонной мебели, у нас никогда бы не появился шанс быть вместе. Так что спасибо, что расстался с самой удивительной женщиной в мире. Потому что сейчас она моя, — и чтобы шокировать его окончательно, я притягиваю ее за талию и, развернув к себе, страстно целую.

Подхватив ее на руки и махнув на прощание ее бывшему, я захожу в подъезд.

Не уверен, что шокировало ее больше: то, что он только что сказал, или то, что я только что сделал, а может, собственное суперспонтанное решение, но как только мы оказываемся в лифте, она поворачивается ко мне и счастливо пожимает плечами.

— Полагаю, что в течение следующей недели я буду притворяться твоей невестой, Мамонтенок. В два часа нам предстоит покупка кольца, и мне необходимо устроить тебе допрос.

Прямо сейчас и у меня есть много вопросов, которые я хотел задать ей. Но на данный момент и так неплохо.

Моя любимая сфера деятельности — работа в спальне. Здесь я абсолютный царь. Поэтому нет ничего особенного в том, что она попросила меня подождать здесь. Но что-то в пребывании в спальне Шарлотты заставляет меня нервничать.

Может быть то, что ее обнаженное тело оказалось в нескольких метрах от меня.

Она принимает душ, а квартиры в Нью-Йорке размером с наперсток, независимо от того, как вы их обустроите. Просто послушайте — мокрая, обнаженная, сексуальная женщина на расстоянии десяти метров от вас.

Это ясно? Хорошо, двигаемся дальше.

Я беру в руки рамку, которая стоит на ее небесно-голубом столике — фотография собаки ее родителей. Пушистый коричневый терьер — ну или что-то вроде этого. Мне нужно сосредоточиться на этой собачонке. Всмотреться в него. Рассмотреть его хвост. Его уши. Да, это фото делает свою работу. Оно помогает мне не думать о голой женщине и о том, насколько хорошо она целуется.

Или насколько мне это понравилось.

Черт возьми, почему же мне так сильно понравилось?

Конечно, тебе понравилось, идиот. Ты гетеросексуальный мужчина. Тебя целует красотка. Ты был бы глупцом, если бы тебе это не понравилось. Конец истории. Это ничего не значит. Прекрати анализировать.

Тем более, она только что выключила воду в душе. Вдруг она забыла полотенце. Вдруг она приоткрывает дверь и попросит меня принести его.

Я бью себя по лбу. *Соберись, Холлидей.*

Поставив рамку обратно на полку, я глубоко вдыхаю и расправляю плечи. Дверь скрипит и открывается. Она выходит из ванной, одетая только в белое пушистое полотенце, обернутое выше ее груди.

— Ты, наверное, удивился, что я попросила тебя подождать меня в спальне, а не в гостиной, — произносит она лишающим иллюзий тоном. Не представляю, как она может говорить спокойно, словно мы совершаем бизнес-сделку, в то время как капля воды скатывается вниз по ее голым ногам. Но я сильный мужчина. Я могу с этим справиться. Моя лучшая подруга ни капельки не соблазняет меня. Мой член, однако, говорит обратное. Предатель.

— Эта мысль приходила мне в голову, — говорю я, прислоняясь к комоду как ни в чем не бывало.

— Потому что, раз уж ты мой жених, то должен чувствовать себя комфортно, наблюдая мое обнаженное тело, — говорит она с уверенным кивком.

Черт, она собирается сделать это. Она собирается сбросить полотенце. Она собирается устроить нам практику в сексе. Я самый удачливый человек на земле.

Подождите. Нет, я не могу переспать со своей лучшей подругой. Я абсолютно точно не могу трахнуть Шарлотту. Даже если она швырнет на пол полотенце и попросит меня.

Я скрещиваю пальцы за спиной, связывая свои похотливые ручонки.

— Хорошо, так ты собираешься обнажиться? — говорю я и делаю все возможное, чтобы подражать ее холодному тону, который обычно выводит меня из себя.

— Нет. Только *представить* меня голой, — исправляет она.

Я смотрю на нее поучающим взглядом.

— Для меня это одно и то же: что мысль, что реальность.

— Ладно, ладно. Это не особо отличается, и да, это часть подготовки.

— Это часть экзамена?

Она проходит мимо, задевая меня рукой, а потом открывает верхний ящик комода.

— Да. Это больше похоже на курс практического обучения в лаборатории.

— И все это потому, что ты с чего-то взяла, что мы будем ходить голыми перед мистером Офферманом и не должны облажаться? Это не реалити-шоу о фальшивой помолвке, где мы должны будем показать определенные навыки и пройти полосу препятствий. Ты ведь это знаешь, правда?

Она кивает и роется в ящике.

— Я знаю. Но это больше похоже на Игры Новобрачных.

— И в этой версии мы узнаем о том, привык ли я к мысли о тебе голой, и не только к мысли?

Ее дыхание перехватывает, когда я произношу это — *и не только к мысли.*

Не знаю, как воспринимать этот маленький вздох... словно она только что представила меня *голым*.

Она поворачивается ко мне и держит две пары трусиков, по одной в каждой руке.

— Ответь быстро. Тебе нравится, когда твоя избранница носит черные кружевные стринги? — она трясет клочком шелковистой ткани, которая выглядит так сексуально, что мое лицо начинает гореть, будто его опалает пламя. Откуда у Шарлотты вообще подобное белье? — Или ты за белые бикини? — она машет белой вещицей, и все, что я вижу — это крошечный треугольный клочок ткани с ажурными дырочками.

Забудьте про пламя. Прямо сейчас я в гребаном аду, зная, что она носит и *это* тоже. Белые трусики, которые открывают почти все.

Господи, помилуй.

Если бы женщина, с которой я встречаюсь, надела подобные трусики, то их давно бы на ней уже не было. Я стянул бы их с нее зубами. Ничего не могу поделывать, но просмотр ее белья разогревает мою кровь до уровня кипения ртути.

Шарлотта склоняет голову и стреляет в меня выжидающим взглядом.

— Так в чем ты предпочитаешь видеть свою избранницу?

Я все еще не ответил ей. Просто пытаюсь организовать отток крови от других частей тела назад в мозг.

— Ни в чем, — говорю я, намереваясь сказать это в шутливом тоне, но в горле пересохло и першит, поэтому слова выходят с суровым рычанием.

Она совершенно невозмутимо приподнимает бровь.

— Ни в чем? В самом деле? Тогда хорошо, — говорит она, поворачивается, возвращает трусики в ящик, берет лифчик и закрывает комод с легким щелчком. — Это все упрощает. Я скоро вернусь.

Она игриво прикасается к моему плечу указательным пальцем, быстро открывает шкаф, хватая что-то с вешалки и возвращается в ванную. Когда она закрывает дверь, я падаю на кровать, тяжело дыша, и опускаю ладонь на свой лоб. Офигеть, что вообще это был за тест? Это было самое сложное испытание на прочность, которое я когда-либо проходил.

Но у меня нет времени, чтобы разбираться в этом, потому что двадцать секунд спустя она открывает дверь ванной и спрашивает:

— Ну как тебе?

На ней клюквенно-красная юбка до колен — она подобна вспышке огня, когда Шарлотта кружится — и черная шелковая приталенная блузка.

— Это подходит для похода за обручальным кольцом?

Я указываю на область ниже ее живота.

— Ты на самом деле не надела трусики?

Ее глаза искрятся озорством.

— Мой жених сказал, что он предпочитает меня... — она подходит ближе, опускает руку мне на плечо и шепчет на ухо, — без ничего.

И вот теперь, дамы и господа, мой член официально отдает честь моей лучшей подруге, Командору Искусительнице. Она подбегает обратно к шкафу, достает пару черных туфель на каблуках и надевает их на свои ножки.

Убейте меня прямо сейчас.

Ее ноги выглядят безумно сексуально, и тот факт, что сокровище между ее бедер обнажено, практически сводит меня с ума. Я зарываюсь пальцами в свои волосы и ерошу их, словно экскаватор.

— Хорошо, ты выиграла первое испытание на прочность, — я подхожу к ее тумбочке,

открываю верхний ящик, беру бикини и размахиваю им, как белым флагом, — я сдаюсь.

Она хмурит брови.

— Этого достаточно, чтобы сдать? Я думала, ты хочешь и нуждаешься во мне в качестве твоей избранницы?

— Нуждаюсь. Еще как нуждаюсь. Но ты не можешь выйти без нижнего белья. Ты не можешь разгуливать по всему Нью-Йорку без ничего под этой юбкой. Надевай, — говорю я, передавая их ей.

Она расплывается в улыбке, уголки ее губ дергаются вверх-вниз. Я клянусь, что в ее глазах написано: *«Я тебя предупредила»*.

Я скрещиваю руки на груди.

— Хорошо, Чеширский Кот. Какую канарейку ты съела?

Она берет трусики в руки, хватает меня за руку и тащит в ванную. А там указывает на зеркало. На нем записка, написанная красной помадой. *«Спенсер заставит меня надеть белое бикини»*.

И я взрываюсь — глубоким громким смехом, идущим от самого моего сердца. Я указываю на нее пальцем.

— И ты говоришь, что плохая лгунья.

Ее челюсть отвисает прямо до пола, а потом она прижимает руку к груди.

— Я не лгала. Это правда, написанная красной помадой две минуты назад, и я была права. Признай это.

— Ты играла со мной.

— Нет. Я доказывала себе, что смогу достойно сыграть роль твоей избранницы, — говорит она со злой усмешкой, толкая меня бедром. В ее взгляде коктейль из гордости и удовольствия.

— Я хотела увидеть, так ли хорошо мы знаем друг друга, — она делает паузу, прежде чем говорит, понизив голос, — а также насколько близко.

А потом надевает трусики.

При мне.

В этих туфлях на каблуках.

Одна лодыжка, затем другая; трусики скользят по ее соблазнительным гладким ногам. Я слежу за всем этим процессом. Я не смог бы отвести взгляд, даже если бы попытался. И тут я понимаю, что мне придется ходить с гребаным стояком всю следующую неделю. Это ведь нормально, да?

Какой вменяемый мужчина сможет находиться в непосредственной близости от великолепной женщины, надевающей пару прозрачных...

Мой мозг прекращает обработку слов. Я сухо сглатываю.

Трусики на ее коленях. Скользят вверх по бедрам. Пробираясь к ее голой...

— Закрой глаза, — шепчет она.

И только потому, что я джентльмен, я исполняю ее просьбу. Я вижу черноту и серебристые звезды за моими веками, но воображаю все, чего мне прямо сейчас не хватает. Ага. Круглосуточный трах. Просто смиришься с собой бесконечно твердым. Ты не сможешь этому противостоять. Даже не пытайся.

— Можешь открыть глаза, — говорит она, и я подчиняюсь. Она указывает на сидение унитаза. — Садись, партнер. Давай устроим опрос, пока я делаю прическу и макияж.

Мы обсудили самые важные детали.

Она ворует одеяло. Я сплю голым. Она не любит находиться в ванной с кем-то, кроме нее самой. Меня же не заботит, что она будет сплевывать зубную пасту, когда я сам чищу зубы. У нее более двух десятков различных лосьонов от The Body Shop, и она меняет их каждый день.

— Очевидно, что я не использую лосьон, — говорю я, указывая на серебристую корзину, полную бутылочек с запахом цветов апельсина, медовой ванили, кокосов — каждого из существующих в мире ароматов, втираемых в тело, — к тому же, не думаю, что кто-то спросит нас о том, каким лосьоном ты пользуешься.

— Я знаю, — говорит она, включая фен, — но дело в том, что я хочу чувствовать себя так, будто мы знаем все эти вещи друг о друге — для правдоподобности того, чем мы будем заниматься. Например, тот факт, что мне требуется пять минут, чтобы высушить волосы.

Я включаю секундомер на телефоне, когда она начинает сушить волосы.

Почему-то в этот момент я чувствую себя, как дома. Будто мы на самом деле пара, и я жду свою женщину, которая готовится к выходу.

М-да.

Может быть, из-за того, что так и происходит на самом деле.

Ну, за исключением того, что мы ненастоящая пара.

Когда звучит таймер, я понимаю, что она уже закончила сушить волосы, поэтому убираю телефон в карман. Смотав шнур фена и положив его в шкафчик, она щелкает пальцами перед моим лицом.

— Мы забыли одну очень важную деталь.

— Какую?

— Как мы узнали?

— Как мы узнали что?

— Не тормози. Как мы поняли, что любим друг друга? — она говорит это так мило, так убедительно, что я теряю концентрацию мыслей. Я забываю, что мы репетируем, и просто тяну время, пытаюсь сосредоточиться. Потом все-таки вспоминаю о реальном положении вещей и смеюсь про себя. Мы не влюблены. Мы играем и притворяемся. Поэтому, выходя из ванной, я рассказываю ей то, что рассказал сегодня утром моему отцу — легенду о том, как именно мы начали встречаться.

— Этого недостаточно, — говорит она, и ее каблук стучат по деревянному полу, когда мы пересекаем небольшое расстояние до кухни.

— Почему нет? — спрашиваю я, когда она берет кувшин охлажденного чая из холодильника, а я достаю два стакана из шкафа. Она обожает холодный чай. Делает его сама из пакетиков Peets, которые заказывает на Amazon с тех пор, как они больше не продаются в Нью-Йорке.

— Нам нужно больше деталей, — говорит она и делает глоток. — Держу пари, что дочери мистера Оффермана будут первыми, кто разнюхает ложь. Девушки умнее в этих вещах, так что, если его дочери выяснят правду, они расскажут папочке. Нам нужно быть более убедительными. Итак, однажды вечером в баре мы поняли, что влюблены друг в друга,

да?

— Да. Всего несколько недель назад. Все это произошло быстро.

— Но как это началось? Как именно? Что послужило точкой отсчета нашего романа?

— Шарлотта, я рассказал эту историю отцу. Он не спрашивал подобных деталей.

— Но женщины будут, — убеждает она и шевелит безымянным пальцем, на котором пока нет кольца, — после того, как я надену кольцо, все женщины будут ворковать над ним и спрашивать о подробностях того, как мы влюбились. Вероятно, уже за завтрашним ужином. Нам нужна легенда, — говорит она, решительно расхаживая по маленькой кухне. Потом в ее глазах загорается идея. — Я придумала! Как-то вечером, в четверг, в «Лаки Спот», за бокалом вина после закрытия, ты пошутил о том, что все думают, будто мы пара, и я сказала: «Может быть, нам следует ею стать». А потом наступила *неловкая пауза* в разговоре, — говорит она, и ее тон смягчается, как будто она вспоминает о той роковой ночи.

Я продолжаю, поддерживая историю о нашей истории любви понарошку:

— Только это не было неловко. Это было правильно, — говорю я, даря ей свою лучшую влюбленную улыбку, — и мы сознались в том, что у нас есть чувства друг к другу.

— И у нас был потрясающе волшебный поцелуй. Определенно.

— Не только потрясающе волшебный поцелуй. У нас был самый волшебный секс, о котором можно только мечтать, — об этом я *должен* был упомянуть.

Она краснеет, замолкает и допивает свой холодный чай. Я допиваю свой и кладу оба стакана в посудомоечную машину, аккуратно выравнивая их в верхнем ряду — так, как ей нравится.

— Тогда будет проще объяснить, почему ты сделал мне предложение прошлым вечером в баре — потому что именно там все началось. Ты сделал это после того, как все ушли. Опустился на одно колено и сказал, что к черту кольцо, что больше не можешь ждать и что я должна стать твоей.

— Отлично. Мне нравится. Легко запомнить.

Я закрываю посудомоечную машину и встречаю ее взгляд. В ее карих глазах нежность и сладость.

— Спенсер. Спасибо тебе.

Я смотрю на нее так, будто она сумасшедшая.

— За то, что положил стаканы в посудомоечную машину?

— Нет. Что согласился на все это, — она обводит взглядом всю территорию квартиры. — Я заставляла тебя отвечать на глупые вопросы и слушать мои истории. Но мне нужно было почувствовать, словно все это происходит на самом деле.

— Почувствовала? Ты осознаешь, что стоишь на пути превращения в миссис Холидей?

Она смеется.

— Это забавно. Но сочетание этих двух слов никто никогда не должен услышать, — говорит она, рассеяно проводя рукой вниз по моей, когда мы выходим из кухни. — Ты общепризнанный холостяк на всю жизнь.

Я киваю, подтверждая этот статус. Тотальный плейбой. Окончательно и бесповоротно, стопроцентный холостяк. Невозможно окольцевать свободную птицу.

— Это точно.

Она тянется к сумочке на столе в гостиной.

— Подожди. Есть еще один тест.

— Ты собираешься заставить меня прыгать через обруч? Блин. Ты непредсказуема.

Она фыркает.

— Не думаю, что выбор моих трусиков был сложной задачей. Но как бы то ни было, это тест для меня. Последнее испытание, чтобы убедиться, что я готова идти в магазин твоего отца, ведь это наше первое появление на публике — мистер Холидей и его невеста.

Я скрещиваю руки на груди, ожидая, что она будет делать дальше.

Она смотрит прямо мне в глаза, ее губки сжаты в прямую линию, выражение лица необычайно серьезно.

— Мне нужно, чтобы ты попытался выщекотать правду из меня.

Я скептически приподнимаю бровь.

— Серьезно?

— Абсолютно. Ты же знаешь, что это моя слабость, — говорит она, кивая, и начинает отступать к серой мягкой кушетке, опускаясь вниз в море синих, красных и фиолетовых подушек. Ей нравятся цвета драгоценных камней. Когда она ложится на подушки, золотые пряди ее волос веером рассыпаются на подушке ярко-синего цвета.

— Вперед, — командует она, — мне нужно знать, что я не сдамся. Мне нужно доказать себе, что даже пытка щекоткой не заставит меня открыть тайну моего лучшего друга.

Я расстегиваю манжеты и закатываю рукава своей рубашки.

— Не щади меня, — говорит она.

— Не в моем стиле.

— Заставь меня извиваться. Сделай это чистой пыткой. Заставь меня захотеть отказаться от всего этого. Это единственный способ, который позволит нам узнать, действительно ли я смогу справиться с этим в течение следующей недели.

Я расставляю руки пошире.

— Что тут скажешь, Мамонтенок? Я верю в тебя.

А потом бегу к дивану и приступаю. Я вцепляюсь ей в бока и свирепо щекочу — и пусть это Шарлотта, я не собираюсь униматься. Отдаваясь моменту, я щекочу ее ребра, и через наносекунду она начинает извиваться.

— Признайся, ты на самом деле не помолвлена со Спенсером Холидеем, — говорю я, как жестокий экзаменатор.

— Он будет моим мужем, я клянусь, — она вопит, а я щекочу ее сильнее.

— Я не верю тебе. Говори правду. Это все игра. Он заставил тебя сделать это.

С визгом она мечется взад и вперед в дикой попытке отползти подальше от меня. Неудержимый смех сотрясает все ее тело.

— Я всегда была от него без ума.

— Не верю! — кричу я, вцепившись в ее бедра. Она вполне могла бы быть угрем — так настойчиво пытается сбежать. Она практически полностью зарывается в подушки, чтобы избежать моей щекотки. Но я сильный и удерживаю ее. Мои пальцы движутся вверх по ее ребрам, и она вся извивается, выгибая спину.

— Боже мой, нет!

Черт возьми. Кажется, я защекотал ее до предела. Она героически переносит пытку. Ее лицо искажено, нос сморщен, а рот широко открыт от непрерывного смеха.

— Почему? Почему ты без ума от него? — требую я, изо всех сил стараясь лишить ее контроля. Это и происходит — она прижимается коленом к моему животу, пытаюсь меня остановить. Я блокирую эти попытки, и ее коленная чашечка упирается в мое бедро. Даже

не больно.

— Потому что, — говорит она, тяжело дыша, ведь мои пальцы все еще бегают по ее бокам, — он заставляет меня смеяться.

Теперь я рядом с ее подмышками.

— Почему еще?

— Потому что он открывает для меня двери, — говорит она, переходя на визг на последнем слове, ибо я достигаю ее наиболее чувствительного к щекотке места.

— Еще одна причина, — требую я, когда она попадает в ловушку между моих ног, оказавшись прижатой бедрами к кушетке.

Ее смех внезапно прекращается, а глаза округляются.

— Он огромный, — говорит она шепотом. Мы оба молчим несколько секунд. Потом я одобрительно киваю и заканчиваю мучения.

— Ты доказала свою преданность нашему делу.

Я смотрю на нее сверху вниз. Волосы рассыпаны в диком беспорядке, черная блузка задралась, оголив живот и демонстрируя несколько сантиметров нежной плоти. Ее прерывистое дыхание делает меня твердым. Это тот момент, когда я должен слезть с нее. Я действительно должен. Она больше не двигается. Она не борется со мной. Я должен остановиться, взять ее за руку и пойти за кольцом. Но ее глаза кажутся другими. Я никогда не видел их такими. Что-то похожее на уязвимость мелькает в них.

— Мы должны попрактиковаться, — говорит она тихим голосом, и ее слова оседают в воздухе, словно снежинки.

— Попрактиковаться? — повторяю я, потому что и так знаю, что она имеет в виду, но, вместе с тем, не хочу ошибиться в своих предположениях.

Она приоткрывает рот и скользит языком по нижней губе.

— В том, что мы делали на улице. Чтобы было правдоподобно.

— Следующий этап тестирования?

Она кивает.

— Я не могу себе представить двух людей, которые только что обручились и не поцелуются хотя бы раз на завтрашнем мероприятии. Это сделало бы все более правдоподобным, не думаешь? Не должно выглядеть так, словно мы делаем это впервые.

— Это точно. Как в кино, когда мужчина и женщина планируют находиться в одном номере в отеле и делают вид, что они пара, а хозяин гостиницы говорит за ужином: «Поцелуй девушку». Ты ведь об этом, да?

Она улыбается подо мной, а потом прикусывает уголок губ, как делала это в кафе. На мгновение у меня возникает мысль не целовать ее. Но я делаю это. Прижимаюсь губами к этому уголку рта и целую ее.

Нежным поцелуем.

Отстранившись, я вижу, как поднимается и опускается ее грудь. Ее глаза выглядят безумными.

— Ты этого хотела?

— Нет, — говорит она.

— Тогда что?

— Настоящий поцелуй. Я хочу знать, как целуется мой жених. Не просто нежный поцелуй на улице.

— Настоящий поцелуй. Ты уверена?

— Да. Почему мне не быть уверенной? Ты ведь не мерзко целуешься? — она прижимает руку ко рту. — О, мой Бог. Ясно. Ты целуешься каким-то странным образом, — говорит она, убирая руку ото рта.

— Ох, теперь я уж точно докажу тебе, что это не так. Потому что обещаю, я поцелую тебя именно так, как тебя должны целовать.

— И как же?

Я смотрю в ее глаза, прижимаюсь бедрами к ее бедрам, чтобы она могла почувствовать меня всего, и произношу:

— Настоящий поцелуй сделает тебя мокрой.

Она ахает, и я погружаю свой язык в ее ротик, заглушая этот звук.

Она руководила нашим первым поцелуем. Она застала меня врасплох на улице, но этот поцелуй мой.

Контроль в моих руках. Я веду. И я хочу подразнить ее. Для того, чтобы заставить извиваться снова, только на этот раз от желания.

На этот раз она будет корчиться, чтобы приблизиться ко мне, а не сбежать. Я скольжу языком по ее губам, и она открывает их, приглашая и углубляя поцелуй. Мне плевать на то, чего она хочет. Поэтому я перехожу к ее подбородку, целую его, ее мягкую кожу, поднимаясь к ушку. Ее кожа на вкус удивительна, как солнечный свет и вишня. Может, это лосьон, которым она воспользовалась несколько минут назад, а может, это просто ее естественный запах. В любом случае, он сводит меня с ума. Мое тело гудит от желания, когда я придвигаюсь губами к ее ушку. Скольжу языком по мочке, и она стонет.

— Оох.

Это звук не сравнится с тем, что она издавала на улице. Он громче. Свободнее. Он развязнее.

И он чертовски нравится мне.

Она толкается бедрами к моим, пытаюсь стать ближе.

Я украдкой смотрю на ее закрытые глаза, на румянец щек, покрасневшие губы. Она, как шоколадный торт, который я должен отведать. Полностью. Сейчас. Каждый кусочек.

Я погружаю руки в ее волосы, светлые пряди между моими пальцами переливаются золотом. Глядя на ее фантастические локоны, я не могу удержаться, чтобы не потянуть за них. Когда я делаю это, она резко выдыхает, а потом мягко стонет. Пальцами я сжимаю ее волосы и крепко удерживаю ее голову на месте.

Возвращаясь к ее рту, я прекращаю игру.

Вместо этого я включаюсь на полную мощность.

Набираю обороты.

Страстно целую ее.

Пожираю ее.

Наши языки переплетены, зубы со стуком ударяются друг о друга, и я клянусь, что она растворяется рядом со мной, подо мной, во мне. Мои вены гудят от вожделения, член в штанах нереально твердый, а мозг мгновенно опустошается — это тот поцелуй, который делает ее мокрой.

Я пытаюсь сдержаться, чтобы не положить руку ей на бедро, не запустить ее под юбку, под эти белые просвечивающие трусики бикини. Но мне не нужно прикасаться к ней, чтобы убедиться, как она завелась. Я понимаю это по тихим стонам, которые она издает, по прикосновению ее рук к моей шее, по ее зарытым в моих волосах пальцам. Но самое

большое подтверждение — то, как она толкается ко мне. Ее бедра двигаются в поисках меня, и мое самообладание разрушается ко всем чертям.

Я быстро двигаюсь, вклиниваясь между бедер и толкаюсь в нее. Сексуальный стон вылетает из ее рта. Ее руки перемещаются к моей заднице. Самообладание разрушается окончательно, когда она раздвигает для меня ноги, предлагая взять ее на этом гребаном диване.

О, черт, хочу ли я ответить на это приглашение? Если сделаю это, она обернет свои ноги вокруг моих бедер, и мне захочется трахнуть ее. Друзья или незнакомцы, как я могу не хотеть переспать с ней? Она сексуальна, она готова, и она рвется в бой.

Я хочу сдернуть эти трусики и погрузиться в ее тепло.

Но она моя лучшая подруга, и я не могу этого сделать.

Так или иначе, здравый смысл возвращается ко мне, отбирая контроль у моего члена.

Я разрываю поцелуй и, скатившись с нее за секунду, встаю. Мне нужен воздух. Мне нужно пространство. Если останусь, то заведу нас слишком далеко, а я не хочу, чтобы она знала об этих мыслях. Я пожимаю плечами и произношу:

— Мне даже не нужно спрашивать, мокрая ли ты.

Она подмигивает мне.

Издевается надо мной.

Затем садится, расправляя плечи.

— Я уверена, ты хотел бы это узнать, самоуверенный засранец, — говорит она, поправляя сначала блузку, а затем юбку.

Несколько неловкий момент. Мы были на грани пылающей страсти, а теперь бросаемся колкостями, но я все еще хочу ее. Этого не должно произойти снова. Мы прошли тест: теперь она не будет испытывать дискомфорта, делая вид, что моя. И на этом все. Шоу должно продолжаться.

Семейное шоу. Не гребаное порно.

Она встает и идет в спальню, а я максимально использую этот перерыв, чтобы настроиться, сделать глубокий вдох и представить раздевалку, полную потных волосатых мужиков.

Черт, я хочу остыть.

И это работает. Моя эрекция исчезает.

Шарлотта возвращается, а когда наклоняется, чтобы взять сумочку, я не могу не заметить, что на ней черные кружевные стринги. Я отворачиваюсь, чтобы ухмылка не выдала мои похотливые мыслишки.

— Так как насчет «Метс»? (Примеч. (англ. *New York Mets*) — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Восточном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола).

Как только двери лифта открываются на ее этаже, я пытаюсь отогнать от себя мысли о той практике на диване. *Заключительной* части практики. Больше никаких репетиций поцелуев. Это слишком опасно.

— У них удачный сезон, — говорит она, как ни в чем не бывало поправляя ремень своей сумочки на плече.

— Хорошо отработанные подачи делают свое дело, — говорю я, нажимая на кнопку лифта и размышляя, когда это мы в последний раз говорили о бейсболе, попав в неловкую ситуацию. Она ярая фанатка, в немалой степени благодаря тому, что постоянно грезит об игроках бейсбольной лиги.

Я часто говорю, что если наш бар выдохнется, то ей следует стать генеральным менеджером какой-нибудь команды, но она только смеется и отвечает, что бейсбол — это ее любовь, поэтому она хочет сохранить его непорочным.

Но сейчас это далеко от непорочности. Это возможность избежать реально неловкого момента.

— Ты все еще продумываешь составы команд?

Она поворачивается ко мне, ее карие глаза очень серьезны.

— Я имела в виду именно то, что сказала — никаких случайных связей на эту неделю. Мне нужно знать, что ты с этим согласен. Даже в свободное время.

И с бейсбольной темой покончено.

— Конечно, — говорю я быстро, обиженно дергая галстук, — не могу поверить, что ты думаешь, будто я не выдержу без секса неделю.

Она качает головой, пока лифт спускается вниз.

— Это может показаться глупым для тебя, так как у нас фальшивые отношения, но после того, что случилось с Брэдли...

— Шарлотта, клянусь. Я завязал на всю следующую неделю, — говорю я, подняв три пальца, — слово бойскаута.

— Ты никогда не был бойскаутом.

— Правда. Но я не собираюсь обманывать, неважно, в фальшивых я отношениях или настоящих.

Она выгибает бровь.

— У тебя когда-то были настоящие отношения?

— Конечно. Ведь под «настоящими» ты имеешь в виду тот тип отношений, когда я знаю ее фамилию, да? — говорю я невозмутимо.

Она скрещивает руки на груди.

— Позволь мне подкорректировать свой вопрос. Ты когда-либо был в отношениях, которые длились дольше двух недель?

Я демонстративно ухмыляюсь.

— Две недели. Ты серьезно?

— И Аманда из колледжа не считается.

— Почему нет? Я был с ней в течение четырех месяцев. Но да, у меня были такие отношения, — говорю я, хотя чертовски уверен, что их у меня не было. — Но моя способность поддерживать долгосрочные отношения — не суть этого разговора. Дело в том, практикует ли мой член серийную моногамию. И я буду держать его в штанах в течение следующей недели, как и обещал. Такое же правило распространяется и на тебя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тебе даже не придется беспокоиться об этом.

— Ты имеешь в виду, что это не будет для тебя проблемой? — спрашиваю я, когда лифт начинает замедляться на подходе к вестибюлю.

Она издевается.

— Как будто это когда-то было проблемой.

— Нет свиданий на повестке следующей недели?

Она поднимает руки и отсчитывает десять пальцев.

— Их не было уже десять месяцев, — говорит она резко, когда двери лифта открываются.

Мы проходим сквозь фойе, выходя на Лексингтон, где такси уже ждет нас. Я открываю дверь для нее, и она садится. Я сажусь рядом, и мы пристегиваемся. Тоннель смущения преодолен, и все между нами снова ощущается нормальным — теперь это просто мы.

— Ты имеешь в виду десять месяцев без отношений? — я спрашиваю, потому что знаю, она не была ни в ком заинтересована после их разрыва. Но если подумать, она не упоминала ни о каких свиданиях, иначе рассказала бы мне, будь это свидание удачным.

Она качает головой.

— Никаких отношений. Никаких свиданий. Никаких поцелуев. Ничего.

Десять месяцев без секса. Это должно казаться вечностью. Не уверен, что выдержал бы больше десяти дней. Может быть четырнадцать, но это были бы тяжелейшие две недели. Должно быть, она всюю задействует свои игрушки.

Ух, черт. Теперь я представляю Шарлотту в постели с раздвинутыми ногами, с фиолетовым вибратором-кроликом. Представляю движения ее рук, контролирующих скорость, ее учащенное дыхание.

Спасибо, мозг, за этот фантастический образ в моей голове, стирающий любые разумные мысли

Иногда я удивляюсь, как мужчины справляются со всеми сексуальными образами в их мозгах. На самом деле, меня вообще удивляет, как мужчины способны хоть что-то делать, когда в голове вертятся подобные мысли. Уже то, что нам удалось научиться завязывать шнурки на ботинках и расчесывать волосы, можно считать волшебством.

И вдруг до меня доходит. Этот поцелуй на диване. Ее поцелуй на улице. Мысль о том, что я первый парень, которого она поцеловала в течение длительного времени, заставляет меня почувствовать толику счастья. Пусть это не всерьез, я все равно рад этому. И стараюсь не обращать внимания на то, как легкое чувство собственности над Шарлоттой начинает заполнять меня. Не хочу, чтобы кто-то еще целовал ее. Я имею в виду, в течение следующей недели.

В этом и выражается мое собственничество.

— Кстати, — говорит она, когда автомобиль подъезжает к магазину, — как это все закончится?

— Мы?

Она кивает.

— Поддельная помолвка.

— Предполагаю, что у нас будет поддельный разрыв, — говорю я, хотя и не продумал это до конца. Может быть, потому, что не планировал этого. Все оказалось для меня неожиданностью.

— В конце недели? — спрашивает она, когда мы подходим к сверкающим дверям нью-йоркского здания, которое было частью моей жизни, сколько себя помню.

— Да, настоящий поддельный разрыв, — подчеркиваю я, прежде чем купить ей кольцо, чтобы скрепить сделку. Кольцо, у которого есть срок годности, так же, как у этой фальшивой сделки, что мы заключили.

Реальное окончание.

Итак, за этот час в «Катарин» я узнал, что Шарлотта:

1) любит держаться за руки.

2) любит обнимать меня за талию.

3) любит пробегать пальцами по моим волосам.

И то, что она распускает руки, пока мы притворяемся — это довольно впечатляюще, она убедительно играет.

А еще у нее безупречный вкус, потому что она выбирает платиновое кольцо с бриллиантом в два карата и в огранке «принцесса».

— Я всегда мечтала о таком кольце, — заявляет она Нине, правой руке моего отца, и, клянусь, Шарлотта готова уплыть на облачке счастья. Она ведет себя, как смущенная невеста.

Нина счастливо улыбается. Это высокая женщина, одетая в аккуратную шелковую блузку и серую юбку, ее коричневые волосы стянуты в пучок.

— Тогда давай удостоверимся, что хрустальная туфелька идеально тебе подойдет, — говорит она и исчезает в задней части магазина, чтобы подогнуть кольцо до нужного размера.

— Ты профессионал, — говорю я, когда убеждаюсь, что Нина нас не услышит. Шарлотта пренебрежительно машет рукой, и я говорю: — Нет, серьезно. Совсем скоро ты получишь «Оскар» за роль восторженной невесты.

Она пробегает пальцами вдоль стеклянной витрины и пожимает плечами, будто это не такое уж большое дело.

— Мне нравятся бриллианты. Это упрощает ситуацию.

— Ах, так это Честная Шарлотта в действии? И Честная Шарлотта любит драгоценности?

Она кивает.

— Честная Шарлотта обожает огранку «принцесса» и платину. Когда моя подруга Кристин обручилась в прошлом году, я была так счастлива за нее, но не могла прекратить

глазеть на ее кольцо. Оно было великолепно, но, что более важно, она была очень счастлива и безумно влюблена. Так что мне даже не пришлось притворяться, что я в восторге от обручального кольца, — говорит она, встречаясь со мной взглядом. Я вижу искренность в ее взгляде, эти карие глаза смотрят совершенно бесхитростно. Она в восторге от происходящего. Хотя, скорее всего, не в восторге, что рядом с ней именно я. Но все же.

Искренность этих эмоций переворачивает мое сознание с ног на голову. Мне следует отшутиться.

— Что, если бы это было кольцо на мизинец? Что бы ты сделала, если бы я подарил тебе золотое кольцо на мизинец с огромным бриллиантом? Подошло бы оно под твой стиль?

Она наклоняется ближе, двигая бровями.

— Спасибо за подсказку, дорогой. Теперь я знаю, что подарить тебе в качестве свадебного подарка.

Нина возвращается и говорит, что кольцо будет готово через пятнадцать минут.

— Спасибо, не могу дождаться, — говорит Шарлотта, и я знаю, что это правда. Она честна с Ниной.

Но сам я лгу, и от этого чувствую себя гадом. Я знаю Нину уже много лет, она даже нянчилась с Харпер и со мной, когда мы были маленькими. Она была первым сотрудником папы, когда появился первый бутик «Катарин» на Парк-авеню. Многие годы работала продавцом и поднималась в должности, дослужившись до вице-президента, когда тот самый магазин превратился в международную сеть бутиков. Мой отец часто говорил, что Нина и моя мама помогли ему принять большую часть важных бизнес-решений за последние тридцать лет. Они его *главные советники*.

— Я так взволнована из-за вас двоих и так рада, что ты — именно та женщина, которая заставила его встать на одно колено, — говорит Нина Шарлотте, которая смотрит в сторону. Нина опирается бедром на витрину с браслетами и поворачивается ко мне, хлопнув по руке. — Я до сих пор не могу поверить, что ты женишься.

— Я должен ущипнуть себя, просто чтобы убедиться, что это все происходит на самом деле, — говорю я и щипаю себя за предплечье, прилагая все усилия, чтобы не обращать внимания на уколы вины. Я не могу позволить этому съесть себя заживо. Все делается во имя благой цели и не причинит никому боли. К тому же, я не первый человек в истории, которому нужна подставная невеста.

— Я помню тебя непослушным пятилетним мальчиком, словно это было вчера, — говорит Нина, и в ее глазах я вижу отблески ностальгии.

— Не могу поверить, что отец позволял мне посещать магазин, когда я был непослушным ребенком, — говорю я, мысленно возвращаясь в те времена, которые провел в этом роскошном месте. Я знаю это место как свои пять пальцев. Пять этажей утонченности, блеска и гламура. Алмазы лучатся за сверкающими стеклянными витринами и на вершинах мраморных пьедесталов, бордовый ковер настолько мягкий, что хочется свернуться и заснуть на нем. Или бегать кругами, что я и делал в детстве.

— Ты был таким шустрым, — говорит Нина, качая головой. Она улыбается, и вокруг ее серых глаз появляются морщинки.

— Насколько несносным он был? — спрашивает Шарлотта. Я обнаруживаю нотку озорного любопытства в ее голосе. Она бросает на меня взгляд, и я знаю, зачем этот вопрос — выискать что-то, чтобы в будущем подразнить меня в самый неподходящий момент.

Нина восхищенно смеется и отвечает:

— Маленький Спенсер был катастрофой. Однажды, когда его мать была у родственников за городом, отец Спенсера привел его в магазин за час до открытия, и этот маленький дьяволенок сразу начал носиться, размахивая руками, как ветряная мельница, — говорит она, жестикулируя, чтобы продемонстрировать наглядно.

Я съеживаюсь, а Шарлотта смеется.

— О, я могу это представить.

— Ох, это было только началом организованного им разрушения. Он опрокинул стенд с рубинами во время одного из своих марафонских забегов. А еще вытащил бархатную подкладку из витрины и превратил ее в накидку, — говорит она, и губы Шарлотты дергаются от смеха. — Но, — продолжает Нина, прищурившись и подняв палец, — у меня было решение.

— «Бенадрил»? — спрашивает Шарлотта игриво, а затем сжимает мою руку.

Я мысленно стону, зная, что будет дальше.

— О, я могла только мечтать, чтобы он заснул, пока его отец был занят на встречах. Вместо этого я пошла в магазин аксессуаров для животных и купила поводок. Затем прикрепила его к петлям его бархатных штанишек.

Шарлотта прижимает руку ко рту, и я хлопаю себя ладонью по лбу. Вот оно. История, которая вгоняет меня в краску. И даже не знаю, что хуже: поводок или бархатные штаны.

— Ты выгуливала его вокруг магазина на поводке? — спрашивает Шарлотта, и интерес в ее голосе возрастет с каждым словом Нины.

Нина кивает, гордясь собственным решением. Она похлопывает себя по бедру, словно отдает команду «рядом» собаке, а затем издает тихий свист.

— *Ко мне малыш*, — говорит она и сотрясается от смеха. — Он любил его. Был так к нему привязан, как маленький кокер-спаниель.

— Удивительно. Хотя бы потому, что в нем есть что-то от дворняги, которая только и ждет, чтобы убежать, — говорит Шарлотта, забавляясь и качая головой.

Я закатываю глаза, но женщины продолжают стиб.

— Разве не все они такие? Ну, мужчины, — говорит Нина.

Шарлотта кивает.

— Хорошо, что я люблю собак.

— К тому же, у меня не было выбора, так что или поводок на нем, или опасность того, что этот маленький сорванец разрушит все витрины с бриллиантами. Но с годами он становился спокойнее. В хорошем смысле, — говорит Нина, похлопывая меня по щеке, — и становится еще мягче с тобой, не так ли? — говорит она, выделяя последние слова. Шарлотта сглатывает и кажется напряженной. Ее глаза округляются, и я замираю.

Черт.

Вот оно.

Сейчас Шарлотта сдастся.

— Разве ты так не считаешь? — продолжает Нина, и ее слова пробуждают Шарлотту из оцепенения. Ее щеки заливаются краской, и она вот-вот проговорится. Я буквально вижу, как в ее голове образуется гигантский ком правды. Она успешно справилась с покупкой ювелирного изделия, но это было так просто для ее любящего драгоценности сердца. Сейчас же самая сложная часть, и я это вижу. Ох, черт, ее глаза заполняет ужас.

Ее губы начинают двигаться, но она не издает ни звука. Я сжимаю ее руку, напоминая, что пора что-то ответить. Но если она так и не сможет заговорить, то мне необходимо будет

вмешаться. Так или иначе, она нервно улыбается, а потом подмигивает Нине, и к ней наконец-то возвращается дар речи.

— На самом деле, он все еще озорник. Так что, если тот поводок сохранился, то я хотела бы одолжить его у вас.

Нина откидывает голову назад и хохочет. Она опускает руку на плечо Шарлотты и шепчет:

— О, мне так нравятся эти развратные штучки от только что обрученных.

Она извиняется и уходит, чтобы принести кольцо, а Шарлотта стреляет в меня глазами.

— Ты ведь думал, что я провалю наше шоу?

Я сближаю большой и указательный пальцы.

— Ты была так близка к этому, не так ли?

Она выгибает бровь.

— Может быть, я хотела, чтобы ты понервничал.

— Ты злая женщина, — говорю я, прищурившись.

Она пробегает пальцами по моей руке.

— Или, возможно, я просто представляла фантастический образ тебя, гуляющего на поводке, — говорит она, выглядя как кошка, которая не просто съела канарейку, но и накормила ею всю свою проклятую семью. — Ты ведь знаешь, что она буквально подарила мне оружие для твоего уничтожения? Спенсер на поводке. Но было еще круче, когда она назвала тебя кокер-спаниелем, — произносит она, и уголки ее губ изгибаются в ликующей ухмылке.

— Что тут скажешь? Думаю, я был кобелем уже тогда, — по крайней мере, я снова могу легко дышать.

— Тебе все еще это нравится? Гулять на поводке? — говорит она, толкая меня.

— Ты пытаешься попросить меня поучаствовать в чем-то извращенном и грязном?

— Нет. Я пытаюсь разузнать, есть ли у этой фантастической истории продолжение, чтобы иметь возможность упомянуть о ней в баре или рассказать Нику с Кристин, или твоей сестре, — говорит она, изображая выгуливание собаки.

Но в моем воображении все совершенно иначе. Целиком и полностью. Она должна знать, как я люблю ролевые игры, поэтому наклоняюсь ниже, убираю волосы с ее плеча и шепчу:

— Если кто-то и будет привязанным, так это ты. И это будет не поводок. Это будет шарф, или чулок, или те сексуальные стринги, которые ты надела, когда я сделал тебя мокрой и тебе пришлось сменить трусики. Я бы обернул их вокруг твоих запястий, красиво и плотно, а затем закрепил бы за твоей спиной, а ты умоляла бы, чтобы я тебя коснулся.

У нее перехватывает дыхание.

Она вздрагивает, и мурашки пробегают по ее коже. Ухватившись за мою рубашку, она кончиками пальцев теревит пуговицу. Черт возьми...ей нравится идея быть связанной. Я чувствую, это витает в воздухе. В том, как гудят протоны и электроны. В сексуальной энергии, которую излучает ее тело.

Я делаю вдох.

И ощущаю химию.

И я понятия не имею, что с этим делать.

Я даже не знаю, почему только что сказал это, ведь мне не следует думать о том, чтобы переспать с ней, и уж тем более о том, чтобы связать ее.

К счастью, возвращается Нина с кольцом.

— Супербыстрая калибровочная работа для моих самых особенных клиентов, — говорит она с улыбкой на лице. Шарлотта протягивает руку, и я надеваю бриллиантовое кольцо ей на палец, на секунду встречаясь с ней глазами. Стараюсь прочесть этот взгляд и пытаюсь понять, думает ли она, как и я, о том, что это слишком сюрреалистично — я, нью-йоркский плейбой, надеваю кольцо на чей-то палец.

Пусть даже временно.

Может быть, для нее это так же странно.

Я изучаю ее серьезное выражение лица и сначала даже не могу понять, что она чувствует, получая первое в своей жизни обручальное кольцо. Потом замечаю отблеск печали в ее больших карих глазах. Мое сердце дрогнуло — кажется, она вспомнила, как десять месяцев назад собиралась обручиться с человеком, который смылся, разбив ее сердце.

Хорошо, что из-за меня она никогда не будет чувствовать себя подобным образом. Я не в силах причинить ей такую боль.

Спешно целую ее в щеку, отдаю Нине свою платиновую карту и плачу около десяти тысяч долларов за кольцо. Когда мы вечером идем на работу, она не надевает его.

На следующий день я наблюдаю, как маленький белый мяч взмывает высоко в воздух, а затем падает на землю с искусственной травой в пятнадцати метрах от лунки.

— Чувак, ты проигрываешь, — говорю я Нику.

— И прекрасно это осознаю.

Он хватает еще один мяч, устанавливает его у метки и размахивается клюшкой. В результате удара мяч взлетает так высоко, что почти задевает верхушку черной сетки, а затем катится по траве, будто в док на реке Гудзон, где два белых круизных судна швартуются друг за другом, а над нами ничего, кроме синего неба. Мы в Chelsea Piers, где Ник практикует свои навыки в гольфе.

— Ненавижу говорить тебе такое, но сомневаюсь, что твой новый босс будет очень впечатлен такими ударами. Может, ты сможешь убедить его сыграть с нами в софтбол?

Он усмехается.

— Скорее всего, нет. Этот человек одержим гольфом, и, к слову, он играет за любителей, и у него лучшие промежуточные показатели среди всех шоуменов, которые с ним общаются.

— Это безумие. Но, если серьезно, то тебе следует делать акцент не на движениях плечами, а на повороте бедер, — говорю я ему, вспоминая уроки игры в гольф в средней школе. Я стараюсь избегать этой темы, чтобы не выглядеть слишком высокомерным. Или слишком опытным. Но в данный момент, если это поможет моему приятелю, я готов раскрыть ему все известные мне секреты игры в гольф.

Ник поднимает голову и смотрит на меня сквозь черные хипстерские очки и упавшие на лоб каштановые волосы.

— Ты не посмеешь положить руки на мои бедра, чтобы продемонстрировать это.

Я смеюсь, подняв руки в знак капитуляции.

— Можешь быть уверен, что этого никогда не произойдет, — говорю я и отхожу, чтобы он снова сделал попытку.

На этот раз все не так печально, и мяч аккуратно катится по траве.

— Так держать, — говорю я, — опиши это в своем следующем эпизоде. Приятель Мистера Оргазма спасает его задницу от провальной игры в гольф с его новым боссом.

Ник Хаммер — звезда в телевизионном мире. Еще в средней школе он был тихим задротом, трясущимся над своим блокнотом, в котором рисовал пошлые комиксы и размещал их потом в интернете. Десять лет спустя он направил свой талант в концепцию анимированного ТВ-шоу — *«Приключения Мистера Оргазма»* — веселую и пошлую передачу, которая идет поздно ночью по кабельному Comedy Nation. Герой — анимационный персонаж, одетый в плащ воина света, который наделяет оргазмическим удовольствием женщин. Уверен, что это было тайной мечтой Ника в средней школе. Теперь искусство отражает его жизнь, и наоборот. Он все еще тихоня, но теперь женщины замечают его. Со времен школы он поднабрал вес, набил на руках татуировки, эскизы к которым придумал сам, и набрался мужества, чтобы, наконец, начать общаться с противоположным полом. Результат? Чистая магия. Этот человек — типичный мартовский кот, и я подозреваю, что очки и скромность в стиле «Я однажды был-задротом, а теперь я звездная персона»

помогает в его отношениях с дамами.

— И как именно я *впишу* игру в сюжетную линию? — сухо спрашивает он.

Я пожимаю плечами и хлопаю его по плечу.

— Не знаю. На то ты, мой друг, и сценарист. Это твоя работа — выяснить, как это впишется в шоу. Кстати, о сюжетных линиях... мне нужна небольшая помощь кое в чем, — говорю я, подходя к основной цели нашей сегодняшней встречи.

Он отбрасывает свою клюшку и сгибает палец.

— Это называется точкой G. Ты найдешь ее внутри женщины. Когда войдешь под нужным углом, она кончит жестче, чем когда-либо ранее. Что-нибудь еще?

Я имитирую барабанную дробь, изображая саундтрек того, как он отреагирует, и озвучиваю ему мой новый временный статус отношений.

Отсмеявшись, отхохотавшись и отглумившись над моим затруднительным положением, он спрашивает:

— Таким образом, ты хочешь попросить меня стать твоим шафером? Фальшивая свадьба тоже намечается?

Я смеюсь и качаю головой.

— Не будет никакой свадьбы. Никогда. Но сейчас мне это нужно. В выходные к нашей очередной игре в софтбол присоединится отец и его покупатель. Все, что от тебя требуется, это подыграть мне. Если эта тема всплывет, то не удивляйся и не вызывай подозрений, — мой папа собрал разновозрастную команду по софтболу, спонсируемую «Катарин», и позвал Ника и меня в его команду. Игра Ника в софтбол явно лучше его игры в гольф.

Он кивает несколько раз, словно переваривает полученную информацию, а затем поглаживает подбородок.

— Позволь мне быть честным. Ты говоришь, что я должен подыграть всей той херне, которую ты придумал? Хорошо. Думаю, что смогу сделать это.

Я закатываю глаза.

— Вот почему я завишу от тебя, бездонный колодец сарказма.

— Такой же, как и ты, — говорит он с ухмылкой.

— Мне пора идти... у меня встреча сегодня за ужином. Я свяжусь с тобой позже.

Я собираюсь уходить, когда он окликает меня:

— Значит ли это, что я больше не смогу подкатывать к Шарлотте?

На мгновение мои плечи напрягаются, и жаркая ревность вспыхивает с удвоенной силой. Проклятье, она словно ястреб, который, бросившись с неба, впивается в грудь своими когтями. Я напоминаю себе, что он шутит. Это его любимое занятие. И я несколько не ревную, ничего подобного. Ястреб превращается в голубя.

— По крайней мере, в течение следующей недели или около того, — говорю я, — потом она вся твоя.

Эти слова кажутся настолько неправильными, что режут слух. Даже если и не моя, она не может быть *его*.

И я не гребанный голубь мира.

— Я всегда думал, что вы двое были бы симпатичной парой, — говорит он сладким сахарным голосом.

Когда я ухожу, он имитирует звуки поцелуев. Не сомневаюсь, что он поет *Kissing tree song*, но все, что я могу — оставить его в зеркале заднего вида.

Кроме того, сегодня мне нужно поработать над своей ролью.

Потому что все это игра.
Ничего более.

Стейк великолепен, салат «Цезарь» вкусный, красное вино приятное.

Как и разговор.

Пока что все идет хорошо. Мы говорим о драгоценностях, частных школах, лиге софтбола и о том, как прекрасна погода. Может ли это означать, что мне все сошло с рук?

Да, ведь после того, как мы приехали в ресторан, Офферман наградил мою будущую невесту «поздравлением», а когда она сверкнула бриллиантом на кольце, женщины заохали и заохали.

Моя сестра тоже. Ее поздравления были самыми восторженными из всех, но, заключив меня в свои любящие сестринские объятия, она еле слышно прошептала:

— Вам не удалось обмануть меня. Но я тебя прикрою.

Думаю, вы никогда не сможете обмануть фокусника. Она умеет раскусить мошенничество, и в нашем случае сделала это в считанные секунды.

— Спасибо. Я у тебя в долгу.

— Вот именно. Тем более, я до сих пор не простила тебя за инцидент с Сантой, когда мне было десять лет, — прошипела она, перед тем как развернуться и блеснуть улыбкой на камеру.

Но репортер из *Metropolis Life and Times*, похоже, не охотник за сплетнями, поэтому не задержится здесь надолго. Подозреваю, он стажер, а это значит, что статья заказная. Молодой парень задал несколько вопросов моему отцу и мистеру Офферману о продаже семейного бизнеса, затем сделал несколько снимков клана и слинял.

Скорее всего, он привык ложиться спать вовремя.

Простой, как пять копеек.

Сейчас мы заканчиваем ужин в этом стейк-хаусе недалеко от центра. Здесь царит особая атмосфера, подчеркнутая хрустящими белыми скатертями, дубовыми столами, мягким освещением и официантами в костюмах. Я двигаю ножом по своему филе-миньон и замечаю кое-что боковым зрением. Старшая дочь мистера Оффермана, Эмили, сидит напротив. Она крутит прядь длинных черных волос и смотрит на меня.

Ой-ой.

Я узнаю этот взгляд. Такие заигрывающие взгляды на меня обычно бросают женщины в баре. Я обеспокоен. Теперь она хлопает ресницами?

Я отвожу взгляд, беру кусочек мяса, медленно жую и проглатываю его. Хватаю бокал и делаю небольшой глоток. Что-то скользит вдоль носка моего ботинка. И это что-то отчетливо ощущается как Стопа Молодой Леди.

Нет.

Ни хрена себе.

Эмили флиртует со мной?

Моя грудь сжимается.

Я отодвигаю ногу в сторону.

Моя сестра громко смеется.

Маленькая проказница. Она сидит рядом с Эмили.

Моя мать поворачивается к Харпер и лучезарно улыбается.

— Что смешного?

Сестрица с улыбкой кивает, ее рыжий хвостик подпрыгивает.

— Просто вспомнила одну смешную шутку.

— Поделишься? Или это неуместно? — спрашивает мама голосом, сдобренным вежливостью. Ей тоже хочется, чтобы этот ужин прошел хорошо для моего отца. Она не отстала от жизни. И если у Харпер есть хорошая, не похабная шутка, то мама захочет ее услышать. Эта женщина любит смеяться.

Моя сестра кладет вилку на стол.

— Она вполне уместна. На самом деле, теперь она идеально подходит для Спенсера, — говорит Харпер, уставившись на меня.

Она прокашливается. Ей удалось привлечь внимание всех за столом. Я сижу прямо, мои нервы напряжены. Понятия не имею, что она замышляет. Харпер сказала, что сохранит мой секрет, но все еще ищет способ отомстить мне за то, что я сказал ей, что Санта Клауса не существует, и что, будучи пятиклассницей, она слишком стара, чтобы по-прежнему в него верить. С мокрыми глазами и зареванным лицом она поклялась, что отомстит мне за то, что я погубил ее самую большую мечту.

Но прямо сейчас ей лучше забыть о мести. Если она сделает это, то я подвешу ее вверх тормашками на перилах, пока она не прокричит: «Дяденька, прости!». Ой, подождите. Это были мысли десятилетнего Спенсера. Взрослый Спенсер *никогда* бы не сделал этого. Вместо этого, в следующий раз, когда у нее будет свидание, я просто принесу старый семейный фотоальбом. И всем покажу ее стрижку во втором классе, которую она сама себе соорудила.

— Мммммм, очень интересно, — говорю я, откидываясь на спинку стула.

Давай же, сестренка.

Она поднимает подбородок и начинает рассказывать шутку:

— Почему Рэй Чарльз не может видаться с друзьями?

— Почему? — с любопытством спрашивает миссис Офферман, нахмутив брови. И сама же отвечает: — Потому что он слепой, — кажется, она довольна, что знает ответ.

Моя сестра делает паузу, наклоняет голову и смотрит прямо на меня.

— Потому что он женат.

Харпер заставляет всех за столом рассмеяться. Ну, всех старше двадцати. Дочери мистера Оффермана едва посмеиваются, но Харпер не нужно развлекать их. Они уже охали от удовольствия, когда она обсуждала с ними поп-музыку и секреты удачного селфи, в том числе варианты получения идеального видео селфи.

— Как думаешь, с тобой тоже скоро такое произойдет, Спенсер? — спрашивает сестра, хлопая ресницами и подперев подбородок руками.

Что за дьяволица.

— Неа, Шарлотта крутая, — говорю я, перемещая ногу под столом ближе к Харпер и пытаюсь ударить ее. Ну или слегка стукнуть по ноге. Но вместо этого вскрикивает Эмили.

— Ой, как больно, — визжит она.

О, проклятье! Не так девушка.

— Что случилось, дорогая? — миссис Офферман смотрит на старшую дочь. Она миниатюрная женщина, проводившая большую часть ужина, суетясь над членами своей семьи.

— Кто-то ударил меня ногой под столом, — говорит Эмили раздраженно.

Ее мать обращает зоркие голубые глаза в мою сторону, сканируя виновника удара. Я

мысленно вздрагиваю. Не могу поверить, что уже успел облажаться, и все из-за моей сестрицы.

Я пытаюсь найти правильное оправдание, но не успеваю произнести ни одного, потому что Шарлотта извиняется, приложив ладонь к груди.

— Мне так жаль, Эмили. Это я. Когда Спенсер начинает меня доставать, я пинаю его. И хотя этот мужчина достает меня часто, я все-таки обожаю его. Но в этот раз я промахнулась и ударила тебя. Прости, пожалуйста, — говорит она со сладкой улыбкой, и я готов расцеловать ее. Черт возьми, я действительно готов поцеловать ее.

Что я и делаю.

— Я это заслужил. Мне нравится, как ты контролируешь меня, сладкий медвежонок, — говорю я, а затем, положив ладонь ей на щеку, мягко целую в губы.

Она отвечает на поцелуй, и, хотя он такой целомудренный и милый, даже этого оказывается достаточно, чтобы забыть об окружающих нас людях. Мне хочется больше притворных поцелуев. Больше языка, больше губ, больше зубов.

Больше контакта.

Больше *ее*.

Именно то, чего я не должен желать.

Я слышу аплодисменты, разрываю поцелуй и вижу, что моя сестра начинает свою речь:

— Вы такая милая пара. Когда свадьба?

Ох.

Эта деталь.

Глаза моей матери блестят от волнения.

— Ах, да. Это будет летняя свадьба?

— Мы думаем, весной, — говорит Шарлотта, в очередной раз ненавязчиво забирая инициативу в свои руки. — Возможно, в мае. Может быть, в художественной галерее. Или в музее. В музее современного искусства для проведения свадеб такие прекрасные сады со скульптурами.

— О, это было бы великолепное место для торжества, — говорит миссис Офферман, оставляя инцидент с пинком где-то далеко за пределами галактики. Она располагает свою руку у рта так, чтобы дочери не могли ее слышать: — Я уже выбираю место для бракосочетания дочерей, несмотря на их еще юный возраст. Но, если честно, никогда не рано обдумывать это.

Мистер Офферман кладет свою руку поверх ее.

— Для тебя это как чудесное хобби, дорогая. Оно дает тебе возможность выбраться из кухни.

Я выпрямляю спину. Мы что, попали в пятидесятые?

— Из кухни? — вырывается у меня.

Отец откашливается, его голос прерывает мой вопрос.

— Кейт, что ты думаешь о садах со скульптурами? — обращается он к матери, затыкая мне рот. — Тебе всегда нравился музей современного искусства.

— Это изумительное место, но я думаю, что свадьба Шарлотты и Спенсера будет красивой везде, где бы они ни пожелали ее провести. Шарлотта, мне известно, ты очень близка со своей матерью, но, если тебе понадобится какая-нибудь помощь, я всегда готова. Обожаю свадьбы.

Миссис Офферман снова встревает в разговор, уставившись на Шарлотту:

— Твоя мать, должно быть, очень взволнована. Она примет участие в планировании торжества?

Шарлотта, кажется, зашла в тупик и от этого морщит лоб.

— Я уверена, что она поможет.

— Конечно, поможет, дорогая. Ей захочется больше, чем просто помогать. Она живет рядом?

— Мои родители живут в Коннектикуте.

— Чем ей еще заниматься, кроме как планировать твой особенный день? — говорит миссис Офферман с выражением полнейшего удивления, как будто иначе и быть не может. Она уже представляет, как мама Шарлотты тратит каждую свободную минутку на отдачу приказов команде флористов и заказ репетиционных залов.

— Она очень занята на работе, — говорит Шарлотта.

— Ой, работа? — это, кажется, пугает женщину. — Чем она занимается?

— Она хирург в больнице в Нью-Хейвене.

Брови мистера Оффермана удивленно приподнимаются, а глаза округляются до размера пляжного мяча.

— Как интересно. А твой отец?

— Он медбрат, — сухо говорит Шарлотта, и я начинаю закипать, но сдерживаюсь и снова сжимаю губы.

— Правда? Я думала, что он тоже доктор, — говорит моя мама, искренне удивившись, потому что прямо сейчас Шарлотта лжет. Это убивает меня — совершенно убивает — и я с трудом держу рот закрытым.

Шарлотта потирает лоб.

— Прошу прощения. Он начинал медбратом, но приложил много усилий и, благодаря поддержке моей матери, тоже стал врачом, — на этот раз она говорит всю правду, но взгляд на лице миссис Офферман бесценен. Словно она никогда не слышала о мужчинах-санитарах, и, конечно, о тех, кто стал врачом по настоянию жены. Мистер Офферман выглядит еще более смущенным.

Тишина заполняет помещение. Все за столом на мгновение замолкают. Звон бокалов и стук приборов по фарфоровой посуде становятся единственными звуками вокруг.

— За счастливую пару, — говорит мой отец, поднимая свой бокал и спасая присутствующих от споров о распределении ролей между мужчиной и женщиной.

— Послушайте. Кто не любит свадьбы? Это лучшее, что может быть, не так ли? — говорит мистер Офферман и подмигивает моему отцу, словно говоря: *«Выпьем за мужчин, преумножающих свой капитал»*.

Его дочери поднимают стаканы с содовой, а я беру свой бокал и чокаюсь сначала с Шарлоттой. Легкий стук раздается из-под стола. Она смотрит на меня с усмешкой, и есть что-то очень личное в выражении ее лица — что-то, подтверждающее наличие у нас общего секрета. И тут я понимаю, что это. Потому что сейчас нет никаких сомнений, кто к кому прикасается. Это пальчики ее ноги скользят по верхней части моих ботинок. Потом по щиколотке. Потом выше, и это сводит меня с ума — настоящее сумасшествие. Пальцы ног Шарлотты на моей ноге чувствуются чертовски здорово.

Так хорошо, что я хочу схватить ее за руку, затащить в ванную комнату, прижать к стене и задрать юбку. Посмотреть, какие трусики она надела сегодня, и насколько они уже влажные от возбуждения.

Но такого. Не может. Произойти.

Должно быть, это все из-за вина.

— Завтра мы должны пойти в музей современного искусства, — говорит миссис Офферман моей маме. — Эмили планирует изучать историю искусств в колледже в следующем году.

Эмили приподнимает бровь, будто бы совсем не согласна с этим.

— А ты сможешь осмотреть сад, Кейт.

— Какая прекрасная идея, — говорит моя мать, как всегда, дипломатично.

Миссис Офферман смотрит на Шарлотту.

— Не хочешь присоединиться к нам?

— Конечно, — Шарлотта сжимает мою руку, — мы оба присоединимся к вам.

— Не могу дождаться, — говорю я, потому что любой другой ответ может стать причиной моего расчленения.

Я допиваю свое вино, и тема разговора меняется, как и положение ноги Шарлотты — она опять надела туфлю. И я благодарен ей за это, потому что чувствую себя подростком, возбуждающимся от простого прикосновения ноги.

После десерта и кофе я отвожу сестру от стола — достаточно далеко, чтобы поговорить с ней.

— Харпер, серьезно. Ты должна быть на моей стороне. Из-за тебя все могло раскрыться.

— Ой, да ладно. Я не собиралась этого делать. Просто развлекалась. Ты же знаешь, что я тебя прикрою, как обычно, — говорит она таким тоном, будто я сошел с ума, если думаю иначе. Но сумасшествие на этой неделе — вполне нормальное для меня явление.

— Я знаю. Просто будь в этой ситуации за меня, а не против, — говорю я с долей отчаяния в голосе. Кого я разыгрываю? Это не доля. Это гребаная полноценная порция.

Она смеется.

— Ты такой жалкий, когда тебе что-то нужно. Где тот Спенсер, который подвешивал меня через перила, когда мне было восемь?

Я шокировано смотрю на нее.

— Я думал, тогда тебе было шесть?

— Еще лучше, — она притягивает меня к себе, чтобы обнять, — все нормально. Я не буду крысой. Но, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Не переживай. Я знаю.

— Хорошо, если так. И тебе лучше быть осторожнее, — она поворачивается, хватая меня за рубашку и угрожающе шепчет: — Ведь когда ты будешь меньше всего ожидать, я отомщу тебе за Санту, — ее захват усиливается, и голос становится еще тише, — смотри в оба. Эмили пялится на тебя. Она уже втюрилась.

Эмили поднимается из-за стола, глядя на телефон в руке.

— Ошибочка, — говорю я и разрываю объятия, — она просто таращится в телефон, печатая сообщения друзьям.

Но, оказывается, моя сестра права, потому что сейчас Эмили определенно смотрит на меня. Она встречается со мной взглядом и облизывает губы.

Харпер смеется, изображая руками когтистые лапы.

— Мяу. Я чувствую запах кошачьих боев.

Я качаю головой. Шарлотта вряд ли будет драться за меня.

Моя фальшивая невеста проходит мимо, и маленькая девчонка переводит свой взгляд на

нее, словно изучая и выжидая момента для атаки. Резким движением она хватается за руку Шарлотты. Черт, Харпер права. Начинается драка. В это мгновение я разрываюсь между любопытством понаблюдать за происходящим и желанием предотвратить схватку.

— О, Боже, я в восторге от твоих туфель, — говорит Эмили с обожающей улыбкой на лице, — где ты их купила?

Уф. Эмили просто пялилась на обувь Шарлотты. И вот они уже болтают о моде и дизайнерах одежды, и Шарлотта удивительно легко с этим справляется.

Не понимаю, почему она сомневалась в себе.

Она чертов бриллиант и может сыграть роль моей фальшивой избранницы в любой ситуации.

Шарлотта выдыхает и потирает лоб рукой.

— После этого представления и такого длинного дня мне нужна рюмка алкоголя, — говорит она, когда мы садимся в машину, — или даже две.

— И мне, — я постукиваю по ее колену костяшками пальцев, а затем говорю водителю ехать в центр города. — Кстати, о *медбрате*. Чумовая идея.

Мы ударяемся кулаками.

— Это даже не было ложью. Нечто вроде отсроченной правды.

— Честно говоря, ставлю тебе пятерку за эту шикарную историю.

— Что ж спасибо, — говорит она игриво, — с нетерпением жду свой табель об успеваемости.

Я делаю вид, что вручаю ей его.

Она типа открывает его и читает:

— Спешу заметить, я получила твердую пятерку.

Я качаю головой.

— Пять с плюсом. Задумка с медбратом дает тебе дополнительный балл. Видишь? — я указываю пальцем в невидимый табель, словно он там действительно есть.

Она смеется и хватает меня за руку.

— Ничего не могла с собой поделать. Ее комментарии звучали так старомодно.

Моя мама сидела дома с Харпер и со мной, пока мы были детьми, и я прекрасно понимаю, что ее работой была забота о детях. По крайней мере, ей это удалось. Мама вырастила нас, и, кроме того, давала отцу дельные советы по бизнесу. Поэтому в отдельных случаях он относился к ней, как к королеве, а в остальных — как к равной. Именно так все и должно быть, какой бы выбор ни сделала женщина.

— Говоря о старомодности, не хочешь попробовать «Джин Джоинт»? — спрашиваю я, упомянув новый бар в Челси, о котором было написано множество восторженных отзывов, в особенности о его старомодном джине.

— Да. Я на ногах с шести утра, — говорит она, затем делает губки бантиком, как кинозвезда из старых фильмов, и говорит хриплым, сексуальным тоном: — Но я все еще в настроении выпить перед сном.

Вскоре мы заходим в красную дверь бара в подвальном помещении, из колонок негромко звучит страстная музыка, вокруг бордовые, ярко-синие и фиолетовые бархатные диваны. Место в стиле Нового Орлеана — высокого стиля — дорогое, темное и сдержанное.

Шарлотта садится на диван, бросая рядом с собой сумочку и принимая расслабленную позу. Я делаю заказ для нас, возвращаясь к столу с винтажным коктейлем для нее и бурбоном для себя.

— За Честную Шарлотту, — произношу я, поднимая стакан.

— За Кокер-Спаниеля Спенсера, — говорит она и делает глоток, после которого издает стон и постукивает по стакану. — Это божественно. Попробуй.

Она протягивает мне стакан, и я делаю глоток. Мои вкусовые рецепторы танцуют джигу.

— Вау. Можем ли мы украсть у них рецепт?

Она смеется.

— Как в тот раз, когда мы тусили в Speakeasy, — говорит она, и в ее глазах мелькают воспоминания о том, как мы начали наш бизнес. Мы праздновали продажу Boyfriend Material на открытии нового бара недалеко от центра города. Заказали фирменный коктейль — «Фиолетовый Снежный шар» — который только становился популярным и пока еще не продавался в банках в каждом магазине. Мы одновременно указали на него в меню и сказали: «Давай украдем этот рецепт».

— Проклятье, ты должен мне выпивку, — произнесли мы в унисон.

Это звучало как завершение сделки. В колледже мы были помешаны на пиве и шутили на вечеринках, что когда-нибудь откроем собственный бар и добьемся успеха, потому что всегда можем определить разницу между качественным пивом и пойлом из бочонка. Вряд ли это можно назвать талантом, но именно это свело нас вместе.

Окончив университет, мы начали работать в совершенно разных сферах, но остались близкими друзьями.

Я запустил свое приложение, а Шарлотта получила отличное предложение работать в компании «Фортуна500». Время неумолимо текло, она работала на износ, но не получала ни грамма удовольствия. Она была очень несчастна и приняла серьезное решение — чтобы не погрязнуть в этом дерьме, нужно начать заниматься тем, чем планировала, и тем, что нравится — вести собственный бизнес, который приносил бы удовольствие и давал возможность тусоваться с друзьями.

И однажды она спросила меня, готов ли я сделать то, о чем мы говорили той ночью, когда поклялись больше никогда не пить бочковое пиво.

— Я накопила немного денег. Не хочешь вместе со мной открыть бар недалеко от центра города?

Имея на руках наличные от продаж и будучи готовым к новым приключениям, я в ту же секунду согласился.

— Может, назовем бар в честь собак, что были у нас в детстве?

— Черт, да.

Остальное уже история. «Лаки Спот» стал довольно прибыльным местечком и вскоре расширился до трех баров. Мы вместе создали нечто действительно невероятное.

Мы с Шарлоттой вспоминаем о наших первых днях в бизнесе, пока «Джин Джоинт» заполняется посетителями. Дверь открывается, и появляется компания красивых сексуальных дам, одетых в облегающие джинсы и туфли на каблуках, которые делают их ноги нереально длинными.

Где-то на подсознании внутренний голос говорит, что мне следует заценить их, но мысль исчезает так же быстро, как и появляется.

Шарлотта допивает свой напиток так же быстро, как и я. Мы переходим к разговорам о наших самых запоминающихся клиентах за все эти годы.

Разговор идет гладко, и это напоминает мне о том, почему у нас так хорошо получается дружить и почему так важно для сохранения этой дружбы больше никогда не практиковаться в поцелуях. Потому что я не хочу ее потерять. Она тот человек, с которым я могу быть самим собой, и мне просто нравится отдыхать здесь с ней. Мы стали делать это реже, когда на горизонте появился Брэдди Дипстик.

Она словно читает мои мысли, радостно вздыхает и говорит:

— Я скучала по таким разговорам с тобой, пока была с этим ослом.

— Я тоже.

Она наклоняет голову и смотрит на меня.

— Серьезно? — выражение ее лица — смесь удивления и заинтересованности. — Так оно правда работает?

— Что работает? — спрашиваю я с любопытством.

Она пробегает пальцами по моим волосам.

— Устройство, что я имплантировала тебе в мозг, чтобы читать твои мысли, — говорит она с напускной серьезностью.

Я смеюсь и сжимаю ее плечо.

— Ты поймала меня. Следующий раунд за мной.

— Пусть вся ночь будет за тобой.

— Так и будет. И да, столько всего упущено, пока ты была с ним.

— Поездки к тебе домой. Выпивки за просмотром ТВ, поедание мармеладных мишек или леденцов, распивание текилы или вина — в зависимости от того, что мы выберем.

— На самом деле, мы весьма похожи в выборе спиртных напитков и конфет.

— Так и есть, — Шарлотта счастливо вздыхает и неожиданно придвигается ближе, словно собирается меня обнять. — Знаешь, это может показаться странным, но я рада, что застучала его с той женщиной. Покупка жилья с ним была бы такой ошибкой. Словно какая-то сила вытащила меня из этого дерьма. Звучит безумно?

— Совсем нет.

— Если бы я была с ним — помолвлена и жила вместе — то не смогла бы сделать этого с тобой.

Сначала я был уверен, что она имеет в виду тусовки. Но когда чувствую ее ладонь на моей ноге, понимаю, что она имеет в виду нечто другое.

Я смотрю вниз, ее ладонь движется по моему бедру. *Интересно.* Я честно не знаю, когда это произошло или почему не замечал этого раньше, но ее рука теплая и ощущается так хорошо, что ее прикосновения кажутся родными. Возможно, поэтому я не осознавал, что она касалась меня последние несколько минут, пока мы болтали. Я быстро привык к ее рукам на моем теле.

Когда официантка проходит мимо, Шарлотта подзывает ее и заказывает джин с тоником. К тому времени, как наш заказ оказывается на столе, Шарлотта уже рисует легкие линии вдоль моей ноги, и это больше не похоже на простое поглаживание. Это что-то совершенно другое.

Я застигнут врасплох и совершенно не готов к такому повороту — к ночной Шарлотте, которая касается меня, словно мы действительно вместе, хотя поблизости никого нет.

— Спенсер, — говорит она, и ее голос тягучий и счастливый, — я так рада, что мы начали бизнес вместе.

Хорошо, это имеет смысл. Она в одном из тех беспечных подвыпивших состояний, где размышляет о том, что жизнь хороша. Я могу с этим справиться. Она делает глоток своего напитка и опускает стакан, перемещаясь ближе.

Когда она придвигается, кончики ее пальцев тоже перемещаются выше по моей ноге.

Вау.

Не ожидал, что она начнет распускать руки подобным образом.

— Да, я тоже.

Ее пальцы поднимаются еще выше по ткани моих брюк. Она становится более

открытой. Более раскованной. *Насколько крепкие эти напитки?*

— Я была так несчастна до того, как мы открыли наш бар, а теперь счастлива, — говорит она, и ее рука на моем бедре вдруг начинает жить собственной жизнью. Или ее гормоны разгулялись. Потому что ладонь Шарлотты на пути к моему члену.

Такое ощущение, что в баре включили обогреватель.

— А знаешь, почему еще я рада, что не с Брэдли?

— Почему? — спрашиваю я осторожно, ибо эти ловкие, нетерпеливые пальцы с каждым сантиметром все ближе и ближе. *Я в огне.* В горле горит. Должно быть, даже волосы воспламеняются. Черт побери, я могу растопить ледник.

— Потому что наслаждаюсь временем нашей с тобой игры, — говорит она, и ее правая грудь прижимается к моей руке. Она такая мягкая, и я умираю от желания узнать, как эта грудь будет ощущаться в моих руках, как она отреагирует на мои пальцы, вырисовывающие круги по чувствительной плоти, какие звуки будет издавать Шарлотта, когда я втяну ее соски в рот. Насколько твердыми они станут от моих губ.

Проклятье, я опять об этом думаю.

О том, о чем не должен.

Ее пальцы не в сантиметрах, а в гребаных миллиметрах от моего члена.

Я знаю, что делать, но в то же время не имею ни малейшего понятия. Мои инстинкты говорят мне придвинуться, чтобы попробовать, какова она на ощупь, ее поцелуи, секс с ней. И это, как недостающая страница в сборнике пьес. Целая глава. Это же Шарлотта, а ситуация выходит за рамки приличия. Мы друзья и деловые партнеры. Мы фальшивые влюбленные, которые не трахаются. Вчера мы были трезвыми и практиковались в поцелуях, а сегодня выступали на публике.

Но сейчас за нами не наблюдают. Здесь только я и она, но мы все еще касаемся друг друга.

Мы оба сошли с ума. Я навеселе, и она изрядно пьяна. Вот откуда эта настойчивая тяга к близости. Бар словно пытается соблазнить нас, наложить заклятие. Тут темно, все вокруг нас касаются друг друга — ладони на талии, руки в карманах, губы на шее. «Джин Джоинт» распространяет распутные мысли. Его сердце бьется предвкушением полночи и сексом после наступления темноты.

Дыхание застывает в груди, когда пальцами Шарлотта касается моей эрекции. Ее глаза загораются, будто она открыла подарок, и именно такой реакции я жду от женщины, но, черт подери, именно этой реакции не должно возникать у Шарлотты.

— Шарлотта, — говорю я, и мой голос полон сурового предупреждения.

— Спенсер, — шепчет она своими пухлыми губами, и то, с каким придыханием она произносит последний слог, невероятно сексуально. Когда она так делает, я только и могу представлять ее губы на моем члене, ее светлые волосы на моих бедрах, как ее голова движется вверх и вниз. Это великолепная и опасная фантазия.

Чувства накаляются, но внезапно она просто кладет голову мне на плечо и возвращает руки на свои колени.

Будто внутри нее сработал выключатель.

— Я просто люблю тусоваться с тобой, — говорит она и закрывает глаза, словно засыпает.

— Мне тоже нравится это, — говорю я, — но ты устала.

— Я знаю. Длинный день. Моя подушка взывает ко мне.

Отлично. Просто превосходно. Я на взводе, а она, зараза такая, засыпает. Ее руки безвольно падают по бокам, и я остаюсь в обществе огромной гребаной эрекции и сексуального тела моей лучшей подруги рядом со мной на бархатном диване.

Через пятнадцать минут мы уже едем в такси. Я даю водителю адрес Шарлотты, потому что хочу убедиться, что мой счастливый, пьяный, уставший друг доберется домой благополучно. Когда слово «Лексингтон» покидает мой рот, я смотрю на нее, а дальше все, как в тумане.

Ее руки вокруг моей шеи, ее губы на моих губах. Она неистово целует меня, словно буря, проливающая с неба ливень поцелуев и ослепляющая жаркими вспышками молний. Она пьяна. Я чувствую это по ее медленным томным движениям, мягким касаниям рук и судорожному дыханию. Ее губы со вкусом джина, и это самый вкусный напиток, который я пробовал, потому что он смешан со вкусом Шарлотты. Мое восприятие атаковано ее вкусом, запахом, дыханием. Я ощущаю запах меда, исходящий от ее кожи — она пользовалась «Медовым цветом» из той коллекции, что показала мне. То, что мне известны о ней такие мелочи, заставляет мою кровь закипать в венах. И я ловлю себя на мысли, что хочу знать, как она будет пахнуть завтра. Какой она завтра будет на вкус. Какой аромат будет втирать в свое тело, выйдя из душа, и будет ли он так же сводить меня с ума, как и сегодняшний.

Этот медовый запах потрясающий. Пьянящий и завораживающий, как и вся она, и я знаю, что как бы она ни пахла на следующий день, все равно будет заводит меня с той же силой, потому что чертовски соблазнительна.

Особенно, когда посасывает мои губы так, как сейчас. Я стою и оборачиваю свои руки вокруг нее, притягивая ближе. Она приподнимается и седлает меня на заднем сидении такси, которое мчит нас по улицам мерцающего огнями ночного Манхэттена.

Она снова шепчет мое имя с невнятным стоном. Звучащее из ее великолепных красных губ, это равносильно оргазму.

— *Спенсер*, я хочу тебя, — шепчет она мне на ухо. — Твой вчерашний поцелуй сделал меня такой мокрой... И прямо сейчас я такая же мокрая. Все, что ты делаешь, заводит меня.

О, Боже. О, черт. Ох, святые угодники, спасите меня от самого себя.

Выхода нет. Мне нужно нажать на тормоза. Все выходит из-под контроля. Он просто сгорает синим пламенем. Я должен остановить это.

— Шарлотта, — предупреждаю я, пытаюсь оттащить ее от себя, но что происходит? Она задирает юбку и устраивается прямо на моем члене — это в высшей степени мучительная и сладкая пытка. Тяжело вздохнув, я смотрю на нее. Машина тормозит на светофоре, но никого не волнует, что таксист на расстоянии трех метров от нас. Я не могу думать ни о чем больше, кроме горячего возбуждения, бурлящего под кожей, когда она устраивается на мне. Ее влажные трусики трутся о мою эрекцию, ее губы исследуют мое тело, и эта чувственная атака буквально взрывает меня изнутри. Ее губки движутся по моей шее, подбородку, скулам, добираясь до уха. Она касается зубами мочки моего уха и прикусывает ее.

Из меня вырывается стон, и я сильнее сжимаю ее бедра. Мне чертовски это нравится. Я без ума от всего, что она делает. Она облизывает языком мочку моего уха, и я просто готов сдаться, потому что она нашла мое слабое место, и, кажется, поняла это.

Она целует меня там, и каждое движение ее языка делает меня еще тверже, пробуждая желание затащить Шарлотту к себе домой, бросить на кровать, войти в нее и показать, до какой степени она сводит меня с ума этими поцелуями, и пусть мой член заставит ее кричать от удовольствия.

Она приподнимает свои бедра, опускается на меня и шепчет:

— Почувствовав тебя на своем диване, я сошла с ума. Совершенно обезумела.

Рукой она скользит между нашими телами и хватает мой член. Я совершенно

наэлектризован. В каждом миллиметре моего тела гудят тысячи ватт напряжения от ощущения прикосновения ее руки через ткань брюк. Ее глаза сияют чистой необузданной похотью, как будто она, наконец, осознает, насколько у меня большой, и я надеюсь, она хочет меня всего. Черт возьми, я хочу, чтобы она получила меня всего.

Прямо сейчас.

— Я хочу узнать, каково ощущать тебя внутри, — бормочет она.

Тысячи ответов заполняют мою голову. *Это будет лучшее из всего, что у тебя когда-либо было. Расстегни мои брюки, оберни свои пальцы вокруг моего члена и позволь пригласить тебя на лучшую поездку в твоей жизни. Ты увидишь звезды, горы будут двигаться, а земля содрогаться.*

Но боюсь сказать единственное, чего действительно хочу.

Боже, я так чертовски сильно хочу трахнуть тебя прямо сейчас.

Но, к счастью, эти слова не слетают с моих губ. Каким-то образом рациональная часть моего мозга включается. Джентльмен внутри меня побеждает, и ему удается отобрать контроль у моего внутреннего бабника.

Шарлотта пьяна, и я не хочу воспользоваться Пьяной Честной Шарлоттой.

— Ты пьяна, Мамонтенок. Давай наденем на тебя пижамку и отправим в постельку, — говорю я, обхватывая за бедра и снимая ее с меня.

Она оказывается быстрее — сдвигается, ловко пересаживаясь на сидение рядом со мной и усмехается.

— Я не пьяна, — и это звучит на удивление четко и ясно.

В данную минуту я не собираюсь спорить на этот счет. Пьяная или нет, это был слишком рискованный момент. Такси замедляется на следующем светофоре, она громко зевает, прикрыв рот, и опускает голову на мое плечо. Вскоре я уже открываю дверь ее квартиры, несу Шарлотту к постели и снимаю с нее обувь. Она что-то бормочет, но ее глаза плотно закрыты.

— Вода, — говорю я, — тебе нужна вода.

— Ммм, звучит превосходно, — говорит она сонно.

Я направляюсь в кухню, наполняю стакан холодной водой и приношу ей.

— Садись, — говорю я, и ей удается сесть в постели.

Я передаю ей стакан, и она выпивает большую часть.

— Выпей полностью. Я оставлю еще один на тумбочке. Выпьешь, когда проснешься посреди ночи, чтобы пописать.

Кивнув, Шарлотта отставляет стакан, оборачивает руки вокруг меня и тянет в постель. Она пытается уложить меня рядом с собой.

— Мне нужно идти.

— Остайся. Пожалуйста, — говорит она, хлопая по мягкой, удобной кровати. — Просто поспи рядом со мной. Это все, чего я хочу.

Спать рядом с ней? С такой эрекцией? С ее безумными руками, блуждающими по всему моему телу? Ни за что. Я не настолько силен. И не настолько правильный.

— Мне нужно идти. Я должен покормить своего кота, — самое глупое оправдание в мире, но это на самом деле правда.

Я вижу вспышку боли в ее глазах. Может быть, даже разочарование. Затем она сдается и мягко улыбается.

— Спокойной ночи, Капитан Жених. Поцелуй киску от меня.

Ах, я бы с удовольствием это сделал.

Ее голова падает на подушку, и в считанные секунды она засыпает. Это так чертовски мило, как и те негромкие звуки, что она издает. Я чешу голову — как это возможно, что ее похрапывание очаровательно? Но это так. Я стою и смотрю на нее в темноте, лунный свет играет на одеяле, проникая сквозь полосы жалюзи. Ее светлые волосы, лежащие на белой подушке, блузка, сползшая с плеча и открывающая вишнево-красный бюстгальтер, и юбка, задранная на бедрах. Мне нужно раздеть ее, как это делают в кино, или оставить спать в одежде?

Если я ее раздену, это будет неправильно. Поэтому я делаю то, что обещал. Наполняю еще один стакан водой и оставляю его на тумбочке. Открываю аптечку, беру две таблетки «Аспирина» и кладу их на всякий случай рядом со стаканом. Ищу какую-нибудь бумажку, и нахожу на кухне в ящике с посудой записную книжку и ручку.

Я оставляю ей записку:

Когда проснешься, выпей две таблетки «Аспирина» и позвони мне. Я отведу тебя кое-куда, чтобы полностью излечить твоё похмелье.

Я ухожу. Мне полагается грамота за самоконтроль. Нужно связаться с Комитетом Парней — пусть они узнают о моих достижениях в номинации «Стойкость». Учитывая уровень сложности, уже наутро мне должны вручить золотую медаль и провести церемонию награждения.

Мимо меня по Лексингтон проносится такси, но я не останавливаю его. Вместо этого я поворачиваю на юг и иду домой пешком, хотя пройти предстоит далеко не один квартал. Мне нужно время и пространство, чтобы забыть о тех пяти минутах в такси, когда я хотел трахнуть лучшую подругу.

Город должен отвлечь мои мысли от Шарлотты, поэтому я углубляюсь в него — винные погребки и магазины с цветами, китайские рестораны, предлагающие жирную лапшу, круглосуточные аптеки, продающие все и ничего. Я иду по городу в окружении толпы людей, гуляющих по улице поздно ночью.

Но, открывая в час ночи дверь квартиры, я все еще возбужден. Прогулка не помогла. Я возбужден до предела.

Такое ощущение, словно в лице Шарлотты принял «Виагру», и это самое трудное и жестокое наказание для моего такого жаждущего дружка.

Фидо мяукает, потягивается вверх и ставит лапы мне на ногу в знак приветствия.

— Голодный?

Его хвост дергается. Я направляюсь на кухню, открываю пакет и достаю немного кошачьего корма. Это полностью натуральный, органический, самый лучший корм. Харпер купила его, утверждая, что если он куплен в продуктовом магазине, то не сможет навредить коту. Мой парнишка пристрастился к нему: может быть, благодаря этому корму он чувствует себя тигром.

Я ставлю миску на пол, и он с урчанием поглощает еду. Кот получает такое удовольствие от миски сухого корма, что у меня живот сводит от зависти. Отлично. Теперь я завидую собственному коту, потому что его жизнь проще, чем моя. *Примечание для себя: завтра пойти в магазин и заказать себе хоть какую-то перспективу, потому что твоя потеряна.*

Я направляюсь в ванную, умываюсь, чищу зубы и пытаюсь забыть о сегодняшнем вечере. Послушайте, отказать пьяной девушке не сложно, потому что это действительно неправильно. Но по какой-то неизвестной гребаной причине было очень трудно игнорировать *ее*. Те вещи, которые она говорила. Те пошлые, развратные слова, слетающие с ее прекрасных губ. Они воспаляли тело. Пробуждали что-то внутри меня. Какое-то желание. Какую-то потребность.

Тот поцелуй на улице — одно.

Сессия на ее диване — совершенно другое.

А если говорить о такси, то это нечто совершенно новое. Она была словно прямое попадание ракеты, заряженной похотью и выстрелившей в моем направлении — то, как она взобралась и оседлала меня, как она терлась о мое тело.

Я хотел этого всего.

Я хотел *ее*.

И до сих пор хочу.

Раздеваюсь и бросаю одежду в корзину. Ложусь голый в постель, выключаю свет и закидываю руки за голову. Отзвуки субботнего нью-йоркского вечера доносятся в окно шестого этажа. Стук каблуков по мостовой, дружеский смех, такси, остановившееся и высаживающее клиентов, а затем отъезжающее в поиске новых заказов.

Но даже представив себе все это, я все еще безумно возбужден.

Что, черт побери, мне делать с этой эрекцией? Забивать гвозди? Рубить дрова? Это как наказание. У члена есть свой собственный источник крови.

Я закрываю глаза, плотно зажмуриваю их и сдавливаю ладонями затылок.

Потому что я не могу этого сделать.

Не могу дрончить на *нее*. Не могу так поступить. Не буду этого делать. Не разрушу нашу дружбу, заходя так далеко. Мы уже сделали больше, чем должны были, и если пойдем дальше, то потеряем все, о чем она говорила сегодня в баре...все хорошее. Она — мой лучший, надежный, фантастический друг. Она сводит меня с ума, заставляет смеяться, и я рискую потерять ее из-за желания трахнуть.

Пусть даже мысленно.

Но я умираю. Кожа горит, а мозг заиклился на одном — *секс, секс, секс*.

Нужно сделать что-то с этой чертовой эрекцией, которая сегодня работает сверхурочно, словно я подписался на круглосуточное дежурство. Я иду в гостиную, хватаю ноутбук и, возвращаясь в кровать, пролистываю вкладки.

Женщины. Много женщин. Горячие лесбиянки. Это то, что нужно. Что-то, что полностью удалит последние два дня, затопленные похотью. Нечто вроде двух горячих цыпочек в чулках, трахающих друг друга. И пожалуйста, никаких гифок из «Тамблера». Мне нужно видео, и я знаю, где его найти.

Уже через несколько секунд я наблюдаю, как великолепная рыжеволосая дева в черных чулках и подвязках входит в тускло освещенную гостиную.

Отлично. Устанавливаю ноутбук на покрывало, вытягиваю свое голое тело на кровати, кладу пару подушек под голову — и вот я готов к наслаждениям в своей вип-ложе.

К рыжей присоединяется сексуальная брюнетка, одетая только в белые туфли на высоких каблуках. Это даст результат, огромное спасибо. Я беру в руку член и приступаю. Двигаю ладонью вверх и как можно быстрее опускаю ее вниз, до самых шаров, таких тяжелых и ноющих.

То, что доктор прописал. Я собираюсь наслаждаться каждой секундой этого и крепче сжимаю ладонь.

Член пульсирует в руке, но я очень рад, что нахожусь на пути к неминуемому освобождению, как и женщины, перешедшие на кушетку и получающие оргазм.

Идеальный вариант, потому что ни одна из них не похожа на Шарлотту. Они целуются, и моя кожа становится еще более горячей при виде этих обнаженных красавиц. Их рты пожирают друг друга, и рыжая держит полные груди брюнетки в своих руках. Брюнетка стонет и скользит своими пальцами по киске рыжей. Мой ствол еще больше твердеет, когда я наблюдаю за ее влажным скользящим пальцем.

Дыхание перехватывает, изо рта вырывается стон.

Громкий.

Представляю, как горяча и влажна ее киска.

Вся красивая и гладкая, покрытая соками от возбуждения.

Как она чувствовалась бы на моих пальцах.

Я начинаю двигать бедрами, ускоряясь. Второй рукой двигаюсь от живота вверх. Кончиками пальцев кружу по ободку плоского соска, и мне становится так хорошо, что весь мир исчезает. Это просто я, мое тело и женщины на экране.

Вскоре рыжая становится на колени, раздвигая ноги своей партнерши. Брюнетка откидывается на диван с широко открытым от стонов ртом, когда рыжая начинает лизать ее. Хорошие, длинные, сладкие движения.

— Да, — стону я, мои глаза прикованы к экрану. Я благодарю небеса за этих малышей. Мой член выходит на финишную прямую, и я так чертовски рад скорейшему исходу.

Я представляю себя между двумя этими цыпочками, обслуживающего их обеих — как поедаю одну и трахаю другую.

Нет ничего лучше.

До тех пор, пока все не становится астрономически горячим, когда на сцену выходит третья девушка. У нее светлые волосы и карие глаза, и она божественна. Я, кажется, ослеп, потому что не вижу никого, кроме нее. Сексуальная, подтянутая и чертовски соблазнительная. Я не могу отвести взгляда. Вскоре она — уже не она ...это моя девочка... моя Шарлотта — голая передо мной — остальных женщин я не замечаю. Они исчезают, когда я закрываю глаза и двигаю рукой все сильнее и быстрее — проклятье, не могу больше с этим бороться. Я проиграл эту битву, потому что Шарлотта — это все, что я вижу.

Это не вчерашняя Шарлотта и даже не Шарлотта этим вечером. Это новая Шарлотта, и она голая, взбирающаяся на мою кровать, ползущая ко мне на руках и коленях — ее сексуальные пухлые губки, ее мягкий сладкий живот, ее сильные ноги и красивая, горячая, влажная киска.

Влажная для меня.

Ноющая для меня.

Она садится на мой член, и это все.

Мои шары напряжены, позвоночник покалывает, я зажмуриваю глаза, вздрагиваю и с эпическим стоном чертовски сильно кончаю в Шарлотту. Оргазм просто высушивает меня.

Я тяжело дышу.

Когда открываю глаза, Фидо сидит у подножия моей кровати, облизывая лапу. Он прекращает умываться и пристально смотрит на меня презрительным взглядом своих желтых глаз.

Так вот и закончился субботний вечер. Мой кот наблюдал, как я дрочил, фантазируя о своей лучшей подруге.

— Не говори ни слова, — шиплю я.

Он смотрит в сторону, надменно задирая вверх морду.

Но он сохранит мою тайну.

Я тоже сохраню твой секрет, гребаный маленький вуайерист.

Давайте просто представим, что я не делал этого.

Притворимся, что я наделен удивительным самообладанием и не дробил прошлой ночью, думая о своем бизнес-партнере.

Пока она заказывает яичницу, картофель, тосты и черный кофе в закусочной Wendy следующим утром, я не могу не задаться вопросом, знает ли она, что присутствовала в моих фантазиях, гарцующая на мне, как наездница.

Или как потом я входил в нее сзади посреди ночи: светлые волосы рассыпаны по ее спине... мои руки на ее попке.

Или как сегодня в душе этим утром. Я опустился перед ней на колени, и она была такой вкусной — райское наслаждение для моего языка. Так что, все шло одно за другим. Попробуй один раз и вскоре поймешь, что трижды кончил, фантазируя о своей подруге.

Но на этом все. Я напряжен, но вроде в порядке. Эти три раза были восхитительны, но теперь я выбросил ее из головы. На все сто процентов. Честное скаутское.

Она одета в короткую серую юбку и фиолетовую блузку, ее волосы завязаны в небрежный хвост. Понятия не имею, что у нее под одеждой, и даже не думаю о лифчике и трусиках. Вот видите? Я исцелился.

— Что для вас? — спрашивает меня официантка.

— Мне то же самое. Но яйца должны быть хорошо приготовлены и прожарены, — говорю я ей, и она кивает, уходя на кухню.

Парень за столом рядом с нами листает *New York Post*. Повар бросает масло на сковороду для блинчиков, и оно шипит. Яркий свет подчеркивает каждую царапинку на выцветшем мятно-зеленом столе и каждую трещинку на бежевом плиточном полу.

Затем двери со звоном открываются, и входит четверка пижонов возрастом на несколько лет моложе меня. По глазам видно, что после долгих развлечений их мучает дикое похмелье.

Атмосфера в Wendy резко контрастирует с ночным очарованием «Джин Джоинт». Воздух закусочной наполнен ароматом раскаяния. Не знаю, исходит он от других людей или от Шарлотты.

Она тербит салфетку.

— Голова все еще болит? — спрашиваю я, так как сегодня она непривычно тихая.

Она качает головой.

— Все в порядке.

— Вода помогла?

Она кивает.

— Всегда помогает.

— Хорошо. Но на всякий случай, нужно закончить курс антипохмельных процедур, — говорю я, потому что именно для этого и привел ее сюда. — После ночной пьянки ничто не помогает лучше, чем завтрак в закусочной. Это доказанный медициной факт.

Она слабо улыбается. Официантка возвращается к нам с двумя чашками кофе.

Шарлотта берет одну.

— Именно сейчас? Кстати, я не так уж много выпила, — говорит она уныло.

Я не позволю ей отстраниться от меня. Чем больше я говорю, тем больше мы будем пререкаться и тем больше шансов, что сможем вернуться к тому, кем были раньше.

— На прошлой неделе я читал в журнале об одном исследовании ...

— К вопросу о прошлой ночи, — начинает она, и благодаря этим вымученным словам беседа вновь останавливается.

Но я ловкий. Я знаю, как увернуться от летящего дротика. Останавливая ее, я поднимаю руку и качаю головой.

— Не беспокойся об этом.

— Но...

— Никаких «но». Все отлично.

— То, что я пытаюсь сказать, это...

— Шарлотта, мы оба выпили несколько коктейлей, и, эй, я все понимаю. С пьяных глаз я кажусь тебе более привлекательным, — ухмыляюсь я и подмигиваю, чтобы она не чувствовала себя виноватой за то, чего едва не случилось.

Уголки ее губ приподнимаются, но не более. Этим утром на них нет помады. Но она по-прежнему прекрасно выглядит. Она всегда такая — днем и ночью, ночью и днем, в дождливую погоду и в солнечный день.

— Это было влияние джина, но даже без него...

Я тянусь к ее руке, беру ее в свою и сжимаю в добром дружеском жесте. Нужно успокоить ее.

— Мы друзья. И это ничем не изменить. Ничто не разрушит нашу дружбу. Ну только если ты однажды не выйдешь замуж за полного ублюдка. Поэтому не делай этого, — говорю я, улыбаясь своей фирменной улыбкой и отчаянно пытаюсь увести этот разговор от темы о нас, чтобы она не догадалась, где была и чем занималась моя рука в последние двадцать четыре часа.

— Или если ты не женишься на полной суке, — говорит она, прищурившись, и это моя Шарлотта. Она вернулась, и мы снова прежние. Она не собирается позволить временному помешательству прошлой ночи в такси пустить под откос отношения, о которых можно только мечтать. Хотя, помешательство — не очень подходящее слово. Скорее твердость, влажность и жар. Именно те слова, которые не должны приходить мне в голову при мысли о ней.

— Но то, что я хотела сказать о прошлой ночи... это о нашей дружбе...

— Я тоже! — говорю я с повышенным энтузиазмом, но она только что произнесла волшебные слова. *Друзья. Мы.* Я должен зацепиться за них, чтобы мы не упускали из виду то, что мы друзья. — Наша дружба — самое важное для меня, так что давай просто продолжать быть друзьями.

Ее лицо застывает, словно маска. Она крутит кольцо, и мне кажется странным, что мое сердце бьется быстрее, когда я вижу эти движения. Она не обязана носить его сейчас, но оно на ней.

— Да. Друзья. Это самое главное, — говорит она монотонно.

— Это как раз то, о чем мы говорили прошлой ночью, не так ли? — говорю я, напоминая ей на случай того, если под влиянием джина она утратила память. — Пьяный просмотр ТВ, поедание мармеладных мишек и распивание текилы или вина.

— Правильно. Абсолютно верно, — кивнув, говорит она и улыбается, но я чувствую фальшь в ее улыбке.

— Мы должны повторить. Если ты, конечно, не против, — произношу я, словно карточный игрок, идущий ва-банк, чтобы доказать — мы можем быть просто друзьями.

— Конечно.

— Как насчет сегодня вечером? — говорю я, опять-таки повышая ставку. Я собираюсь взорвать свой собственный мозг, демонстрируя, насколько хорошими друзьями мы можем быть.

— Хорошо.

— У меня дома? — удваиваю я ставку.

Следует долгая пауза.

— Серьезно? — она выгибает бровь. — Ты действительно хочешь просто потусоваться?

— Конечно. Мы говорили вчера вечером, что должны.

Она кивает головой, и я не уверен, согласие это или такой вид отказа. Она вздыхает, поправляет волосы в хвосте и пожимает плечами.

— Хорошо, друзья не позволяют друг другу поедать мармеладных мишек в одиночестве. Я принесу мишек.

— Ради тебя я буду есть исключительно зеленых.

Она вздрагивает.

— Ненавижу зеленых.

— И принесу вина. Если мне не изменяет память, с мармеладными мишками ты предпочитаешь шардоне?

— Совершенно верно, но, может быть, сегодня вместо вина «Маргарита»?

Я с размаху бросаю салфетку на стол.

— Зацепила меня сразу, — говорю я снова и, кажется, нужно было дважды подумать, прежде чем произнести эти слова.

К счастью, подходит официантка.

— Вот ваша яичница, — говорит она и ставит тарелки, — хорошо прожаренная. Как вы и просили.

Эти последние слова эхом раздаются в голове, когда я понимаю, что натворил. То, что я попросил и озвучил своим дерзким ртом. Моя грандиозная идея. Мое «я могу выключить все чувства».

Я просто пригласил Шарлотту сегодня вечером к себе домой. Во всей Вселенной не хватит потных баскетболистов, чтобы они помогли мне справиться с этой проблемой.

Вторая половина завтрака проходит за планированием недельного меню в «Лаки Спот». Никто из нас не произносит ни слова о сегодняшнем и вчерашнем вечере или о наших фиктивных отношениях. Потом мы заезжаем в бар и проводим несколько часов за работой, пока во второй половине дня не заступает на свою воскресную смену Дженни — и прежде, чем отправиться в музей, наши отношения снова плавно возвращаются к дружеским и партнерски-деловым, словно прошлой ночи вовсе и не было.

Но как только мы заходим в музей, что-то словно меняется.

Та раскованная Шарлотта исчезает. Конечно, она все еще играет мою невесту, но уже не так вживается в роль, как было ночью. Понятия не имею, что скажут мама или мисс Офферман, но, когда мы смотрим на картины Эдварда Хоппера, я прилагаю все усилия, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Картина прекрасна, — говорит миссис Офферман.

— Совершенно согласен, — поддакиваю я.

Я обнимаю за талию свою фальшивую невесту, оставляю быстрый поцелуй на ее щеке и говорю:

— Прямо как ты. Кстати, я говорил, как чудесно ты выглядишь сегодня?

Шарлотта напрягается, но благодарит меня.

Моя мама смотрит на нас и улыбается.

Но не Эмили. Ее, кажется, вообще не интересует искусство, хотя именно этим она планирует заниматься.

Все в порядке. Я возвращаюсь к начальному плану. Играю. Пока мы бродим мимо Шагала и Матиса, я оставляю остроумные комментарии, и все женщины смеются, в том числе и Шарлотта. К тому моменту, когда доходим до сада скульптур, я уверен, что мы с Шарлоттой в одной упряжке и играем достаточно убедительно.

До тех пор, пока Эмили не поворачивается к ней.

— Как давно ты влюблена в Спенсера?

Шарлотта застывает, и ее щеки вспыхивают.

— Я имею в виду, тебя влекло к нему до того, как вы начали встречаться? — продолжает Эмили. — Ведь вы были друзьями, не так ли? Так что был ли это один из...

— Эмили, дорогая. Это слишком личное, — говорит миссис Офферман, резко обрывая ее.

Девушка пожимает плечами, как будто это ничего не значит.

— Мне просто интересно. Они вместе ходили в колледж. Ничего странного в том, что мне интересно, были ли они влюблены друг в друга еще тогда.

Шарлотта поднимает подбородок.

— Мы всегда были друзьями, — говорит она, а затем прижимает руку ко лбу. — Извините.

Моя мама смотрит на меня, и первая возникшая в голове мысль — она знает. Взглядом она следит за Шарлоттой, выходящей через стеклянные двери из музея, и подзывает меня. Я подхожу. Она говорит шепотом:

— Она чем-то расстроена. Иди за ней. Утешь ее.

Конечно, так и должно быть. Суперженых спешит на помощь. Мамы всегда знают, как лучше.

Я выбегаю через двери за Шарлоттой и устремляюсь по коридору, догоняя ее возле дамской комнаты и окликаая по имени, но она хватается за ручку двери и толкает ее.

Дверь открывается, закрывается, и я остаиваюсь.

На секунду.

В коридоре тихо, что так не свойственно для обычно оживленного музея. Я толкаю дверь и следую за ней. Она стоит у раковины и брызгает воду на лицо.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, подходя к ней. Здесь три кабинки, и все они пусты. Эхо чьих-то шагов затихает в коридоре.

Она качает головой. Я подхожу, кладу руку ей на поясницу и аккуратно поглаживаю.

Она вздрагивает.

— Ты плохо себя чувствуешь? Болит голова из-за вчерашней ночи, или что?

Раздается скрип двери, и мы замираем. Дверь снова закрывается, но я не слышал, чтобы кто-то вошел. В дамской комнате тихо, тут только мы.

Она разворачивается, хватая меня за рубашку и тащит в кабинку.

— Я не могу больше притворяться.

Я опускаю плечи. Мои конечности наливаются тяжестью. Видимо, я отказал ей слишком грубо.

— Ты о помолвке?

— Нет. С ней все в порядке. Фиктивная помолвка — не проблема, — говорит она, глядя на меня.

Я никогда не видел в ее карих глазах столько напряжения, будто она собирается штурмовать отвесную стену. Она даже не моргает.

Я морщу лоб.

— Тогда в чем проблема? — мне действительно любопытно, потому что если речь идет не о наших фиктивных отношениях, то у меня нет ни малейшего понятия, о чем она.

Ее хватка на моей рубашке усиливается. Челюсть сжата. Она выдыхает через нос. Я никогда не видел Шарлотту такой.

— Что я сделал не так?

— Прошлая. Ночь, — бормочет она, произнося каждое слово отдельно.

— Что прошлая ночь?

Выглядев огорченной, она закрывает глаза, но, сделав глубокий вдох, снова открывает их. Кажется, ее резкость немного поутихла.

— Ты просто притворяешься, что ничего не произошло.

— Нет, — говорю я быстро, пытаюсь защитить себя, — я этого не делаю.

Но на самом деле именно этим я и занимаюсь весь день. И прилагаю для этого все усилия.

— Ты делаешь именно *это*. За завтраком ты вел себя именно так. Мы просто делаем вид, что ничего не замечаем, но я так не могу, — говорит она довольно жестко, и это одно из того многого, что меня восхищает в Шарлотте — ее упорство и сила воли. — Ты не дал мне высказаться, но я должна кое-что знать. Я говорила тебе, что из меня хреновая лгунья, и это на самом деле так. Я абсолютно ужасный врун. Даже вчера вечером, когда я сказала, что мой отец был медбратом — это все-таки было правдой.

Вот и еще одна черта, которую я люблю в ней — она чертовски честная.

— Ладно, что ты хочешь знать? — спрашиваю я, и по коже пробегает нервная дрожь. Гребаные нервные мурашки скачут по мне, как обезьяны.

Словно могло быть иначе.

Она закатывает глаза.

— Серьезно, Спенсер?

Я вытаскиваю руки из карманов.

— Видимо, да. Почему бы тебе просто не объяснить мне? Что ты хочешь знать?

Она скручивает ткань моей рубашки в руке, притягивая меня ближе, и в доли секунды расстояние между нами уменьшается. До этого нас разделял целый метр — достаточно, чтобы гормоны оставались спящими. Теперь они проснулись, захватывая в свою вихревую воронку. Повышая температуру еще на несколько градусов.

— Я тебя не привлекаю?

Моя челюсть падает. В голове звенит. Должно быть, она сумасшедшая.

— Ты серьезно?

Она кивает.

— Отвечай на вопрос, Холидей. Это твое «давай просто сосредоточимся на том, чтобы остаться друзьями». Дело в этом, да?

— Ты великолепная. Прекрасная. Потрясающая, — говорю я, рассыпая комплименты, словно уличный торговец, — и да, я не хочу разрушить нашу дружбу. Она слишком важна для меня.

— Ты все еще не ответил на вопрос.

— Я сказал, что ты красивая.

— Ты сказал бы то же самое и о Харпер. Тебя влечет к Харпер?

Я с трудом сглатываю. Стараюсь подобрать нужные слова, но все, что приходит в голову — картинки прошлой ночи. То, что я вытворял с ней в своих фантазиях, находясь дома наедине с собственной рукой — все те гребаные вещи, которые мечтаю сделать с моей лучшей подругой. Потому что меня дико влечет к ней — и я узнал об этом в последние сорок восемь часов. Это словно притяжение всех уровней стратосферы с мощностью реактивного самолета.

— Я похож на сумасшедшего? — спрашиваю я с напряжением в голосе. Я в восторге от ее вопроса, но, вместе с тем, он меня жутко бесит, и сейчас у меня такой чертовский стояк, потому что весь этот проклятый день я должен был притворяться, что мы просто друзья.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ответила?

— Да.

— Нет, ты не похож на сумасшедшего. Ты выглядишь раздраженным. Прямо как я. Так что, думаю, мы оба в бешенстве.

— Нет, я не взбешен, — говорю я и хватаю ее руку, распрямляя пальцы, а потом прижимаю ее тело к себе, — я не взбешен. Я чертовски возбужден. Потому что я был бы безумцем, если бы не увлекся тобой, — говорю я ей.

Ее глаза загораются, как бенгальские огоньки. Еще одна прекрасная черта в добавление к вышесказанному. В ее зрачках пляшут озорство и радость.

— Правда? — и это все, больше ни нотки гнева. Она мягкая и пушистая, а голос, доносящийся до меня, заставляет хотеть ее еще больше. Вынуждает хотеть услышать, как она этим голосом будет произносить что-то другое.

— Да, — произношу я сквозь зубы. Обнимая за талию, я прижимаюсь к ней еще сильнее и провожу пальцем по ее подбородку. — Но к лучшей подруге не должно быть влечения. Это неправильно. Мне, вероятно, придется пройти обследование, чтобы избавиться от этой нереальной тяги к тебе. Я попросил бы врачей излечить меня от этого, но они скажут: «Простите, сэр, но это распространилось на весь организм, и мы не можем справиться».

Ее улыбка становится шире.

— Правда? — спрашивает она, но это вряд ли вопрос — больше похоже на утверждение. Теперь, когда она вызвала меня на разговор, я не отступлю. Это не в моем стиле.

— Не заставляй меня доказывать это, — говорю я, легко толкая ее.

Ее глаза искрятся.

— Докажи мне.

— Вызов принят.

Уже через несколько секунд я скольжу рукой под ее юбку, и у нее перехватывает дыхание, когда она понимает, что я делаю. Кончиками пальцев я сжимаю мягкую плоть ее бедер. Добравшись до трусиков, провожу указательным пальцем по хлопковой ткани. Они влажные, и мой член поднимается выше самого высокого небоскреба. Я стону. Не отрывая от нее глаз, проникаю одним пальцем под трусики. Ее плечи дрожат, и моя кровь закипает, когда пальцем я начинаю двигать по ее влажной, горячей, гладкой киске. Затем я провожу им по своим губам и вдыхаю ее влагу. На вкус она, как в моих фантазиях. На этот раз мой стон разносится раскатом грома. Он прокатывается по всей дамской комнате, и Шарлотта трепещет в моих объятиях.

Она смотрит, как я слизываю ее соки со своего пальца, и в этот момент все сомнения исчезают. Все уже понятно. Она открывает губы и говорит:

— У меня тоже есть кое-что, что я хочу тебе доказать. Сегодня ночью.

— Что же это?

Но прежде, чем она успевает ответить, дверь со скрипом открывается. Я отстраняюсь, и она разглаживает свою блузку, а потом поправляет юбку. И теперь ей известно — нет никаких сомнений в том, что я чертовски хочу ее, поэтому я подношу палец обратно ко рту и еще раз его облизываю. Не отрывая от нее глаз, я шепчу:

— *Так чертовски вкусно.*

Она вздрагивает, ее губы трепещут. Я подношу палец к ее губам и кладу ей в рот. Она тут же, посасывая, обрисовывает его своим языком.

Я смотрю на нее, прожигая взглядом, вытаскиваю палец, щипаю за уголок рта, открываю дверь и выхожу. И сталкиваюсь с миссис Офферман.

Она моргает, а затем виновато улыбается и уплывает прочь.

Я возвращаюсь к семье, уверенный лишь в одном — понятия не имею, что случится сегодня, когда придет Шарлотта.

Открыв дверь, я вручаю ей «Маргариту».

Она благодарит, и, делая глоток, заходит в мою квартиру. На Шарлотте джинсы, черные балетки и шикарная серая майка с каким-то кружевом на вырезе.

Проклятье. Замаскировалась. По ее наряду невозможно понять, что у нее на уме. Я мог бы догадаться, будь она одета в короткое черное платье и туфли на каблуках, которые словно умоляют трахнуть ее. Опять же, я сам в джинсах и черной футболке, поэтому не уверен, что моя одежда говорит «Готов на все», хотя надеюсь на это.

Она трясет пакетиком мармеладных мишек.

— Свежайшие.

— Выращены здесь, я надеюсь?

— Конечно. От фермы до стола меньше двадцати километров.

— Отлично. Им лучше быть мелкосерийного производства, — говорю я, насмехаясь над мировым пищевым пуританством, и счастлив, что, по крайней мере, все еще могу подтрунивать над ней.

Она заговорщически шепчет:

— Они из Бруклина. Конечно, это ограниченная партия. Хотя до сих пор не понимаю, почему можно послать человека на Луну, но нельзя убрать зеленых мишек из пакетов.

— Это одна из великих тайн жизни, — я закрываю дверь и жестом приглашаю ее в гостиную. Она идет впереди меня, и я ничего не могу с собой поделать и таращусь на ее задницу, пока она пересекает паркетный пол на пути к моему дивану, словно дает мне лицензию поглазеть на нее и проверить, насколько я заинтересован.

— Наряду с существованием гигантской спаржи, — усмехается она.

— Я никогда не пойму необходимости существования овощей нестандартного размера. Но ты на самом деле ездила в Бруклин, чтобы купить этих мишек? — спрашиваю я, когда она садится на бежевый диван. Раздвижные стеклянные двери, которые ведут к террасе, открыты, и теплый июньский воздух заполняет комнату.

Она качает головой, скидывает свои балетки и поджимает под себя ноги.

— Филиал бруклинского магазина, который выпускает их, открылся в Мюррей-Хилл. Но они из местных ингредиентов без использования желатина.

— Главное требование к составу мармеладных мишек, — я присоединяюсь к ней на диване, повторяя то, что она говорит на протяжении многих лет — она не притронется к конфетам, приготовленным с желатином, потому что он производится из говядины, и если бы ей хотелось есть говядину в конфетах, то она ела бы конфеты из говядины, но ей это не надо. Потому что это просто отвратительно. Поэтому мясные конфеты — не вариант.

Я указываю на свой ноутбук.

— Какие планы? Канал Netflix? Hulu? Или смотрим «Касл»? Последнее шоу Феррелла? Романтическая комедия? Шпионский фильм? Спортивный канал, чтобы проверить бейсбольную статистику?

Она открывает пачку конфет и кладет в рот желтого мишку. Он проскальзывает между ее губ. Везучий медведь. — Как насчет «Касл»? *(Примеч. «Касл» — американский комедийно-драматический телесериал, транслировавшийся каналом ABC. Шоу создано*

Эндрю У. Марлоу и повествует об известном писателе детективов Ричарде Касле и детективе Кейт Беккет.) Давай посмотрим ту серию с ирландским бандитом.

Я точно знаю, о какой из них она говорит, потому что почти каждый эпизод мы смотрели вместе. Я быстро нахожу его, мысленно благодаря себя за то, что не забыл закрыть вкладку с порно прошлой ночью.

Фидо забредает в комнату, смотрит на нас и мяукает. Уверен, что на кошачьем языке он доносит ей, чем я занимался, но, слава Богу, в корпорации Berlitz еще не создали переводчик для котов.

Мы располагаемся в отработанных за многие годы позах. Она на одном конце дивана, утонув в подушках. Я — на другом, а ноутбук, стоящий на журнальном столике, транслирует шоу на экран телевизора. Мы перерыли половину мешка с мишками, Шарлотта сортирует их по цветам. Я беру зеленого, чтобы побесить ее. Мы потягиваем напитки, и в какой-то момент шоу она кладет свои скрещенные ноги на мои бедра.

Это равносильно удару молнии, и я возвращаюсь обратно в прошлый вечер в ресторане, когда она касалась меня своей ногой. И тут же задумываюсь, нет ли у меня фут фетиша. Никогда не думал об этом раньше, но мой пристальный взгляд сосредоточен на ее ногах и ногтях, покрытых розово-конфетным лаком ... и я не могу перестать глазеть, хотя осознаю, что пропустил каждое слово Касла, объясняющего Беккет свое предположение о мотиве убийства в этом эпизоде.

Я пытаюсь сосредоточить внимание на экране, но мое влечение к ней переходит на новый уровень, словно в организме произошел выброс кофеина, и теперь все мои чувства к Шарлотте обострились. Она ложится на подушку, а я украдкой смотрю и размышляю, понравилось бы ей целоваться в этом уголке? Она отводит прядь волос от своего лица, и мне не терпится узнать, как сильно ей понравится — если вообще понравится — когда я сгребу эти локоны в кулак и потяну. Касл и Беккет уже близки к поимке убийцы, но в этот момент Шарлотта берет в рот красного мишку, и меня распирает от желания почувствовать вишневый вкус на ее губах.

Она тыкает меня в живот большим пальцем ноги, и на секунду я напрягаюсь, размышляя, догадается ли она, что мои мозги не там, где должны быть. Но ее взгляд не отрывается от экрана, следя за нашими бесстрашными героями.

Не понимаю — я был уверен, что к этому моменту мы уже будем голыми. Похоже, мой барометр на женщин больше не работает. В таком случае, основываясь на моей природной наблюдательности, у меня чертовская уверенность, что она хочет массаж ног. Я тянусь к ее ступням и начинаю массировать их, как делал это много раз прежде.

Перемещая пальцы от свода стопы к пятке, я стараюсь отгонять пошлые мысли, связанные с ее ступнями. Нет, не те, где я посасываю пальцы ее ног, потому что у меня все-таки нет этого фетиша. Но те, где я беру ее лодыжки в руки, раздвигаю ей ноги и погружаюсь глубоко внутрь.

Мой член вдвое увеличивается в размерах. Чертов предатель. Клянусь, будь он человеком, этот сексуальный наркоман всегда разбалтывал бы свои секреты.

— Черт, — бормочу я себе под нос.

Она переводит взгляд на меня.

— Ты в порядке?

— Да. Все хорошо. Просто все допил, — говорю я и хватаю стакан со стола, создавая для себя предлог получить небольшую передышку. — Продолжай смотреть, я скоро вернусь.

— Все нормально. Я подожду, — она нажимает кнопку паузы, но мне совершенно не нужно ее наблюдение за моим бегством в кухню. За напитком, который мне тоже совершенно не нужен. Я провожу рукой по своим черным волосам и смотрю на нетронутый кувшин с безалкогольной «Маргаритой», который словно издевается надо мной. К черту. Я хватаю бутылку текилы из шкафа и наполняю стакан, а потом открываю дверь морозильника и беру немного льда.

И засовываю туда лицо.

Через несколько секунд холодильник остужает меня.

Возвращаюсь к Шарлотте и поднимаю свой бокал.

— Повышаю градус, — признаюсь я и жадно делаю большой глоток.

Она протягивает руку в просящем жесте. Я даю ей стакан, и она отпивает немного.

— Ммм, — говорит она.

Я опускаю стакан на столик, и мы возвращаемся к сериалу, где они расследуют убийство, которое в данный момент меньше всего меня заботит. Не уверен, как быть с греющим душу моментом в туалете музея искусств, но, с другой стороны, совершенно очевидно — я не знаю, как быть со всем тем, что происходило между мной и Шарлоттой в последние дни. Жаль, у меня нет устройства для чтения мыслей, потому что хотелось бы узнать, что она хочет доказать мне.

Когда начинаются титры, она поворачивается ко мне.

— Хочешь посмотреть шоу Ника?

Нет! Я не хочу смотреть телек!

Я хочу раздеть тебя и облизать каждый миллиметр твоего тела. Но ты ведешь себя так чертовски спокойно, что это сбивает меня с толку.

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Только каждый выпуск я смотрел не меньше двадцати раз. Какой из них ты хочешь увидеть?

— Я сама выберу, — говорит она, перегибаясь через мои ноги и дотягиваясь до ноутбука, чтобы переключиться на приложение Comedy Nation и найти «Приключения Мистера Оргазма». Довольно скоро начинается проигрыш до боли знакомой главной заставки, и начинаются приключения. Я закрываю глаза и откидываю голову на мягкую спинку дивана, когда понимаю, что за эпизод она выбрала.

Тот, где женщина утратила оргазм. Не получив ни одного в течение года, она нанимает Мистера Оргазма, чтобы разыскать свой пропавший экстаз.

Это довольно забавно, и Шарлотта непрерывно смеется в течение всего шоу. А я пытаюсь понять, что она пытается доказать, ведя себя так, будто мы просто хорошие приятели, хотя оба знаем, что до смерти хотим совершить нечто ужасное. И ей хочется этого не меньше, чем мне. Все довольно очевидно, и пусть до сих пор я терпеливо ждал, но больше не могу. И вряд ли смогу дождаться, чтобы узнать, прав ли я.

Я тянусь через диван и ставлю шоу на паузу. Вой сирен за окном сливается с музыкой из бара дальше по улице. В моей квартире особый шум. В воздухе гул возможностей. Мы балансируем над пропастью между тем, чего я не должен хотеть, и тем, чего отчаянно желаю.

— Что ты хотела доказать? В музее ты говорила, что хочешь что-то мне доказать.

Она выпрямляется на диване и садится, скрестив ноги.

— То, что мы можем быть друзьями, — говорит она как ни в чем не бывало.

— Хорошо. И разве мы доказали это сегодня?

Она кивает, довольная.

— Да. Мы ели мармеладных мишек, пили «Маргариту» и смотрели телевизор — словом, делали все, что и всегда.

— Зачем ты хотела это доказать?

— Потому что я собираюсь сделать тебе предложение, — говорит она таким обыденным тоном, будто собирается предложить мне работу. — Как ты знаешь, у меня некоторое время этого не было, — она делает паузу и смотрит мне в глаза, убеждаясь, что я понимаю, о чем речь. И я понимаю. О, да. Я понимаю и киваю ей. — И, судя по всему, меня очень влечет к тебе. Кто бы мог подумать ... — она пожимает плечами, будто это неожиданность.

Я смеюсь.

— Да уж, — говорю я и машу рукой. — Давай продолжай.

Она указывает на ноутбук.

— Я хочу, чтобы ты мне помог.

— А конкретнее? Представь, что я совершенно тупой, и ты должна объяснять мне все на пальцах, — говорю я, изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание.

— Подобно предложению стать твоей избранницей на неделю, я хочу сделать встречное предложение и спросить, не хочешь ли ты отплатить мне в течение недели несколько иным способом. А именно: закончить начатое нами прошлой ночью?

Именно то, о чем я думал. То, к чему мы шли. Но теперь, когда она озвучила это, я оказался совершенно не готов к реакции собственного тела. Я перевозбужден. Словно в моем замке зажигания повернули ключ, и я оказался участником гонки по дороге моих ночных фантазий.

— Поверь, я знаю, о чем ты думаешь, — продолжает она, а я молю Бога, чтобы ей не удалось догадаться о моих мыслях, в которых она голая кончает на моем члене. — Ты волнуешься о том, не пострадает ли от этого наша дружба. Вот поэтому я и сказала, что хочу доказать тебе кое-что. Мы сможем остаться друзьями. Это будет несложно.

О. Точно. Да. Не сказал бы, что думал об этом прямо сейчас, но задумывался раньше, так что давай продолжим.

— Да, я думал об этом, — говорю я, слегка привирая.

— Но мы уже трижды переступали грань, и это не повлияло на нашу дружбу. Правильно? — говорит она так спокойно и чертовски убедительно, хотя я уверен, что проиграл ей еще на этапе разговора о свежести мармеладных мишек.

— Да, — соглашаюсь я уверенно и с напором, словно выношу судебный приговор, потому что чертовски уверен — мы должны переспать. Сейчас же. И неоднократно.

— Так что ты думаешь о том, если до конца следующей недели наши отношения перейдут на новую ступень? — говорит она, мягко подталкивая меня.

Считаю эту идею гениальной и уже готов наброситься на нее и раздеть догола. Для воплощения всех тех фантазий, в которых я жил прошлой ночью, и всех тех, что у нее в голове. Чтобы она получила чертовски нереальный оргазм, или, выражаясь точнее, мегаоргазм.

Но самые удачные сделки заключаются, когда обе стороны знают, чего ожидать.

— Нам нужно установить несколько основных правил, — говорю я.

— Да. Основные правила. Типа никакого анала, так?

— Эм. Не совсем то, что было в моем списке, но я смогу пережить это ограничение, — говорю я, ухмыляясь.

— Хорошо, — говорит она и кивает, выгибая бровь. — Тогда что? Что ты имел в виду, упоминая об основных правилах?

— Типа того, как долго это будет продолжаться.

— Одну неделю. Пока не придет время разыграть расставание.

Очевидно, она уже все обдумала.

— Понятно. В этом есть смысл.

— Потом мы вернемся к дружеским отношениям. Обещаешь?

— Без проблем, — говорю я, предлагая мизинец для заключения сделки, хотя, давайте будем честными, я не даю клятвы на мизинцах, потому что парням это не пристало. Тем не менее, подозреваю, что сейчас самое время начать делать это. Она переплетает свой мизинец с моим.

— Это жизненно важно, — говорит она решительно, когда мы сплетаем, а затем разъединяем пальцы, — неделя пройдет, и мы опять возвращаемся во френдзону.

— Никаких ночевок, — добавляю я, — потому что это все только усложнит.

— Согласна. И без глупостей.

Я активно киваю и рассекаю рукой воздух.

— Я ненавижу глупости. Нам они ни к чему.

— И никакой лжи.

— Это определенно не для нас.

Она загибает пальцы.

— Хорошо. Таким образом, мы имеем: никакого анала, ночевок, глупостей, вранья. Это длится одну неделю, после чего мы возвращаемся к дружеским отношениям.

— Что-то еще?

Она смотрит на меня, как на слабоумного.

— Ну, есть еще кое-что.

— Ну-ка. И что же это?

Она закатывает глаза.

— Очевидно же — не влюбляться, — говорит она тоном, не допускающим даже возможность этого.

Я ничего не могу с собой поделаться и произношу:

— Конечно. Это не про нас.

— Этого никогда не произойдет.

— Без вариантов. Абсолютно без вариантов, — мы оба киваем, в очередной раз подтверждая стопроцентную солидарность в этом вопросе. Затем она берет за край майки, собираясь снять ее.

Я поднимаю руку.

— Стой.

— Ты еще не готов?

— Во-первых, я готов с рождения. Во-вторых, я всегда в состоянии готовности, — говорю я, указывая взглядом на свою ширинку, чтобы ей все сразу стало ясно. — И за последние сорок восемь часов я дошел до состояния предельной готовности.

Это заставляет ее усмехнуться.

— Ну, давай для начала включим какую-нибудь музыку и создадим настроение.

Она потирает лоб.

— Правильно. Настроение. Давай настроимся.

— Я уже настроен. Но называй это как захочешь.

Она встает и поднимает палец.

— Для начала мне нужно в туалет, — говорит она и выбегает из комнаты. Она направляется к ванной, примыкающей к моей спальне, а не к кухне. Я пожимаю плечами. Без разницы.

Открываю на ноутбуке плей-лист, перематываю несколько сексуальных, страстных композиций, напоминающих мне о прошлой ночи в баре, беру бумажник и достаю из него презерватив. Бросаю его на стол, и он буквально выскальзывает из моих рук, из чего я делаю вывод, что ладони вспотели.

Твою мать.

Я нервничаю.

Я чертовски нервничаю, и это так на меня не похоже. Я не нервничаю перед сексом. В постели я суперзвезда. Уверенный, умелый, умеющий доставить удовольствие женщине. Мое мастерство подарит Шарлотте истинное наслаждение. Черт, я имею в виду, вершину своего мастерства. Делаю глубокий вдох, позволяя воздуху заполнить грудь. Расправляю плечи и напоминаю себе, что в этом мне нет равных. Это мой звездный час. Я собираюсь подарить Шарлотте такое умопомрачительное удовольствие, которого она никогда в жизни не испытывала.

Подхожу к выключателю, слегка приглушаю свет, и, когда оборачиваюсь, вижу Шарлотту, прислонившуюся к стене в гостиной.

На ней одна из моих белых рубашек на пуговицах и больше ничего.

Я застываю.

Не могу дышать. Не могу моргать. Ничего не могу делать, кроме как смотреть на ее великолепную фигуру. Ее светлые волосы каскадом спадают на мою рубашку, а руки беспокойно вертят пуговицу, словно она не знает, что с ней делать. Ее сильные ноги полностью обнажены и безупречны. Края рубашки прикрывают бедра. Не знаю, надеты ли до сих пор на ней трусики, но у меня есть возможность выяснить это.

Каждый атом внутри меня гудит. Мне необходимо коснуться каждой части этого прекрасного тела. Поцеловать каждый миллиметр ее кожи. Облизать ее, вкусить, трахнуть.

Насладиться ею.

— Ты пытаешься соблазнить меня? — спрашиваю я, когда подхожу к ней.

— Да, — шепчет она, ее голос дрожит. — У меня получается?

Я киваю.

— Но этого не требуется.

Хватит играть по ее правилам. Настало мое время принимать решения. Это моя вотчина. Я окидываю взглядом ее тело с головы до ног и наблюдаю за реакцией. Она тяжело дышит, ее глаза горят желанием.

— Что ты имеешь в виду?

— Не ты соблазняешь меня, — забирая инициативу в свои руки, я провожу костяшками пальцев по ее щеке, и она трепещет от моего прикосновения. — Я сам буду соблазнять тебя.

Великая сила требует великой ответственности.

Бесспорно, я отлично «оснащен». Шарлотта уже поняла это, хотя я даже не раздевался. Но секрет успеха в том, что, имея в штанах член намного больше среднего, ты не можешь размахивать им, как бейсболист битой. Его нужно приберечь, как менеджер бейсбольной команды лучшего клоузера. *(Прим.: закрывающий игрок, появляющийся на поле в заключительной части матча, чтобы сохранить очковое преимущество команды над соперником)*. Огневая мощь члена — твое секретное оружие, и на вес золота умение выстроить правильную линию игры. Смысл ее в том, что член никогда не должен быть главной звездой.

В центре внимания всегда девушка, и она должна чувствовать это от начала и до конца. Правильно ее разогреть. Использовать все: руки, пальцы, рот, язык, слова.

К счастью, я хорошо разбираюсь во всем вышеперечисленном, и намерен продемонстрировать Шарлотте все свои навыки.

Во-первых, слова...

— Я должен кое в чем признаться.

— В чем?

— Знаю, этим совместным просмотром ТВ ты пыталась доказать, что мы все еще можем быть друзьями. Но в тот момент я не был настроен на дружбу.

— Нет? — спрашивает она, и я вижу беспокойный блеск в ее глазах.

Я качаю головой.

— Ни одной мысли о дружбе, потому что единственное, о чем я мог думать — насколько сладки твои губы на вкус, — шепчу я, и беспокойство в ее глазах сменяется искрами возбуждения. Ее грудь поднимается и опускается, словно каждый вздох полон предвкушения того, что будет дальше.

Я обхватываю ее лицо ладонями, склоняюсь к губам и целую.

Словно дразню. Мягкий, затяжной, сводящий с ума — этот поцелуй будет именно таким, как я и обещал. Я касаюсь ее, пробуя на вкус, словно ставлю свое клеймо, а затем скольжу языком между этими красными, жаждущими губами. Я стону, когда ее язык встречается с моим.

Это не первый наш поцелуй, но впервые мы не собираемся останавливаться на этом. Это поцелуй, который сократит дистанцию.

Ее груди упираются в ткань рубашки, и скоро — очень скоро — я собираюсь встретиться с ними. Я близко познакомлюсь с этой великолепной грудью, а затем настанет то сладкое время, когда каждый миллиметр ее тела будет моим.

Вот такой поцелуй. Дарящий предвкушение того, чем все это закончится.

Ею.

Много раз.

Разорвав поцелуй, я провожу большим пальцем по ее верхней губе, будто помечая эту территорию, как свою.

У нее вырывается неудовлетворенный стон.

— На вкус ты, как вишневая конфета и текила... и желание, — говорю я и опускаю руку

на ее шею, пробегая пальцами по мягкой, нежной коже. — И теперь, попробовав на вкус твои губы, я хочу вкусить всю тебя. Хочу знать, как ты выглядишь голой. В последние несколько дней я постоянно представлял себе это.

— Тогда раздень меня, — говорит она с мольбой.

— Ну, раз ты так просишь, — говорю я, переходя на шепот, попутно расстегивая на ней рубашку — пуговицу за пуговицей. Я опьянен сознанием того, что не просто увижу ее грудь, но и прикоснусь к ней, почувствую ее, смогу поцеловать. От предвкушения пульс зашкаливает, и стук моего сердца слышен, кажется, на всю квартиру. Я хочу запечатлеть этот момент в памяти. Никогда не забуду, что чувствовал, снимая рубашку с Шарлотты.

Она облизывает губы. Ее глаза горят, тело дрожит. Она как прекрасная птица, запертая в клетке и желающая вырваться на свободу — с трепещущими крыльями и колотящимся сердцем.

Я хочу стать ее единственным освободителем. Позволить вырваться и воспарить к небу.

Очередная пуговица расстегнута, и пальцами я провожу по округлости ее груди. Она задыхается, а у меня вырывается стон. Мы оба улыбаемся. Здесь даже не требуется умения читать мысли, чтобы понять — ей нравятся мои прикосновения не меньше, чем мне самому.

И даже наблюдая, как ее грудь постепенно обнажается передо мной, я не спешу распахивать рубашку. Жду, когда каждая проклятая пуговица будет расстегнута. Жажду того момента, когда моему взору откроется ее обнаженная красота, потому что знаю заранее — это будет самое великолепное в мире зрелище.

Подбираясь к последней пуговице, я провожу пальцем вниз по ее нежной плоти, и она мурлычет.

Пуговица выскользывает из петли, и я делаю шаг назад, чтобы посмотреть на Шарлотту.

Я совершенно сражен женщиной, стоящей передо мной. Она всегда была красивой, но здесь, сегодня, в лунном свете, проникающем через балкон и освещающем ее, стоящая у белой стены гостиной, это больше, чем просто красота.

Она ангел, пришедший согрешить со мной.

Моя рубашка наполовину распахнута на ней, полностью открывая соблазнительную картину, начинающуюся от ямочки на ее горле и идущую через ложбинку между грудями вниз до пупка.

На ней кружевные розовые трусики, низко сидящие на бедрах. Взявшись за воротник рубашки, я легко стягиваю ткань вниз по ее плечам, задерживаясь у ключицы, чтобы оставить легкий поцелуй. Ткань скользит по ее рукам, и я делаю паузы, целуя сгиб локтя и запястье.

Со счастливым вздохом она сбрасывает рубашку, и та падает на пол. В груди вспыхивает небывалый огонь, пока я пожираю ее глазами. Боже мой, раздевать ее — как разворачивать подарок рождественским утром.

Развязать бантик, открыть упаковку и обнаружить внутри что-то гораздо лучшее, чем то, о чем мечтал.

Она небесной красоты.

Круглые полные груди, увенчанные твердыми вздернутыми сосками. Плоский и мягкий живот и стройные бедра, молящие о моих прикосновениях, жаждущие, чтобы я схватился за них, пока буду погружаться в нее. Мой член становится тверже стали, когда представляю себе эту картину — я скольжу в нее, мои руки на ее бедрах.

Но сейчас на первом месте ее груди, и они немедленно заполучат все мое внимание.

Поднимаю руки и обхватываю их ладонями. От моих прикосновений она снова стонет и откидывает голову назад.

— Хочешь знать, о чем еще, совсем не дружеском, я мечтал? — говорю я, рыча возле ее уха и поглаживая мягкую плоть вокруг ее сосков.

— О чем? — спрашивает она, и ее голос становится выше в ответ на движения моих рук.

— Мне было интересно, понравится ли тебе ощущать мой рот на твоей груди так же, как понравится это мне, — я отклоняюсь назад, заглядывая ей в глаза. — Думаю, ты хочешь проверить?

Она быстро кивает. Такое безрассудство посылает горячие искры вниз по моей спине. Ее ответ, словно мечта, и я хочу, чтобы именно это она и почувствовала — ночь со мной будет лучше, чем она могла себе представить.

Хочу, чтобы реальность превзошла любую ее фантазию.

Тем более, что я еще никогда не видел Шарлотту такой, как в последние пару дней. Такой, которая дразнила меня, такой, которая взобралась на меня в такси и шептала пошлости мне на ухо. О, я уверен, она где-то поблизости. Но сейчас на этом месте более мягкая, более уязвимая Шарлотта, и именно ее я хочу сегодня вечером.

Чтобы я мог руководить ею.

Чтобы я мог раскрыть ее.

Чтобы я мог взять ее.

Наклонившись к одной из великолепных округлостей, я обхватываю драгоценную вершину губами. Она издает небольшой всхлип, а затем пальцами захватывает мои волосы, когда я всасываю эту невероятно соблазнительную грудь и осторожно тяну сосок зубами.

Я сжимаю в ладонях мягкую плоть, и в воображении мелькают жаркие картины, в которых мой член скользит между ее грудями. Они невероятно возбуждающие, а она так чертовски чувствительна к прикосновениям моего языка.

Я мог бы день напролет трахать этих красавиц и обкончать всю ее кожу. Но не сегодня, потому что это было бы только для меня. А эта ночь — для нее.

Я перехожу к ее правой груди, лаская языком и уделяя ей такое же тщательное внимание, как и левой. Звуки, вырывающиеся у Шарлотты изо рта — ответ на вопрос, который я задавал — насколько ей это понравится. Она говорит «да», задыхаясь от каждого моего посасывания и поцелуя.

— Значит тебе это нравится так же, как и мне, — говорю я.

— Даааа.

Этот ответ протяжен и долог, словно песня. Очень развратная песня.

Сантиметр за сантиметром я опускаюсь все ниже по ее телу, целую живот, проводя языком по бедрам. Дико дыша, она мечется и стонет под натиском моего рта, а я пробую на вкус каждый участок ее кожи.

Выводя сладкую линию вокруг ее пупка, я уже чертовски уверен в том, насколько сильно хочу, чтобы эта ночь стала для нее невероятной. Хочу, чтобы она почувствовала себя обожаемой и оттраханной одновременно.

Путешествуя вниз по ее телу, языком исследую край розовых, едва прикрывающих что-либо трусиков, оставляя влажный след под резинкой. Она дрожит. Я рядом с ее киской, и это единственное место, где сейчас мне хочется оказаться. Единственное место во Вселенной.

Я проскальзываю пальцем под тонкий поясок розового кружева, и она произносит мое имя.

— Спенсер, — я смотрю на нее. — Ты снимешь свою футболку?

Одним быстрым движением я избавляюсь от футболки. Шарлотта кладет руки на мои голые плечи, и это прикосновение ощущается фантастически, даже если оно всего лишь для удержания равновесия. Это все, чего мне хочется — быть единственным, за кого она держится, пока я раскачиваю ее мир своим ртом. Сантиметр за сантиметром я спускаю трусики вниз по ее бедрам, наслаждаясь каждой секундой созерцания ее наготы. Сухо сглатываю при первом взгляде на ее холмик, покрытый легкими завитками волос.

Натуральная блондинка.

Я зарываюсь носом в эти волоски и делаю вдох. Я хочу попробовать ее. Я собираюсь скользнуть языком между ног моей лучшей подруги и никогда в жизни не был так чертовски возбужден.

— Теперь веришь мне?

— Что ты имеешь в виду? — ее голос звучит неровно.

— Что меня влечет к тебе.

— Да, — говорит она, тяжело дыша.

— Это не просто влечение, Шарлотта. Я просто умираю от желания попробовать тебя. Мне безумно хочется встать на колени, снять с тебя трусики и похоронить свое лицо между твоими бедрами, — говорю я ей, и ее бедра прижимаются ближе ко мне.

— Я больше не сомневаюсь в этом. Клянусь, больше не сомневаюсь, — говорит она с таким чертовским отчаянием, моля прикоснуться к себе.

Я целую ее над клитором. Ее стоны словно говорят мне, что она на грани.

Так же, как и я.

Кружево белья сползает по ее лодыжкам, и она, держась за мои плечи, переступает через трусики. Я поднимаю голову, встречаясь взглядом с ее темными глазами, в которых полыхает похоть, прямо, как в моих. Больше никаких слов. Больше никаких игр. Хватит ждать.

Я опускаю руки на внутреннюю сторону ее бедер, раздвигая их, и стону от открывшейся передо мной картины — прекрасная, горячая, влажная киска Шарлотты.

И этот великолепный клитор, уже набухший и пульсирующий для меня.

Я высовываю язык, проводя им по упругому бугорку, и Шарлотта издает самый потрясающий стон, который мне доводилось слышать в жизни. Я вцепляюсь ей в бедра, удерживая, пока целую эту сладкую киску. Можно было бы заставить ее кончить прямо сейчас. Можно было бы наброситься на нее, как обезумевший от голода человек. Но как бы мне ни хотелось этого, я должен сначала понять — нравится ли ей быстрая ненасытность или лучше действовать постепенно. Лаская языком клитор, я облизываю ее там, где она хочет меня больше всего. Судя по тому, как ногтями впивается в мои плечи, она готова кончить всего лишь от кончика моего языка.

На вкус она, словно секс, мечта и наслаждение, и с каждым движением языка этот вкус заполняет мой рот. Мое тело не просто на грани — оно словно на вулкане. По венам струится лава, пульс зашкаливает от желания. Член устанавливает мировые рекорды по твердости — он чертовски напряжен и готов разорвать молнию на джинсах.

Мне нужно выпить эту женщину. Я хочу утонуть в ней. Хочу, чтобы ее влага покрывала мой небритый подбородок, мою челюсть, мое лицо. Хочу ощущать этот жар своим гребаным носом. Я раздвигаю ее пальцами и облизываю скользкие складки. Она стонет от удовольствия:

— О, Боже.

Это единственные слова за те несколько минут, что я вкушаю ее греховно-сладкую киску, изучая то, что доставляет ей наибольшее удовольствие. Она прижимается ко мне, ее бедра дико дрожат в такт неустойчивому ускоряющемуся дыханию. Когда я проскальзываю языком внутрь, она впивается пальцами в мои плечи. Я возвращаюсь к клитору, и она дрожит напротив моего лица. Когда одним пальцем вхожу между ее тугих стенок, она издает протяжный вой.

Она действительно воет.

— О, Боже, Боже, Боже, Боже.

Она продолжает что-то бормотать, и это потрясающе. Мне нравится, что она не в состоянии говорить связно. Нравится, что мой язык лишает ее дара речи, и все, что она может — только стонать.

Она переходит на визг, иступленно трахая мое лицо. Переместив руки с плеч и обхватив меня за голову, она раскачивается над моим лицом, пока я упиваюсь каждой унцией ее сладости, попадающей мне в рот.

Она вкуснее, чем была в душе.

Круче, чем в любой из моих фантазий.

Она реальна, как и ее оргазм, растекающийся по моим губам и всему подбородку.

Я так чертовски счастлив и так невероятно возбужден.

Я встаю и поддерживаю рукой ее голову. Она дрожит. Всем телом.

И тогда я говорю ей то, чего не мог сказать в такси.

— Боже, как же я хочу трахнуть тебя прямо сейчас.

Она отвечает мне тремя лучшими словами, о которых мечтает каждый мужчина:

— Я хочу тебя.

Минутку. Я просчитался.

Пятью лучшими словами, потому что она добавляет еще два:

— Я так сильно тебя хочу.

Я подхватываю ее теплое гибкое тело и несу к обеденному столу. Поверьте, это не спонтанное решение.

Я продумал все возможные варианты и выбрал этот.

Миссионерская поза — пусть даже фантастическая — не снесет ей крышу в самом начале нашей ночи. Наездница тоже не подходит, потому что контроль должен быть у меня. И уж точно я не стал бы брать ее в наш первый раз сзади или на четвереньках. Мне нужно видеть ее лицо, когда буду трахать ее. Я должен видеть ее губы, когда она будет на грани, и ее глаза, когда она кончит.

Я осторожно кладу ее голую задницу на край деревянного стола, и от понимания моих намерений ее глаза округляются.

В какой-то момент мне хочется спросить, занимались ли они с Брэдли этим за пределами спальни, но это желание исчезает, не успев возникнуть, потому что меня это не волнует. Сейчас она моя, и он больше никогда не прикоснется к этой прекрасной, удивительной женщине.

Он упустил ее, а я получил.

— Оставайся здесь, — говорю я резко, направляясь к журнальному столику, чтобы взять презерватив.

— Честно говоря, я и не планировала куда-то уходить, — говорит она бесстрастным голосом, и я улыбаюсь, восхищаясь ее чувством юмора.

Вернувшись, я расстегиваю джинсы, стягиваю их вниз по бедрам и отбрасываю в сторону. Через мгновение ее шаловливые ручки стягивают с меня боксеры, и она прикусывает губу.

Мой вырвавшийся на свободу член приветствует ее. Глаза Шарлотты не просто округляются — они становятся размером с блюдца.

— Господи Боже, — бормочет она, прижимая руку ко рту.

Я смеюсь, а затем убираю ее пальчики от губ.

— Он войдет, — говорю я, отвечая на вопрос, уже готовый сорваться с ее языка.

— Откуда ты знаешь, что я хотела спросить именно об этом?

Я не отвечаю, а задаю встречный вопрос, когда кладу презерватив рядом с ней на стол.

— Хочешь знать, почему я так уверен?

— Почему?

Я провожу пальцами по ее мокрой киске.

— Потому что ты настолько мокрая, что я войду в тебя с чудесной легкостью, — говорю я и беру ее за руку. — Теперь прикоснись к моему члену.

Она издает возбужденный стон и обхватывает рукой мой ствол. От невероятного удовольствия из меня вырывается стон. Ладонью она скользит вверх и вниз по всей длине, и это прикосновение распалает меня. Все тело вспыхивает от каждого касания к моему члену. Каждый сантиметр моего тела горит от сильного желания. Я стою между ее ног, а она сидит на краю стола — голая и разгоряченная первым оргазмом — и это самый невероятный момент, который только может быть.

Она играет со мной еще минуту, ловкими пальцами исследуя мой член. В груди

грохочет от мягких, сладких движений ее рук. Когда она растирает каплю жидкости на головке моего члена, я больше не могу сдерживаться.

— Мне нужно быть внутри тебя, — говорю я и кладу руки на ее бедра, разводя их еще шире. Схватив презерватив, я аккуратно вскрываю упаковку и надеваю его.

Раздвинув своими бедрами ее ноги, я направляю головку члена к ее влажности. Ее глаза закатываются, и она в предвкушении делает движение мне навстречу.

Я зарываюсь пальцами в ее волосы, обхватывая затылок.

— Прими его, — говорю я ей резким тоном, не оставляющим места для спора.

Обхватив рукой у основания, она поглаживает кончиком моего члена свою киску, а затем продвигает его внутрь, сантиметр за сантиметром. Я позволяю ей руководить. Пусть вберет меня столько, сколько сможет. В какой-то момент она резко вздыхает.

— Больно? — спрашиваю я.

Она качает головой, отпускает член и обнимает меня за шею.

— Нет. Он ощущается так хорошо...

Это моя реплика. Я проталкиваюсь до конца и замираю от ощущения себя внутри нее.

Потому что это ... Ад.

И Рай.

Блаженство.

Вот, что это.

Для меня. Прямо сейчас. В этот самый момент.

Ее жаркая влажность восхитительна. Все, все, *все* это ощущается так невероятно хорошо.

Пальцами Шарлотта зарывается в мои волосы. Я обхватываю ее бедра и начинаю двигаться, давая ей время привыкнуть. Сосредоточенно наблюдаю за выражением ее карих глаз, пока она принимает меня. Я следую за подсказками ее тела, делая медленные, сдержанные толчки, пока она не расслабляется полностью, позволяя мне до конца заполнить ее. Колени расслабленно открываются, линия рта смягчается, и она кивает.

Наконец, она смотрит на меня и шепчет:

— Трахни меня.

Два слова, от которых загорается каждый миллиметр моей кожи.

Я трахаю ее, и она трахает меня в ответ. Я погружаюсь все глубже, и она подстраивается, приподнимаясь мне навстречу. Мы движемся в едином ритме — черт возьми, мы больше, чем синхронны. Мы единое целое.

Я стараюсь впитать каждое ощущение нашего первого раза. Краска, заливающая ее грудь. Запах ванильного лосьона на плечах. Ее похотливые стоны.

Ее припухшие губы приоткрылись, моля о поцелуях. Я склоняю голову к ее рту, захватывая в плен губы и не переставая вонзаться в нее. Наш поцелуй грубый, жесткий, грязный, смешанный со вздохами, которые говорят мне, что она сейчас в другом мире, и мир этот здесь, со мной.

Я скольжу руками под ее ягодицы, и она приподнимает ноги выше.

— Обхвати меня ногами, — говорю я ей.

Она скрещивает лодыжки за моей спиной.

— Вот так?

— Именно так, — повторяю я и закрываю глаза, когда напряжение становится почти невыносимым. Мышцы натягиваются, и я могу только представить, насколько невероятно

будет кончить внутри нее.

Но я стараюсь сдерживаться, когда она сжимается вокруг меня.

Вхожу все сильнее и глубже, и в какой-то момент попадаю в ту точку внутри нее, которая буквально поворачивает переключатель. Она задыхается и дрожит.

Ногами она сжимает меня сильнее, и это именно то, что нужно. Именно так я подведу ее к краю — плотно обвивающую меня. Вокруг меня. Подо мной. Она корчится и содрогается, начиная терять контроль.

— О, Господи, Боже, — стонет Шарлотта, и звуки ее голоса безумным эхом раздаются в моих ушах.

Ее тело, как огненная река. В ней соединилось все, что есть в женщине — уязвимость, мягкость, сила, женственность.

Она вскрикивает — протяжный, длинный, низкий, бесконечный, великолепный крик. Поднимает свое лицо ко мне, настойчиво и нетерпеливо обхватывает руками мою шею. Прижав губы к моему уху, она шепчет, словно я нуждаюсь в подтверждении:

— Я кончаю, кончаю, кончаю.

Как молитва.

И, твою же мать, я был не прав, когда думал, что этот эпизод не может быть еще более сексуальным. Но это так. Так и есть. Слышать ее шепот, слышать, как она говорит мне то, что и так уже ясно — это самый лучший момент в моей жизни.

Потому что она *должна была* это озвучить.

Я присоединяюсь к ней, жестко трахая и приближаясь внутри нее к своему собственному оргазму.

Через минуту после того, как наше дыхание приходит в норму, я уже предвкушаю наступление неловкого момента. Но этого не происходит.

Даже когда я выхожу из нее, снимаю презерватив и бросаю его в мусорное ведро. Даже когда возвращаюсь к ней и целую ее веки. И когда она идет в ванную, чтобы привести себя в порядок. И даже после моего предложения посмотреть следующую серию, когда она возвращается в комнату.

Все еще обнаженная.

Мы смотрим, как Касл и Беккет ловят очередного убийцу.

Мы возвращаемся к тому, кем мы были — жуем мармеладных мишек, запиваем их «Маргаритой» и гадаем над поворотами сюжета — пока я не придвигаюсь к ней ближе. И тут Виагра Шарлотта действует снова. В считанные мгновения мы готовы ко второму раунду — на этот раз на моем диване — и уже совсем скоро я слышу мою новую любимую песню, когда она прижимается губами к моему уху и протяжно нараспев говорит, что кончает.

Потом мы засыпаем.

Меня будит Фидо, топающий по моей голове, как по клавишам пианино, давая понять, что проголодался. А Шарлотта крепко спит в моих объятиях, залитая лучами утреннего солнца с террасы.

Мы нарушили наше первое правило.

После двух восхитительных дней, наполненных непрекращающимся сексом, небольшими перерывами на работу и минимумом сна, я получаю Бэт-сигнал. (*Примеч. сигнал Бэтмена, светящийся луч в небе с его эмблемой, сигнал о помощи*). Он приходит в виде сообщения, когда я совершаю пробежку вдоль шоссе Вест-Сайд.

В тренажерном зале в моем доме. Дипстик здесь. Он смотрит на мое кольцо.

Я, как собака, напавшая на след. Из-за Брэдли она согласилась на мое предложение быть подставной невестой — в первую очередь, чтобы оградиться от атак надоедливых подарков и грамотно отомстить. Слава Богу, он потерял ее.

Но все равно, он подонок, и теперь я собираюсь утереть ему нос.

Поворачиваюсь и бегу через весь город, уворачиваясь от пешеходов, парней в костюмах, женщин в платьях, строителей и других обитателей Нью-Йорка в этот вечер вторника. Я несусь на Мюррей-Хилл. Задыхаясь и обливаясь потом, наконец, достигаю нужного здания, и говорю швейцару, что я здесь, чтобы увидеть Шарлотту. Так как я в списке постоянных посетителей, он впускает меня. Вбегаю в лифт и спускаюсь вниз к тренажерному залу.

Я нахожу ее за считанные секунды. Она непринужденно двигается на беговой дорожке, а Брэдли наблюдает за ней с велотренажера, крутя педали.

Я пересекаюсь с ним взглядом, коротко приветствую кивком и приближаюсь к Шарлотте. Хлопаю по кнопке «стоп» на тренажере и впиваюсь в ее губы жадным поцелуем. Она не ожидала этого, но и не возражает. Вождение побеждает, и вскоре поцелуй теряет свою невинность — короче говоря, детям лучше не смотреть. Она поворачивается, спрыгивает с беговой дорожки, обвивает руки вокруг меня и говорит, что нужно быстрее подняться вверх, прежде чем пойти в «Лаки Спот».

Это по мне. Капитан Жених к вашим услугам. Пока мы уходим, я смотрю на глупца Брэдли. Он пыхтит и кряхтит, пялясь на меня безумным взглядом.

Я пожимаю плечами.

Что я могу поделать? Она хочет меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Следующий Бэт-сигнал приходит позже в тот же вечер от моей матери, когда я работаю в небольшом офисе в задней части нашего бара — в окружении коробок коктейльных салфеток и шкафчиков, где мы храним наш высококачественный ликер.

Сначала это выглядит как приглашительное письмо, в котором говорится:

Привет, дорогой! У нас есть билеты на «Скрипач на крыше» завтра вечером. Два

лишних. Сможете ли вы с Шарлоттой присутствовать? А перед началом можем все вместе сходить в «Сарди».

Сказать, что я не поклонник мюзиклов, было бы грубым преуменьшением. На самом деле, удивительно, что мама даже спрашивает об этом, поскольку всей семье известно, как я упорно отмазываюсь от приглашений на любые мероприятия, связанные с песнями и танцами. Но ни одна из этих отмазок не возникает в моем сознании, потому что моей первой мыслью была следующая: Шарлотта обожает Бродвей. Я выскакиваю из офиса и нахожу ее проверяющей краны за стойкой.

— Дурацкий вопрос, — говорю я, присоединяясь к ней. — Ты бы хотела посмотреть «Скрипач на крыше» завтра? Со мной?

Она изучает мое лицо, а потом кладет руку на мой лоб.

— У тебя нет лихорадки.

— Я серьезно.

— Может быть, она еще не проявилась.

— Я серьезно.

— Должна ли я вызвать неотложку, чтобы тебя осмотрели, или подождать, пока начнется озноб?

Я стучу по часам.

— Приглашение истекает через пять секунд. Пять, четыре, три...

Она хлопает в ладоши.

— Да! Я хочу пойти. Обожаю мюзиклы. Это было бы потрясающе. Даже не стану спрашивать, где твой мешок оправданий. Просто буду получать удовольствие.

— Хорошо, — говорю я и подхожу ближе, чтобы поцеловать ее в щеку, но в последний момент останавливаюсь.

В ее взгляде мелькает паника, и она отдергивает голову. Здесь Дженни и остальные официанты, принимающие заказы.

Черт.

Как, черт возьми, это могло произойти? Я не прочь выражения чувств на людях, но не на работе — при клиентах, менеджере и сотрудниках.

— Прости, — бормочу я.

Смешивающая водку с тоником темноволосая Дженни приподнимает ухоженную бровь, но ничего не говорит. Шарлотта не носит здесь кольцо, но реакция Дженни заставляет меня задуматься о том, могут ли наши сотрудники почувствовать изменения. Подобно животным, что чувствуют приближение бури, догадываются ли они, что их боссы трахаются... Понимают ли они, что это временно? Вопросы мечутся в моем мозгу — я стою слишком близко к Шарлотте, смотрю слишком пристально — и это бросается в глаза, потому что сейчас представляю свою бизнес-партнершу обнаженной и трахающей мое лицо.

Я качаю головой, отгоняя похотливые мысли, и пытаюсь исправить свою оплошность.

— Чуть было не нарушил наше второе правило, — говорю я Шарлотте.

— Какое?

— Никаких глупостей.

Она смеется и хлопает меня по плечу.

— Все в порядке, Холидей. Это даже ни капельки не глупость, — она понижает голос, чтобы слышал только я. — Честно говоря, это было прелестно.

Ох, черт возьми, теперь я краснею. Потому что...

Подождите.

Какого черта?

У меня, должно быть, действительно лихорадка. Я добровольно соглашаюсь терпеть пытки музыкального театра, и меня считают прелестным. Я не в порядке. Это невозможно. Сегодня я так оттрахал Шарлотту, что она должна понимать — во мне нет ничего прелестного.

Только мужественность и сексуальность.

— Отлично, — говорю я, хладнокровно барабанив костяшками пальцев по барной стойке, пытаюсь равнодушным отношением восстановить свой статус крутого парня. — Итак, мы идем завтра. Но только потому, что ты этого хочешь.

Мой телефон снова гудит. Я хватаю его, и от прочитанного мои плечи опускаются.

Офферманы тоже будут там

Повернувшись к Шарлотте, я говорю:

— Это была засада, — а затем делюсь подробностями.

Ее улыбка не уменьшается.

— Все нормально. Я не против пойти с ними, — она наклоняется чуть ближе и шепчет: — На самом деле, в последние дни мне стало проще играть твою невесту.

— Почему это?

Ее голос становится еще тише.

— Из-за того, как ты трахал меня всю ночь.

Похоть разливается во мне, и я почти готов затащить ее в офис, захлопнуть дверь и засадить ей прямо здесь, на работе.

Но Дженни снова зовет ее, и я возвращаюсь к компьютеру с крепким стояком.

Пока отвечаю на электронные письма поставщиков, до меня доходит, что комментарий Шарлотты о моей прелестности должен был как-то покоробить. Но этого не произошло, и мне интересно, почему.

Может быть, потому, что Шарлотта выглядела такой счастливой после приглашения на мюзикл. Черт, отвести ее на Бродвей — это самое маленькое из того, что я могу сделать для нее в благодарность за фантастическое исполнение роли моей невесты ради сделки моего отца.

Вот и отгадка. Мне нравится делать Шарлотту счастливой, потому что она моя подруга, а друзья помогают друг другу.

Вот так. Я оступился, но избежал нарушения второго правила.

В «Сарди» к нам присоединяется репортер по имени Эйб. Его лицо напоминает лошадиную морду, а мешковатая одежда велика на пару размеров, словно с чужого плеча. Сомневаюсь, бреется ли он и дорос ли хотя бы до получения водительских прав.

Он делает фото двух семей, поднимающих тосты и поглощающих закуски, и я действительно поражен, насколько показушной будет эта заказная статья.

Должно быть, именно поэтому журнал прислал репортера-сопляка. К тому же, *Metropolis Life and Times* — лучший минетчик в мире журналистики. Проглотит все и не подавится.

Технически фотографии выглядят естественно, но все мы прекрасно помним об объективах фотокамер, когда делаем заказ, общаемся и поднимаем наши бокалы, как черно-белые изображения звезд театра и кино, украшающие стены этого бродвейского здания. В этот раз встречаются только пары — мистер Офферман с женой, мои мама и отец, Шарлотта и я. В любой другой день я бы поиздевался над Харпер, что ее не взяли на сегодняшний вечер, но она, скорее всего, переживает, что отсутствует на этом нужном событии и пропускает фальшивый «мы понятия не имеем, что репортер здесь» разговор.

Однако, мне понятна политика мистера Оффермана. Представления, вроде этого, помогают в ведении бизнеса, а демонстрация дружеской передачи ювелирного могущества всем известной «Катарин» привлекает клиентов. Мы уверены, что выглядим блестяще и достаточно глянцево для обложки журнала. На мне светло-зеленая рубашка и бледно-желтый галстук с мультяшными пандами, а Шарлотта потрясающе выглядит в черном платье с короткими рукавами и розовой лентой вместо пояса, протянутой сквозь тонкие петли.

— Вы не взяли своих дочерей сегодня, — обращаюсь я к мистеру Офферману, доедая оливки. — Полагаю, напряженное окончание учебного года? Или они не большие любители театра?

Он пренебрежительно машет рукой.

— У нас было всего шесть билетов, и мне важно правильно подать это людям.

Я чуть не давлюсь оливковой косточкой.

— Что, простите?

— Мои девочки не имеют отношения к бизнесу, — говорит он, допивая свой скотч и подавая сигнал официанту принести еще.

— Я не имею отношения к бизнесу отца, но меня вы пригласили, — говорю я, указывая на неубедительность его логики.

— Верно, но я уверен, что твое мнение более важно, чем, скажем, твое...

Его реплику прерывает репортер, тронувший меня за плечо.

— Ваше фото с Шарлоттой возле бара? Читатели нашей страницы любят счастливые пары.

Я встаю, и мои внутренности скручивает узлом от понимания, что это фото — обман. Вероятно, оно появится в сети уже завтра, а через несколько дней, когда мы, согласно плану, расстанемся, станет неактуальным. Или вообще не выйдет в тираж, потому что...ну, потому что мы больше не будем «счастливой парой».

Когда мы отходим от стола, во взгляде Шарлотты я вижу, что она думает о том же.

Мы ходим по лезвию ножа. Наше представление вначале казалось забавным — достаточно правдоподобным, чтобы скрыть мои романтические похождения и не сорвать сделку отца — пусть даже я и врал своей семье.

Теперь же это граничит с наглой манипуляцией, потому что я лгу, ну, в общем ... всем, и от этого на душе скребут кошки.

Но цель оправдывает средства, и я напоминаю себе об этом, когда мы приближаемся к бару. Утром я разговаривал с отцом, и он сказал, что сделка завершится до конца недели, как только банк оформит основные документы. Мне ненавистна мысль, что Офферман мог бы отказаться, если бы я не соответствовал его требованиям.

Тем не менее, чувствую себя шарлатаном, продающим яд под видом панацеи, и сам себе противен.

Хорошо то, что врать мне осталось всего несколько дней.

Плохо — мне осталось всего несколько дней притворства.

— Улыбаемся, — говорит Эйб, когда мы встаем возле бара на фоне фотографий Тома Хэнкса и Эд Аснер.

Я обнимаю Шарлотту и ослепительно улыбаюсь, незаметно вдыхая аромат у ее шеи. Она пахнет персиками. Быстрый поцелуй в щеку, и Шарлотта задерживает дыхание. Она прижимается теснее — и, да — то, что было притворством, снова стало реальностью, а грызущая совесть уходит прочь. Между нами есть тепло. Даже огонь. Объектив камеры должен был воспламениться от него.

Я отпускаю ее и сконфуженно усмехаюсь репортеру.

— Простите, ничего не могу с собой поделать. Она слишком красива.

— Совершенно ясно, что вы любите ее, — говорит он, опускает камеру и достает из кармана блокнот. — Не могу не задать вопрос, когда же она стала единственной?

— Простите? — спрашиваю я, морща лоб.

— Это все в новинку, не так ли? Верность в ваших отношениях?

— Конечно, мы верны друг другу. Мы же помолвлены, — отвечает Шарлотта, собственническим жестом обнимая меня, чтобы прекратить дальнейшие вопросы.

— Не сомневаюсь, — говорит репортер, указывая на камень Шарлотты, — но я спросил, когда она стала той самой единственной.

Щеки Шарлотты заливаются румянцем, и я беру инициативу на себя.

— Мы помолвлены совсем недавно, если вы это имели в виду.

— Ну, это и должно было случиться недавно, — говорит Эйб, словно собака, вцепившаяся в кость и отказывающаяся выпустить ее, — я видел вас в прошлом месяце в журнале *South Beach* с поваром из Майами, а всего несколько недель назад, кажется, со знаменитым тренером.

Будь проклят я и мое плейбойство. Я напрягаюсь, мышцы каменеют. Вот оно — ситуация, которой мой отец отчаянно пытался избежать.

— Это досужие сплетни, — говорю я, сохраняя улыбку, — вы же знаете, как это бывает.

— Вы имеете в виду с Кэссиди? С Кэссиди Уинтерс все произошло случайно? — спрашивает он, ненавязчиво вставляя слово «случайно», словно пытается заставить меня повторить его.

— Нет, я не говорил, что это было случайностью. Я сказал, что это сплетни. И это означает, что ничего не было, — говорю я решительно, ставя на место маленького смелого ублюдка.

Он кивает и поглаживает подбородок.

— Понятно. Но не в случае с поваром. Потому что в прошлом месяце в Майами вы отметились в «Фейсбуке» фотографией, где целуете ее в щеку.

Эйб берет телефон, скользит своим толстым пальцем по экрану и показывает мне фотографию. Он наготове и ожидает. Спланировал все заранее и готов к атаке. Я пожимаю плечами, а мой мозг быстро разыгрывает сценарии. А затем я делаю это. Быстро подсакиваю к Эйбу и целую его в щеку. Подавляю инстинктивное желание съежиться, когда мои губы проходят в миллиметре от его детского личика, но я должен это проверить.

— Видите, я просто ласковый парень.

Он вытирает щеку ладонью.

— Значит, с шеф-поваром ничего не было?

Я киваю и указываю на его лицо.

— Так же, как и у нас с вами.

Жаль, что не могу съездить ему по физиономии, как он того заслуживает. Но если бы ушел и сказал «без комментариев», то это только подстегнуло бы его. Спокойный ответ дает шанс, что эта бомба не рванет.

Эйб переключается на Шарлотту.

— Волнует ли вас то, что еще пару недель назад Спенсера Холидея газеты называли Нью-Йоркским Плейбоем?

Она качает головой и мило улыбается.

— Нет. Я знаю, с кем он проводит ночи.

— Не каждую ночь, — бормочет репортер.

Меня переполняет гнев. После такого Мистер Милый Парень исчезает.

— Прости? Что ты сказал, Эйб? — спрашиваю я многозначительно, потому что одно дело быть назойливым, и совсем другое — быть мудаком.

Он поднимает подбородок.

— Я сказал, что теперь каждую ночь вы будете работать в «Лаки Спот» в качестве супругов.

Лжец.

Но лжец дело говорит, и его замечание напоминает мне, что нам с Шарлоттой придется продумать и разыграть фальшивую помолвку на работе в последующие пару дней. Или не придется, ведь совсем скоро все закончится.

И снова эта мысль отдается болью у меня внутри.

Прежде чем я успеваю ответить на вопрос Эйба о том, как мы будем вести наш бизнес, миссис Офферман присоединяется к нам, вклиниваясь в импровизированное интервью.

— Все в порядке?

Никогда не думал, что скажу это, но ... черт, я рад ее видеть.

— Просто говорили о том, как быстро Шарлотта и Спенсер стали парой, — говорит репортер, обращаясь к миссис Офферман. — Слишком быстро.

Она выгибает бровь, и, кажется, ее любопытство разбужено.

— Разве? Я знала, что все произошло довольно быстро, но не знала, что *совсем недавно*.

Оказывается, на самом деле, я не особо-то и рад ее видеть. Совсем не рад. Тем более, что каждое ее слово пропитано ядом.

Шарлотта откашливается, заправляет прядь волос за ухо, и встречается взглядом с миссис Офферман, а затем с Эйбом.

— Да, это произошло недавно, и мы много раз об этом говорили. Все случилось очень быстро. Но так и бывает, когда вы влюбляетесь, разве нет? — говорит Шарлотта, поглаживая пальцами край рукава моей рубашки. Между нами слой хлопка, но, клянусь, ее прикосновение воспаляет кожу, оставляя за собой дорожку из искр. Дыхание перехватывает, когда она встречается со мной взглядом, и на какой-то миг остальная часть ресторана перестает существовать.

Я киваю и с трудом сглатываю. Не знаю, кому предназначается мой ответ — ей, им или нам.

Но я *чувствую*, что это мое «да», по крайней мере, честное. И это важно.

Шарлотта встает на носочки и мягко целует меня в губы. Отстранившись, она берет меня под руку и смотрит на репортера.

— Мне плевать, что несколько недель назад его видели с кем-то другим. Это ничего не меняет. Не меняет того, что я чувствую к нему.

У Эйба больше нет вопросов. По крайней мере, сегодня она сумела сбить его со следа нашей лжи.

Я вспоминаю вчерашнюю сцену мести Брэдли в тренажерном зале. Конечно, Шарлотта получила удовольствие от шоу, устроенного для ее бывшего. Но тот поцелуй на беговой дорожке, когда она захотела заставить его ревновать, ничто по сравнению с тем, как умело она сыграла ради меня. Снова и снова она выручает меня.

Мое сердце спотыкается само об себя, устремляясь к ней.

Что-то происходит. Что-то странное и совершенно непонятное. Сердце, рвущееся к Шарлотте, говорит со мной на языке, которого я не понимаю.

Отлично. Теперь есть два органа, с которыми мне нужно сражаться каждый день.

Перед началом шоу отец пытается привлечь мое внимание, пока мы направляемся по Сорок Четвертой улице к входу в «Театр Шуберта».

— Все в порядке?

— Вполне, — отвечаю я, потому что последнее, чего бы мне хотелось, это дать ему повод для беспокойства. Мимо нас с визгом проносится такси, и, выпустив облако выхлопных газов, резко тормозит на красный сигнал светофора. — Репортер немного разозлил, но все это я уже слышал.

Отец покачал головой.

— Я имел в виду Шарлотту. С ней все в порядке?

— Она в порядке, — отвечаю я с улыбкой, радуясь, что отца больше волнует моя девушка, а не сама история.

Он указывает на Шарлотту, идущую вместе с остальными в нескольких метрах от нас.

— Вы идеально подходите друг другу. Не знаю, почему не замечал этого раньше, но теперь, когда вижу вас вместе... черт, это же очевидно.

Чувство вины возвращается, словно коршун, бросающийся с неба. На этот раз вонзая свои когти мне в грудь как никогда глубоко. Я провожу руками по волосам. Отец будет так

разочарован, узнав, что мы с Шарлоттой расстались.

— Ты безнадежный романтик, — говорю я.

Он смеется, и мы замедляем шаг, приближаясь к толпе людей перед ярко освещенным зданием.

— Поэтому я и владею ювелирным магазином.

— Уже нет, — игриво замечаю я. — Скоро ты превратишься в свободного человека.

— Я знаю, — он задумчиво вздыхает, — и мне будет этого не хватать.

— Ты будешь счастлив.

Он несколько раз кивает, как будто убеждает сам себя.

— Я буду счастлив проводить больше времени с мамой. Она — центр моей вселенной.

Как Шарлотта для тебя, — говорит он, похлопывая меня по спине.

Мда, глупость какая-то. Но сейчас дела обстоят именно так.

Капельдинер провожает нас к местам.

Шарлотта скрещивает руки на груди и вздыхает.

— С тобой все в порядке?

Она кивает. Ее губы сжаты в прямую линию.

— Уверена? Готов поспорить, что по виду ты злишься.

— Я в порядке.

Я скептически выгибаю бровь.

— Уверена, что ничего не случилось?

— Ничего серьезного, — она хватается за рукав рубашки и мгновенно переводит стрелки. — Когда мы сделаем куклу Вуду для того репортера?

Я притворяюсь, что задумчиво смотрю вдаль.

— Давай посмотрим. В моем ежедневнике есть свободное место завтра в три. Подойдет?

Она энергично кивает.

— Ты принесешь булавки, а я достану ткань.

— Отлично. Я найду обучающее видео на YouTube, чтобы сделать все правильно.

Она лучезарно улыбается и шепчет мне, когда начинается увертюра:

— Эти вопросы были мне ненавистны.

— Он пытался разыграть сложный мяч, но счет остался неоткрытым. Хотя ты была великолепна.

— Они были неловкими, — говорит она и прижимается ближе ко мне, когда первые звуки скрипки разносятся по залу. — Как думаешь, он догадался о нас?

— Было похоже, но думаю, он просто забрасывал нас вопросами, ожидая, когда мы споткнемся.

— Кстати, тебе понравился мой последний ответ?

Понравился? Я в восторге от ее фразы о быстрой влюбленности. В большем восторге, чем должен быть.

— Это было восхитительно.

— Я справилась, не так ли? — говорит она, дую на пальцы, словно схватилась за горячую ручку сковороды.

Мое сердце вздрагивает, а затем проваливается вниз. Я чувствую, что тону в желании того, чтобы все сказанное ею оказалось правдой. Мне хочется, чтобы что-то из этого оказалось реальным.

— Это было вполне правдоподобно, — говорю я, фальшиво улыбаясь, и ее ответ опять напоминает мне о том, что по какой-то неизвестной мне причине я не хочу, чтобы это все закончилось. Чуть больше, чем через четыре дня, для нас с Шарлоттой наступит финал.

Она уйдет, но я хочу продлить момент.

Начинается первый акт, и я думаю — нет, я уверен — что это официально мой самый нелюбимый момент в мюзиклах. Наблюдать за этим больно.

Шарлотта молчит, пока мы бредем по Таймс-сквер, пожелав спокойной ночи моим родителям и Офферманам. Мы пробираемся сквозь сумасшедшую толпу, напоминающую сардин в жестяной банке искрящегося неонами Манхэттена — человеческий зоопарк в центре многомиллионного города. Парень в серебряном костюме робота подражает его судорожным движениям, собирая в цилиндр монеты. Продавец миниатюрных Статуй Свободы толкает Шарлотту локтем.

— Ой, — бормочет она.

— Ты в порядке? — спрашиваю я и протягиваю ей руку. Забота о ней — это инстинкт, я полагаю. Но тут же отдергиваю ладонь. Она не хочет, или ей не нужно это. Она может позаботиться о себе.

— Да, со мной все будет хорошо, — говорит она, пожимая плечами. — И эй, мы пережили еще одно представление.

— «Скрипача»?

Она качает головой.

— Нет, — она подражает тону диктора на радио. — И сегодня в восемь часов вечера у нас в прямом эфире Счастливая Обрученная Пара.

Я вздрагиваю.

— Правильно. Это.

Сейчас мне следует пошутить. И успокоить ее. Я должен сказать ей «спасибо» еще раз.

Но не говорю ничего. Мне нечего сказать. Лысый мужчина с золотыми зубами зазывает зрителей на комедийное представление с полуголыми людьми.

— На полуголых скидка.

Кто-то кричит в ответ:

— А голые бесплатно?

Мы проходим мимо театра, потом магазин футболок, обходим пару в шортах хаки, белых кроссовках и футболках пожарной охраны. Я понятия не имею, куда мы идем. Честно говоря, даже не знаю, почему мы решили пойти по Бродвею. Видимо, просто сделали крюк. Да что со мной не так? Я даже не могу ориентироваться в родном городе.

Мы достигаем угла Сорок Третьей и останавливаемся на тротуаре. Автобус ползет по Восьмой-авеню. Туристы обходят нас, а мы с неловким чувством стоим лицом друг к другу. Всю мою жизнь я знал, что делать, куда идти, как встречать каждый поворот судьбы. Сегодня вечером я ничего не знаю и едва понимаю, как переступить ногами.

Я почесываю голову.

— Хм, куда мы идем, Спенсер?

Я пожимаю плечами.

— Понятия не имею.

— Чем планируешь заняться? — спрашивает она, сжимая руки, словно не знает, куда их деть.

— Чем хочешь, — говорю я, засовывая руки в карманы джинсов.

— Давай куда-нибудь сходим?

— Если хочешь.

Она вздыхает.

— Может, я просто возьму такси до дома?

— Ты хочешь поймать такси? — спрашиваю я, и мне хочется дать себе пинка. Сейчас я сам себе ненавистен из-за этого нерешительного, незнакомого мне чувака, который пытается контролировать мое тело. Я его не знаю. Мне насрать на него. И я не давал ему права управлять моим телом. Надо избавиться от него. — Забудь об этом, — говорю я, с возрастающей уверенностью. Наша фиктивная помолвка заканчивается через несколько дней, и я не собираюсь пропускать самый лучший секс в моей жизни. Не хочу упускать такую возможность.

— Забыть о чем? О вызове такси?

Я качаю головой и кладу руки ей на плечи.

— Именно это я собираюсь сделать прямо сейчас. Хочу отвезти тебя к себе. Раздеть. Дать волю своему языку и вылизать каждый миллиметр твоей кожи, а затем воплотить в реальности то, о чем говорил, когда мы были в «Катарин».

В ее глазах вспыхивают искры вожделения. Она нетерпеливо кивает.

— Да.

Так. Прекрасно. Достāju телефон из заднего кармана, чтобы сделать заказ в Uber, так как здесь поймать такси нереально. Когда открываю приложение, она кладет свою руку на мою.

— Но, хм, сначала мне нужно кое-что тебе сказать.

Вот черт. Сердце колотится. Она собирается покончить с этим. С нее достаточно. Она получила то, чего хотела. Сегодня ночью я последний раз прокачу ее, а потом отправлюсь на пастбище.

— О чем? — спрашиваю я, и сердце колотится у меня в глотке.

— Помнишь, мы говорили «никакой лжи»?

— Да, — сглатываю я, пытаюсь приободриться.

Напряжение затягивается в груди тугим узлом, и мне не нравится это чувство. Не хочу подобных ощущений. Это словно потребность или зависимость. То, чего я не могу понять.

— Ты собираешься?.. — выплевываю я.

— Собираюсь что?

— Закончить все? — спрашиваю я, потому что не могу больше сдерживаться.

Она смеется.

— Это не смешно, — настаиваю я.

— Это *смешно*.

— Почему?

— Ты идиот, — она качает головой, хватая меня за рубашку и притягивает ближе к себе. Сердце бьется о ребра. — Вот, что я хотела сказать тебе. Помнишь, перед началом шоу ты спрашивал меня, все ли в порядке, и я ничего не сказала? Это было вранье. Я ревновала. Жутко ревновала.

Я прокручиваю в голове тот момент: Шарлотта, скрестившая руки, ее шутки о репортере, ее гордость за свою игру.

— Ты ревновала?

— Я отчаянно старалась бороться с этим. Поэтому перевела все в шутку про куклу Вуду.

— Почему ты ревновала?

Она закатывает глаза.

— Все те женщины, которых назвал репортер. Услышав о них, я стала ревновать.

— Почему?

— Разве ты не понимаешь?

— Нет. Но мы уже определились с тем, что мне надо все разжевывать. Так что вперед.

Диктуй по буквам, — говорю я, постукивая себя по голове и изображая недогадливость

Она краснеет, а потом тихо говорит. Ее голос едва слышен сквозь шум улиц, звуки толпы и рев автомобилей. Но каждое слово — музыка для моих ушей.

— Потому что они были с тобой.

Уголки моих губ приподнимаются вверх.

— То же самое я чувствовал к Брэдли, когда ты была с ним, — признаюсь я и, произнеся это вслух, чувствую себя освободившимся. Более того, я озвучил то, что чувствовал в то время, но едва ли осознавал.

— Ты чувствовал такое, когда я была с ним?

— Иногда, — говорю я, возвращаясь в те дни, когда она была с этим мудаком.

Были ночи, когда она покидала «Лаки Спот» и уходила домой с ним, а мои мысли крутились вокруг нее. Конечно, у меня были женщины, чтобы отвлечься, но время от времени зеленоглазый монстр ревности наносил мне визит. Я не представлял, что когда-нибудь расскажу ей это. Некоторые мысли лучше держать в секрете. Я поднимаю руки вверх.

— Загадка природы.

— Спенсер? — шепчет она.

— Да?

— Думаю, что сегодня мы нарушили еще одно правило.

Я выгибаю бровь.

— Какое из? Ложь?

— Да, но еще...

Мы одновременно произносим.

— Глупости.

И смеемся. Вместе.

— Для начала ты приглашаешь меня на шоу, потом я ревную, да еще этот козел-репортер. Это все очень глупо, — говорит она, — а от глупости есть только одно лекарство.

— Анал?

Она бьет меня по плечу.

— Этого правила мы не нарушим никогда. Никогда, — говорит она, перемещая взгляд на мою ширинку. — Вообще я думала о позе по-собачьи.

— Так и я о том же.

Мы целуемся, пока ждем машину.

И на протяжении всего пути от центра города.

И все время в лифте.

И пока я открываю дверь.

И потом, когда я раздеваю ее и укладываю животом на мою кровать.

Я покрываю поцелуями все ее тело, начиная с шеи. Продвигаюсь вдоль позвоночника, облизывая сексуальную, красивую спину. Шарлотта вздыхает и извивается на кровати. Она поворачивает голову, чтобы смотреть на меня, а я опускаюсь к ее заднице и оставляю легкий поцелуй на ее ягодице.

— Не волнуйся. Никакие правила не нарушатся. И, чтобы ты знала, мне достаточно остальных частей твоего тела. Я всего лишь дразнил тебя.

Она улыбается мне, молчаливо выражая благодарность.

— Мне нравится нежная кожа твоей попки, так что я, пожалуй, задержусь тут, — говорю я, обводя контур ее правой ягодицы.

Она поднимает попу выше, будто приглашает меня поцеловать ее. Я провожу языком вокруг ее ягодиц — сначала одной, потом другой — и она извивается подо мной, слегка постанывая. Я приоткрываю рот и мягко прикусываю плоть. Ее стоны становятся громче.

Желание пульсирует в каждой вене. Я твердый и готов к подвигам, но не хочу торопиться, потому что наслаждаюсь каждой секундой происходящего. Сжимаю пальцами ягодицы, приподнимаю ее и застаю врасплох, медленно и протяжно облизывая ее влажную киску.

У нее перехватывает дыхание.

— Не ожидала этого.

— Я так и думал. Но, вижу, тебе это понравилось.

— Да, — судорожно выдыхает она.

Но сейчас мой рот ей больше ничего не подарит. Поэтому перехожу к ногам, желая зацеловать все ее тело, довести до кондиции и сделать горячей и влажной. Пробегаю языком по внутренней стороне ее бедра.

— Каждый миллиметр, — мягко шепчу я, касаясь ее кожи, — я хочу пометить и поцеловать, потрогать каждый миллиметр твоей нежной кожи.

— Я тоже хочу этого, — говорит она с придыханием, ее голос становится хриплым, а это значит, что она заведена. Я уже умею читать ее мимику, различать сигналы ее тела, понимать, как она реагирует на меня — и все это за какие-то несколько дней. Мне нравится узнавать ее тело и его желания.

Например, место под коленом — это ее эрогенная зона. Я оставляю там поцелуй, и она издает легкие сексуальные стоны.

Продолжаю путешествие по ее телу и целую вторую ногу, приближаясь к попке. А затем сжимаю ее ягодицы, наклоняю бедра и зарываюсь лицом между ее ног. На вкус она шелковистая и сладкая. Так прекрасно ощущать на языке влагу ее возбуждения и запах, заполняющий мои ноздри. Она прижимается ко мне, и желание трахнуть ее распирает мне грудь, пробирая до самых костей. Все, что я хочу — это она. Я целую ее сладкую киску, пока она не кончает мне в рот.

Отодвигаюсь, чтобы раздеться, и она переворачивается. Губы открыты, глаза блестят, кожа пылает.

— Ничего себе, — говорит она.

В ответ я приподнимаю бровь и сбрасываю рубашку.

— Кажется, я становлюсь зависимой от твоего рта, — говорит она нежно.

— Это хорошо. Потому что мой рот впал в зависимость от тебя.

Когда я собираюсь снять штаны, она садится и берет инициативу в свои руки, расстегивая мои джинсы.

— Я хочу сделать это сама.

Она стягивает с меня трусы, и мой член салютует ей.

У нее вырывается звук, похожий на мурлыканье.

— Я тоже рада тебя видеть, — говорит она и высовывает кончик языка. Облизывает головку, и прежде чем затеряться в волшебном мире ее прекрасные греховных губ, я быстро отодвигаюсь. Хватаю Шарлотту за бедра и переворачиваю ее. — Встань на четвереньки, как послушная плохая девчонка, — говорю я ей.

— Разве я плохая девчонка?

— Когда ты со мной, — говорю я и встаю, чтобы взять презерватив.

Но останавливаюсь, чтобы полюбоваться потрясающим видом, открывающимся передо мной — Шарлотта стоит на четвереньках, ее великолепная попка приподнята. Я слегка шлепаю ее по ягодице. Она вздрагивает, но сексуально постанывает.

— О, Боже.

Этот звук. Ее слова. Ее стон. Эта женщина — мечта. Она дает понять, как сильно ей нравится все, что я делаю, и сам понимаю, насколько сильно мне нравится ее трахать. Я опускаю голову и целую ее попку там, где ударил. Затем возбужденно хватаю ее за запястья и толкаю на кровать.

— Я передумал. Опустись на локти. Задницу выше.

Она выгибается, как танцовщица, следуя моим указаниям. Я провожу головкой члена по ее влажности. Она стонет и придвигается ближе, желая меня, приглашая меня, нуждаясь во мне. Я еще раз шлепаю ее, и она вскрикивает от удовольствия.

Натягиваю презерватив и погружаюсь в нее. Белые горячие искры стреляют по моим венам. Плотность, жар — это удивительно. Из меня рвется низкий, гортанный, животный рык.

— Ты, — говорю я со стоном, — такая сексуальная. Кажется, я готов разбить в тебе лагерь на всю ночь.

Она то ли смеется, то ли стонет.

— Ты псих.

— Нет, просто никогда в жизни не был так возбужден, — говорю я низким голосом и начинаю двигаться.

Шарлотта внезапно замолкает. Больше ни стонов, ни всхлипов, ни диких вздохов. Затем негромким, но чистым голосом спрашивает:

— Правда?

Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Боже мой, какая беззащитность в ее доверчивых глазах, в ее изогнутом передо мной теле.

— Да, — отвечаю я, толкаясь в нее на всю длину. — Я клянусь, Шарлотта. Черт возьми, ты что-то сделала со мной, — я выхожу из нее, оставляя только кончик. Она извивается, пытаюсь вернуть меня обратно. — Ты сводишь меня с ума. Ты делаешь меня сумасшедшим, — я вхожу глубоко, и ее дыхание выливается в великолепный стон, — я не могу насытиться тобой.

— О, Боже, я чувствую то же самое, — говорит она и наклоняется ниже, приподнимаясь

попкой выше, предлагая больше.

Она все, что я хочу. Всю. И я трахаю ее до тех пор, пока она не кончает, захлебываясь безумным криком. Мышцы натягиваются, в глазах туман, и мой собственный оргазм берет в плен тело, заливая ярким горячим удовольствием.

Я падаю на кровать, Шарлотта падает рядом. Она кладет голову на сгиб моей руки, а сама она такая горячая, потная и обнаженная. Рассеянно я глажу пальцами ее по волосам, а она проводит рукой по моему животу.

— Это было потрясающе, — бормочет она, — думаю, это был наш лучший раз. Я бы наградила тебя золотой звездой за выдающиеся достижения в области оргазма. Или даже поставила памятник.

— Я хотел бы поблагодарить Академию... — начинаю я передразнивать ее.

Она шлепает меня по груди.

— Так ты притворялся? Хорошо, потому что я тоже, — говорит она раздраженно.

В одно мгновение я уже на коленях и прижимаю ее к кровати.

— Нет, ты не притворялась.

В ее глазах насмешка.

— Да. Да, именно это я и делала.

— Нет. Но благодаря этому заявлению ты еще раз покажешь мне, какое удовольствие получаешь, когда я трахаю тебя, — и в ту же секунду поднимаю ее запястья над головой, другой рукой нащупывая на полу ее платье. Выдергиваю ленту из петель пояса и связываю ей запястья, а затем обматываю вокруг стойки кровати. Ее глаза неотрывно следят за моими руками, пока я затягиваю розовую ткань. — Красотка в розовом, — бормочу я, пробегая пальцем по ее губам.

Я нахожу другой презерватив и раскатываю по члену. Да, снова чертовски твердому. А как иначе? Она привязана к моей кровати, все еще влажная от двух предыдущих оргазмов. Естественно, у меня каменный стояк. Я развожу ее бедра, наслаждаясь открывающимся зрелищем — ее раскинутые ноги, связанные руки и широко открытые глаза.

Вклинившись между ее бедер, я говорю:

— Теперь ты будешь молить о нем.

— Я?

— Да, — грубо говорю я, — потому что по-другому ты его не получишь.

Я скольжу в нее, но всего на пару сантиметров. Опустившись на локти, ложусь на нее и в течение нескольких минут медленно трахаю, постоянно подразнивая и не входя полностью. Она извивается и стонет подо мной, и с каждым толчком с ее губ срывается сексуальное бормотание.

— Скажи это. Скажи, как сильно ты меня хочешь.

— Я не притворялась. Я сказала это в шутку, — говорит она, тяжело дыша.

— Скажи мне, как сильно ты хочешь этого. Скажи, как ты хочешь мой член.

Шарлотта приподнимает бедра.

— Я хочу тебя. Я так сильно хочу тебя. Трахни меня глубже. Умоляю тебя, — она плачет, реально умоляя, и наблюдать за ней, доведенной желанием до отчаяния — истинное удовольствие.

Я трахаю ее жестко и глубоко, пока она не начинает сходить с ума от удовольствия. До тех пор, пока ее крики не становятся хриплыми. До тех пор, пока ее глаза не зажмуриваются. Пока она снова не кончает, выкрикивая мое имя.

Очередной ее оргазм звучит для меня чертовски прекрасной музыкой, и я кончаю следом за ней, опять содрогаясь всем телом.

Когда я развязываю ее, она запускает руку мне в волосы, притягивает к себе и целует.

— Я соврала. *Этот* раз был лучшим.

— С каждым разом будет все лучше, — говорю я мягко.

Вскоре Шарлотта встает и начинает собирать одежду. Она ходит по кругу, выискивая что-то на полу.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я с любопытством.

— Одеваюсь.

— *Почему?*

— Чтобы уйти. Разве это не правило сделки?

Я ползу к краю кровати и, к ее изумлению, удерживаю, крепко обняв за талию.

— Что *ты* делаешь? — вскрикивает она.

Я бросаю ее на матрас и начинаю щекотать.

Она вырывается.

— Прекрати.

Я не отступаю. Кончиками пальцев пробегаю по ее бокам, заставляя извиваться.

— Я остановлюсь, если ты останешься на ночь.

— Сжался, сжался, — выкрикивает она, и ее широкая улыбка подобна звездам, освещающим ночное небо.

Я подтягиваю ее к себе, убираю волосы за ухо и шепчу:

— Ты останешься?

Ее дыхание замирает.

— Да. Тебя не заботит, что мы нарушим еще одно правило?

— У нас все еще впереди. Я имею в виду, меня это не волнует до тех пор, пока ты, проснувшись, не попытаешься поцеловать меня.

— Из-за утреннего дыхания?

Я киваю.

— Не твоего. Просто в целом.

Она морщит нос.

— Утреннее дыхание — отличное новое правило. Ненавижу утренний запах изо рта.

— Я тоже.

— Но у меня нет зубной щетки.

— У меня есть запасная. Совершенно новая, — говорю я ей.

Она прижимает указательный палец к губам, словно взвешивает все варианты.

— А какой пастой ты пользуешься?

По моим щекам расплывается румянец.

Она замечает это.

— Не говори мне, что ты пользуешься пастой со вкусом жвачки.

Я качаю головой.

— Нет. Я купил твою любимую. Мятную.

Ее глаза сверкают, и она прижимает руку к груди. Это так мило.

— Ты купил мне зубную пасту.

Ее голос счастливее, чем тогда, когда я купил ей кольцо. Мое сердце бьется быстрее, и с языка рвутся слова. Слова, объясняющие эти странные чувства внутри меня. Я приоткрываю

губы, чтобы что-то сказать. Сказать о том, что я начинаю чувствовать к ней. Насколько реальным все это становится.

Но останавливаюсь, когда она приближается к моим губам и шепчет:

— Ты на самом деле мой лучший друг.

Друзья.

Да. Она хочет быть друзьями.

Харпер облизывает рожок с лимонным мороженым.

— Это не возмещает утрату веры в Санту, — говорит она, указывая на угощение, когда мы отходим от ее любимого мороженщика. — Но начало неплохое, и ты купил мое молчание на несколько дней.

— Хорошо, это все, что мне нужно.

— Видела ваши с Шарлоттой фото сегодня утром, — она толкает меня, пока мы идем по Центральному Парку на короткую тренировку по софтболу со звездой нашей команды Ником. Мы зарезервировали на троих полчаса на поле в пятницу перед завтрашней игрой. У меня с собой перчатки и бита, а Харпер держит свои перчатки в свободной руке.

— Ты действительно не можешь сдержаться и не выискивать обо мне информацию в сети, не так ли? — дразню я ее.

— Знаю. У меня ужасная зависимость от сплетен.

— Так их выставили? Фото в «Сарди»? — спрашиваю я, убеждаясь, что подозрения относительно Эйба были небезосновательными.

— Ага.

— Это репортер из *Metropolis* тот еще гад.

Наморщив лоб, она облизывает ледяное лакомство.

— Это было не в *Metropolis*.

Мы входим в парк, и я спрашиваю:

— Тогда где?

Она смущенно качает головой.

— Мне действительно не верится, что ты не смотришь материалы о себе.

— Поверь мне. Никогда этого не делал. А теперь рассказывай.

— Это было на «Шестой Странице».

Я выпучиваю глаза. «Шестая Страница» — крупнейший нью-йоркский рассадник сплетен. Я всегда старался избегать «Шестую Страницу».

— Как так получилось? Я думал, он работает в *Metropolis Life and Times*.

— Это их стажер, — говорит Харпер, — Эйб Кауфман. Я посмотрела информацию с нем. Он учится в школе журналистики в Колумбии, поэтому работает фрилансером в *Metropolis Life and Times*, а до кучи в «Шестой Странице». Похоже, он продал ваши совместные фото крупнейшему центру сплетен.

Какой настырный засранец.

Я просчитываю преимущества. Если «Шестая Страница» публикует мое фото с любимой невестой, это может стать ключиком к успеху в решении проблем с отцовской сделкой. Офферман описается от счастья, увидев на фотографии приличного и солидного, практически женатого сына уважаемого бизнесмена, у которого он покупает магазин.

— Что пишут? — спрашиваю я с надеждой.

Она останавливается на полпути, кидает мне свои перчатки, достает телефон и откашливается:

— Гм...

«Спенсер Холидей, сын основателя известной ювелирной сети «Катарин» и

создатель сайта знакомств, ставшего популярным благодаря запрету на публикацию фото определенного предмета мужской анатомии, помолвлен со своим деловым партнером и совладелицей популярной сети баров «Лаки Спот». Шарлотта Родес — выпускница Йельского университета, и размер огромного бриллианта на ее пальце под стать послужному списку Холидея. Похоже, в ближайшее время он собирается поставить в нем точку, хотя всего несколько недель назад добавлял в него новую запись. Конец холостяцкому разгулу. Время завязывать, Холидей! Ожидайте новых пикантных фото и полного рассказа о помолвке в воскресном выпуске.»

Перед глазами пелена. Я хочу найти и задушить этого сопляка-репортера с лошадиной рожей. Подождите-ка, я противник насилия. Вместо этого сыграю грязно и налеплю на его страницу в «Фейсбуке» такое количество снимков яиц, что он вынужден будет удалить ее.

Не моих яиц.

Просто яиц. Желательно в сочетании со стояком.

Я провожу рукой по волосам.

— Это как раз то, чего отец не хотел бы увидеть в газетах, — я указываю на телефон. — И что, черт возьми, он собирается добавить к этому в воскресенье? Он выяснил, насколько недавно мы помолвлены и давно ли начали встречаться. Что тут интересного? Но эта статья — просто полное дерьмо. Почему журналюга написал этот материал? Зачем им это?

— Это продается — вот почему. Но я показала тебе этот отрывок по другой причине.

Я передаю ей телефон, и мы идем дальше.

— Зачем ты показала это мне?

— Ты на самом деле не понимаешь, почему я читаю эту фигню?

— Потому что любишь сплетни?

— Ну какой же идиот. Я делаю это для тебя. Чтобы подстраховать тебя.

Я тут же смягчаюсь.

— В самом деле? Ты делаешь это для меня?

— Ну а для кого еще? Ты этого не делаешь. Я выискиваю о тебе материал в интернете, чтобы убедиться, что нам ни с чем не нужно разобраться, а это как раз то, с чем нужно разобраться.

Я киваю.

— Правильно. Мы должны разобраться с этим ради отца.

— Опять ошибаешься, — она качает головой и останавливается под деревом магнолии, раскинувшего над нами пышную зеленую крону. — Взгляни еще раз, — она разблокирует экран, — посмотри на это фото.

Я смотрю на изображение. Эйб поймал момент, когда я вдыхал аромат у шеи Шарлотты. Мое лицо видно только наполовину, во весь экран Шарлотта — сияющая и радостная. Ее глаза сверкают, и клянусь, что вижу в них какое-то мерцание, а мыслями возвращаюсь к ее шее и тому запаху прошлой ночи. Он всплывает в моей памяти — персики. Она пахла персиками и непристойными фантазиями.

Как счастье и желание — все сразу.

— Понимаешь, о чем я?

Я смотрю на свою сестру и понимаю, что пока витал в воспоминаниях, она что-то говорила мне.

— О чем?

Она тычет в мою грудь указательным пальцем.

— Не разбивай ей сердце.

Я смотрю на нее, как на сумасшедшую, но это тот редкий момент, когда ее голубые глаза серьезные. В них нет ни шутки, ни издевки.

— Мне нравится Шарлотта, — добавляет она, пока мы идем к полю, — и, хотя изначально это было фиктивным, теперь становится реальным. По крайней мере для нее.

Я хочу сказать, что и *для меня тоже*, но ее слова заставляют умолкнуть — не уверен, что смогу сформулировать это. Я был настолько уверен, что все правила Шарлотты настоящие и что она пошла на эту сделку только из-за секса. Что после нескольких перепихов в конечном итоге мы должны остаться друзьями. Но у женщин сильная интуиция, и моя сестра не исключение. Они видят все не так, как мужчины.

— В самом деле?

Харпер закатывает глаза. Ах, моя заноза-в-заднице-сестра снова здесь.

— Понимаю, это шокирует, потому что твои познания в любви и отношениях удручающе ограничены. У тебя никогда не было серьезных отношений.

— Это не так, — говорю я, пока мы продолжаем идти по парку. — У меня была Аманда в колледже.

— Ох, ну ладно. *Четыре месяца*. Вау. Позволь мне позвонить в Книгу Рекордов, потому что это тааааак серьезно.

— Тогда это казалось серьезным.

— Спенсер, это может удивить, учитывая разбитые сердца, оставшиеся после тебя, но иногда, Бог знает почему, у женщины могут возникать какие-то чувства, пока ты ей вставляешь. Просто будь осторожен, особенно, если этот человек тебе дорог как друг, — говорит она, когда мы добираемся до поля.

Ник уже там и практикует свои броски.

В моей голове мечется миллион вопросов.

Я хочу усадить Харпер и устроить ей допрос, чтобы узнать больше о Шарлотте, но сестра толкает меня локтем. Облизнув губы, она украдкой смотрит на Ника.

— Он так чертовски горяч.

Бита вываливается из моих рук, и прежде, чем я успеваю отскочить, падает на пальцы ноги.

— Твой мозг похитили пришельцы?

— Посмотри. На. Него, — она тарашится на моего приятеля, одетого в шорты и футболку. — Его руки. О, мой Бог. С такими руками надо сниматься в порно. Я сделаю несколько фото, чтобы рассмотреть их позже, — она начинает делать снимки на свой телефон.

— Я звоню в психушку. Тебя надо обследовать, — говорю я, морщась от боли в ушибленном пальце на ноге.

Ник ловит ее взгляд и ставит биту на землю, небрежно опираясь на нее, словно какой-то звездный игрок.

— Эй, Харпер. Смотришься сексапильно.

Сексапильно? Какого черта? Части света поменялись местами, и Нью-Йорк оказался в океане вместо Калифорнии, потому что, черт возьми, мой лучший друг заигрывает с моей сестрой?

Харпер кокетливо выпячивает бедро. Она машет Нику пальчиками и хлопает ресницами.

— Как и ты, горячая штучка, — говорит она, а затем, подмигнув, указывает на его футболку. — Может, снимешь ее? Так, чтобы у меня случился еще один удар.

— О, да, — говорит он и стягивает футболку на манер стриптизера.

— Мммм, — она облизывает губы и изображает кошачьи когти.

Она наклоняется ко мне и шепчет:

— Сегодня ночью мы с моей рукой будем мечтать о нем.

Мои глаза выскакивают из орбит, и я сжимаю ее плечи.

— Ты должна остановиться. Тебя еще не поздно спасти. Есть лечебные центры для временно помешанных.

— Тебе не остановить этот поезд, — говорит она, бросая перчатки на землю. Сунув свое мороженое мне в руку, она бежит к полуобнаженному Нику, демонстрирующему голую грудь и накачанный пресс. Харпер пробегает ногтями вниз по его груди, а затем обнимает его за шею.

Мои кулаки сжимаются, но не потому, что я хочу врезать Нику, а потому, что меня охватывает какой-то первобытный братский защитный инстинкт.

— Чувак! Руки прочь! Это моя сестра!

Харпер поворачивается ко мне.

— Попался! Это за то, что разрушил мою веру в Санту.

Требуется некоторое время, чтобы стереть образ обнимающихся моей сестры и Ника, даже если это и был просто розыгрыш, но я справляюсь.

Благодаря новой навязчивой идее.

Эта фотография. Я не могу перестать думать о том, что Харпер сказала о Шарлотте, и не могу перестать смотреть на фотографию в «Шестой Странице», будто в ней разгадка всех тайн мира.

Я смотрю на нее, пока иду к остановке Columbus Circle, оставив перчатки и биты в квартире Ника недалеко от парка. Уткнувшись носом в телефон, я спускаюсь по лестнице и запрыгиваю в поезд. Хватаюсь рукой за поручень, и в это время девушка-хипстер в зеленых обтягивающих брюках проталкивается к поезду, втискиваясь между закрывающимися дверями. В обеих руках у нее сумки.

— Уф, — успев, говорит она с облегчением. Но край одной из сумок зажимает между дверей, и она выдергивает его на свободу, превратив во вращающийся вокруг своей оси клубок.

Что-то ударяется о мой локоть, и я вздрагиваю.

— Оу.

Она прижимает ко рту ладонь.

— Ты в порядке? Это мой майонез?

— Майонез? — спрашиваю я, потирая локоть, в то время как поезд несется по туннелю.

Что такого в локтевых костях, что они болят так сильно?

— В этой сумке у меня банки с майонезным песто. Я делаю его сама. И угощаю друзей. Все в порядке? — с полными ужаса глазами она роется в своей соломенной сумке на плече.

Боль распространяется по всему предплечью, пока она проверяет, в порядке ли ее соусы. — Не волнуйся обо мне. Твой Майонез только что напал на меня, но я не буду выдвигать обвинения, — бормочу я себе под нос и вздрагиваю.

Она смотрит на меня, медленно приходя в себя.

— Ты в порядке?

Я киваю.

— Да. Сейчас мой локоть и палец на ноге сравнялись по состоянию.

— Майонез упал тебе на ногу?

— Нет. Чуть раньше мою ногу атаквала бейсбольная бита. По-видимому, неодушевленные предметы сегодня охотятся на меня, — говорю я, и боль стихает. — Твой майонез с ними заодно?

Она кивает и держится за поручень, пока мы пыхтим до следующей остановки.

— Он выживет. Извини, что ударила тебя.

— Все нормально. Издержки опасной городской жизни.

Она всматривается в экран зажатого в моей руке телефона. На нем фотография.

— Милая пара.

— А, да, — говорю я, переводя взгляд на телефон.

— Они выглядят очень счастливыми вместе, — добавляет Майо-Девушка.

— Да?

Она кивает.

— Определенно.

— Как ты думаешь, что он должен ей сказать?

Она наклоняет голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Чтобы она узнала о его чувствах к ней?

Она пожимает плечами и широко улыбается.

— Он должен просто рассказать ей то, что чувствует. Если им вместе хорошо так же, как майонезу и песто, то он должен дать ей знать об этом.

— Так ему и передам, — говорю я, когда поезд останавливается.

Когда поднимаюсь вверх по лестнице и выхожу на улицу, понимаю, что в ситуации с Шарлоттой не так все просто, как с майонезом, и не только потому, что майонез — моя самая нелюбимая пища.

«Лаки Спот» — это зоопарк. Там нет времени поразмыслить. Нет времени для планирования. И, конечно, нет времени разобраться со странными новыми идеями, которые сами собой зародились у меня в голове.

Мне нужно выработать стратегию, но я понятия не имею, *в чем*.

Быть больше, чем друзьями?

Испытывать настоящие чувства?

Выяснить, чувствует ли она то же самое?

Какими словами описать это чувство? Словно в груди находится батут, на котором мое сердце постоянно делает сальто назад. Только я никогда не практиковался в этом, и, если сделаю так снова, то есть шанс приземлиться на голову.

Или на задницу.

Возможно, даже на лицо.

Так что вот. Пятничным вечером в переполненном баре я вряд ли пойму, что делать с песто-майонезными чувствами.

В вечерний час пик ярываюсь между оформлением заказов на ноутбуке, рассказом Шарлотте о приключении в поезде и помощью за барной стойкой, пока сама Шарлотта в подсобке работает над идеей новой маркетинговой кампании.

— Закончился «Бельведер», — замечает Дженни из-за стойки и трясет пустой бутылкой.

— Я принесу одну, — говорю я и направляюсь в подсобку, где откинувшись на спинку стула сидит Шарлотта, одетая в джинсы и белый топ на бретелях. Едва увидев ее, я замираю, и в голове проносятся образы: наше фото, тот момент на углу Сорок Третьей, майонезный песто, зубная паста, ее слова, сказанные Эйбу прошлым вечером. Сердце вырывается из груди, и мне интересно — неужели это то самое, о чем повествуют фильмы, пишут в книгах и стихах о влюбленных.

— Эй, привет, — произносит она, и сладкий звук ее голоса обволакивает меня. Эта

сладость приводит в ступор, потому что ощущается очень личной и только для меня.

Да.

Именно *это* описывают в книгах, фильмах, песнях и стихах о влюбленных. Я чувствую это, когда смотрю на нее. И хотя мы еще не поместили своей близостью ни офис, ни бар — а я очень этого хочу — мои мысли вовсе не о сексе. Они о ней и о той каше из слов, роящихся в моей голове.

— И тебе привет, — говорю я мягко и указываю на шкаф позади нее. — Мне нужен «Бельведер».

— Сейчас достану, — она кладет свой iPad на стул, встает и тянется к ручке шкафа. От этого движения ее топ слегка задирается, обнажая небольшую полоску спины.

— Ты великолепно выглядишь, — говорю я.

Она смотрит на меня и улыбается.

— Ты тоже. Вечером у тебя? Или у меня?

Возможно, для нее это просто секс. Возможно, это все, чего она хочет. Но даже если так, мне нужно знать.

— Эм. Да где угодно, — говорю я, и пока она открывает шкаф, подхожу ближе, собираясь поцеловать ее в шею.

А затем резкая боль — словно удар топором по башке — и дверца шкафа встречается с моим черепом. Боль распространяется по всей голове, проникая в каждую клеточку тела.

Я выкрикиваю проклятья, потому что это адски больно.

— Господи, Боже мой. Ты в порядке? — говорит она в панике, обнимая меня рукой за плечи.

Правой ладонью я прикрываю глаза, в голове гул от удара, эхом отдающийся в висках.

— Кажется, ты ударила меня по голове, — говорю я. Похоже, сильный удар превратил меня в Капитана Очевидность.

— О, Боже, — произносит она — на этот раз шепотом — и смотрит на меня так, будто я потерял глаз.

— Что? — спрашиваю я, абсолютно уверенный, что не одноглазый, потому что все еще могу ясно видеть, но подозреваю, что мое лицо выглядит не очень.

— Это самая огромная шишка из всех, что я видела.

Итак, что же я узнал сегодня вечером.

Во-первых, оказывается, по календарю сегодня День «Навреди Спенсеру», и зло пришло трижды. Но, так как уже за полночь, хочется верить, что уровень опасности снизился до зеленого.

Но ни в чем нельзя быть уверенным.

Во-вторых, моя шишка — самая здоровенная шишка в истории человечества, но три часа непрерывного охлаждения не только в конец заморозили мой череп, но и сделали опухоль едва заметной.

Тем не менее, синяк на пол-лица говорит: «Вау, чувак, это был чертовски сильный удар».

Именно это сказал парень в аптеке, где я брал «Ибупрофен».

В-третьих, «Ибупрофен» творит чудеса.

Но реальное испытание происходит сейчас. Раздается дверной звонок. Это Шарлотта, которая написала мне, что уже на полпути с провизией. Я поворачиваюсь к Фидо. Он крепко спит на диванной подушке, высунув изо рта язык.

— Можешь открыть?

Он не отвечает, так что я тащусь от дивана к двери и нажимаю на кнопку домофона.

— Привет! Это самая сексуальная в мире медсестра, которую я заказал в агентстве сиделок?

Из переговорного устройства доносится ее смех.

— Ну да, так и есть, и я тут, чтобы обтереть тебя губкой.

Я открываю дверь и жду, пока лифт, дотащившись до шестого этажа, выпускает ее.

— Ты отрада для больных глаз, — говорю я, пока она идет ко мне.

— Только не говори, что у тебя и глаза болят, — поддразнивает она.

— Нет, только здесь, — говорю я, слегка касаясь головы.

В руках у нее несколько пакетов, и я, закрыв дверь, возвращаюсь к дивану. Шарлотта ставит сумки на журнальный столик и изучает меня. Она приближает пальцы к моему синяку, но не касается его.

— Больно?

Я киваю.

Она наклоняется и целует мой лоб.

Я стону для пушего эффекта.

— Очень. Это очень больно.

Шарлотта качает головой и, немного отстранившись, смотрит на меня.

— Шутки в сторону, как ты себя чувствуешь?

Я прикусываю уголок рта в раздумье. Что лучше? Сказать ей правду — *мне полегчало* — или выпросить сочувственный секс. Для принятия решения хватило наносекунды.

— Ужасно, — говорю я, чем и зарабатываю еще один поцелуй.

Она садится прямо, соединяет ладони и говорит:

— Хорошо, я принесла тебе твой любимый напиток, — и, дотянувшись до сумки, показывает огромного размера бутылку скотча.

Я поднимаю бровь в знак признательности.

— Холодная кунжутная лапша из твоего любимого китайского рестораника, — она достает белую коробку, демонстрируя ее мне. Я облизываюсь. — Или, — начинает она, опуская руку в другой пакет и доставая нечто, завернутое в белую оберточную бумагу, — сэндвичи на гриле, как ты любишь, из бакалейного на углу. Цыпленок, сыр и никакого майонеза. Потому что ты терпеть его не можешь.

Забудьте о сочувственном сексе. Вот, чего я хочу. Чтобы она была здесь, со мной. Она все обо мне знает. Я обхватываю ее щеки.

— Мне хочется всего.

Шарлотта целует меня, но движения ее губ осторожны, словно она не уверена.

— Я не сломаюсь, — говорю я ей, отстраняясь.

— Просто у меня ужасное чувство. Это все из-за меня. Я ударила тебя дверью.

— Ты же не нарочно, — я делаю паузу, — или нет?

Она качает головой.

— Конечно, нет.

— Я настолько паршиво выгляжу?

Она закатывает глаза.

— Не начинай. Ты великолепен. Как и всегда.

— Тогда в чем дело?

— Я просто ужасно себя чувствую оттого, что сделала тебе больно. Мне хочется, чтобы тебе стало лучше. Поэтому в знак заботы я принесла тебе этот пакет, — она указывает на лакомства.

— И я ценю это.

— Давай я принесу тебе еще льда, — говорит она и направляется на кухню, чтобы достать ледяной компресс из морозилки. Вернувшись, она прикладывает его к моему лбу. Я осторожно убираю ее руку.

— Шарлотта, я несколько часов обморазивался. Если охлаждение продлится еще дольше, то шишка уменьшится настолько, что втянется в мой мозг. Это очень опасное состояние.

Она хмурится, но, сжалившись, отстраняет компресс и жестом указывает на пузырек «Ибупрофена».

— Тебе еще что-нибудь нужно?

Я качаю головой.

— В десять вечера я выпил две таблетки и сейчас словно пьяный.

Она заламывает руки и шепчет:

— Прости меня.

Я откидываюсь на подушку.

— Что мне сделать, чтобы ты поняла — мне насрать на то, что ты ударила меня? Если этот ужасающий синяк не остановит тебя от секса со мной, то мне на него плевать, — произношу я громко.

Она качает головой.

Я смягчаю голос и пробегаю пальцами по ее шее.

— Тогда перестань суетиться надо мной. Я не хочу ибупрофен. Не хочу лед. Я даже не хочу холодную лапшу, а ведь это моя любимая еда после тех бутербродов без майонеза, что ты принесла.

— Чего же ты хочешь?

Я обхватываю ладонью ее затылок и притягиваю ближе к себе. Ее губы в нескольких миллиметрах от моих. Я знал, что не хотел секса и сочувствия. И был прав на этот счет. Я хочу секса и чего-то еще.

Секса с ней. Секса с чувствами. Секса с единственной женщиной, которая вызывает у меня все эти ощущения. Я шепчу ей на ухо:

— Тебя.

Она вздрагивает, а затем медленно и игриво сползает вниз по моему телу. Добравшись до резинки моих шорт, она шевелит бровями. Прижав руку к моей эрекции, она говорит:

— Я нахожу забавным, что твой синяк соответствует твоему члену, Спенсер.

— Да? В каком смысле? Не цветом, надеюсь.

— Самый большой из всех, — говорит она, а потом стаскивает с меня шорты и трусы. Я снимаю футболку. — Сейчас тебе станет лучше, — бормочет она и толкает меня в грудь. Я падаю на спинку дивана, а Шарлотта встает на колени между моих ног. Не отрывая от меня глаз, она садится на корточки и в предвкушении облизывает губы.

А потом берет головку моего члена в рот, и я вздыхаю, стою и рычу.

Вот это и есть настоящий Рай. Можете сверить определение по словарю. Губы Шарлотты на моем члене. Дразнящими движениями она обводит языком контур головки, затем облизывает по всей длине сверху до низу, и снова вверх, скользя языком в противоположную сторону. Жар кипящей лавой разливается по венам.

Мои бедра дрожат, и очень хочется, чтобы она взяла меня полностью, но эти ее ласки сводят с ума. Она облизывает меня, как любимую конфетку, и от этого по позвоночнику пробегают потрескивающие электрические разряды.

Она открывает рот шире и вбирает меня глубже, посасывая головку, а мои глаза закрываются, когда я попадаю в ее фантастический рот.

Но они недолго остаются закрытыми. Мне нужно видеть ее. Любоваться ею. Этими золотистыми волосами, рассыпанными по моим бедрам, ее головой, двигающейся между моих ног, ее покрасневшими припухшими губами, между которых скользит мой член.

Нет более прекрасной картины.

Бесстыдно разглядывая свою богиню, я запускаю пальцы в эти золотые пряди и тяну их.

— Возьми глубже, — шепчу я, прижимая ее к себе, и она делает это — вбирает меня глубже и сжимает ладонью яйца. Я с шипением закрываю глаза и теряю контроль. Начинаю двигаться, раскачиваться, трахать ее потрясающий рот. Рукой надавливаю на ее затылок в ожидании большего. Кожа горит, и я близок к тому, чтобы обильно кончить в ее рот.

— Твою мать, — хриплю я и отстраняю ее от себя.

Не могу кончить ей в рот. Не сейчас, когда сам безумно хочу ее. Не сейчас, когда хочу, чтобы она кончила первой!

— Тебе не нравится? — спрашивает она с беспокойством в прекрасных карих глазах.

Я усмехаюсь.

— Я в восторге от этого, но хочу, чтобы ты объездила меня, — я достаю презерватив, — и прямо сейчас. Только от этого мне сразу станет лучше.

В считанные секунды она сбрасывает с себя одежду и садится на меня. Я приподнимаю ее за бедра и опускаю на свой член. От ощущения ее тугой горячей плоти меня охватывает дрожь. Она задыхается, вбирая меня целиком.

— Ты такая мокрая. Всего лишь от минета? — спрашиваю я, начиная двигаться в ней

вверх и вниз.

Прерывисто дыша, она кивает, а потом делает самое сексуальное, что я когда-либо видел, но, кажется, даже не подозревает об этом. Когда я вонзаюсь в нее, она поднимает руку, обхватывает грудь и начинает ласкать свои фантастические сиськи. Кровь во мне закипает, превращаясь в горячую ртуть при виде объезжающей меня великолепной и распутной наездницы. Шарлотта опускает руки к животу — этому плоскому и мягкому животу, который я хочу лизать и целовать. Она стонет и прерывисто дышит. Это самая сексуальное — видеть, как она ласкает себя, трахая меня.

Она скачет вверх и вниз на моем члене, дразня себя пальцами для приближения оргазма.

Как будто мастурбирует моим членом.

Я хочу, чтобы она использовала меня. Пусть делает со мной все, что захочет. Пусть отымеет меня так, чтобы хорошо было ей. Ее дыхание прерывается, плечи дрожат, и она начинает терять контроль. Схватив Шарлотту за бедра, я подталкиваю ее к развязке.

— Сделай это для меня, детка. Ты так прекрасна, когда кончаешь.

— Я близко, так близко, — бормочет она, раскачиваясь и вбирая меня как можно глубже. Ее стоны превращаются в крики.

От ее вида я практически сгораю. Превращаюсь в горстку пепла. Ее губы. Ее рот. Ее глаза.

Вся она. Проклятье, она для меня весь мир.

Она поднимает одну руку к волосам и зарывается в них пальцами, а другой рукой продолжает ласкать грудь.

Ее глаза закрыты, и она полностью во власти удовольствия. Дух захватывает, насколько она прекрасна в своем желании затрахать меня до изнеможения. Очень скоро ее движения становятся бесконтрольными, и теперь моя очередь действовать.

— Посмотри на меня, — говорю я охрипшим голосом.

Она приоткрывает глаза. В затуманенном взгляде похоть, страсть, и что-то еще — оно чувствуется невероятно новым, и все же таким знакомым. Шарлотта снова пытается закрыть глаза.

— Посмотри на меня, — на этот раз это команда, грубая и страстная.

— Но так я быстро кончу, — бормочет она в знак протеста, но это скорее признание, потому что, не отрывая от меня взгляда, она склоняет ко мне лицо и обнимает за плечи. — А я хочу, чтобы это продолжалось, — говорит она со стоном. Понимаю, что она говорит о сексе, но тешу себя надеждой, что думает она о другом. Как и я. Между нами есть связь. Она не отводит взгляд, а я бы и не смог, даже если бы попробовал. В ее глазах я вижу все, что было спрятано в тайнике моих желаний. Сейчас же я отчаянно в этом *нуждаюсь*. Она шепчет мое имя. В ее устах оно звучит слаще меда. У меня сносит крышу. Яйца напряжены до предела, и мне нужно, чтобы она кончила сейчас, потому что я уже не в силах держаться.

— Кончи на меня, — подгоняю я ее, потому что сам готов уже взорваться. — Кончи на меня сейчас!

И, издав протяжный крик, она кончает вместе со мной. Склонившись и прижав губы к моему уху, шепчет свое заклинание — на этот раз новое.

— Я не могу остановиться. Не могу остановиться. Не получается остановить это.

Она повторяет снова и снова, и это безумно горячо. Я люблю это. Я люблю, когда Шарлотта кончает. Я люблю, когда она счастлива. Люблю трахать ее. Прямо сейчас я люблю

все — даже мою шишку, саднящий локоть, и даже бейсбольную битку, упавшую мне на ногу.

Шарлотта падает на меня и, уткнувшись в шею, целует в ухо, непрерывно шепча *так хорошо, так хорошо*.

— Очень хорошо, — соглашаюсь я, хотя это недостаточно яркое определение того, что произошло.

— Все благодаря тебе, — говорит она и прижимается ко мне, когда я крепко обнимаю ее.

— Все для тебя, — говорю я.

Сейчас я люблю весь мир и чувствую себя самым счастливым сукиным сыном, находясь в одной комнате с женщиной, в которую влюблен.

Вот что это такое. Именно вокруг этого крутились мои спутанные мысли.

Я нарушил самое главное из всех правил.

Влюбился в свою лучшую подругу.

С громким треском бита встречается с мячом, и я мчусь на третью базу, выжидая, выжидая, выжидая, приземлится ли он в перчатку игрока дальней части поля или отправит меня в «дом».

Бум. За границу.

Я с криком взмахиваю кулаком.

Ник бросает биту на землю и бежит вдоль задней линии, пока я мчусь в «дом». Наблюдающий за этими маневрами отец выкрикивает из импровизированного укрытия. Успех Ника выводит команду моего отца вперед.

Я поднимаю руку и даю пять нашему отбивающему, когда он приближается к домашней базе.

— Хорошая работа, бомбардир, — говорю я, поскольку в этом сезоне у него уже было несколько таких же дальних бросков.

И как только его ноги переступают границу базы, звучит хор из «Beautiful» Кристины Агилера. Интересный выбор. Для Ника я бы выбрал не это, но дочь мистера Оффермана назначила себя «комментатором» игры и подобрала мелодии для каждой игровой ситуации.

Эмили держит синий беспроводной портативный динамик, который воспроизводит музыку с телефона. Она покачивает бедрами, призывая нашу команду следовать ее примеру. Сестры поддерживают ее на трехрядных скрипучих металлических трибунах.

Мой отец дает пять Нику, когда тот уходит с поля.

— Ты мое золотое дно. Я пришлю тебе чек на почту, — шутит отец, пока мы направляемся к скамейке команды перед трибунами. Шарлотта встает и улыбается.

При взгляде на нее мое сердце бьется быстрее.

Сегодня, говорю я себе. У меня все распланировано. Я отведу ее в любимый итальянский ресторан в Челси и открою свое сердце. Скажу, что она единственная, и что я чертовски надеюсь ужинать с женщиной с фотографии «Шестой Страницы», а не с женщиной, считающей меня просто лучшим другом. Понятия не имею, видит ли Шарлотта во мне исключительно друга или, как я, хочет чего-то большего. Но я уверен в своих чувствах — я хочу, чтобы она была моим лучшим другом, моей возлюбленной и моим партнером. Просто хочу, чтобы она была моей, и именно поэтому сегодня утром — после того как мы почистили зубы, конечно — я пригласил ее на настоящее свидание.

Она сказала «да».

От осознания того, что у меня официальное свидание с единственной женщиной, в которую я влюблен, потеют ладони. Я встану на колени и расскажу ей, во что наше притворство превратилось для меня. Сердце в груди бешено скачет в надежде, что наши чувства взаимны.

Черт, она всю игру хранит в своей сумочке мои ключи, бумажник и телефон — может, у нее найдется местечко для выдавшего вида сердца, а? Отвернувшись от Ника, я подбегаю к трибунам и быстро целую Шарлотту. Наши губы встречаются, и она тихо вздыхает. В ту же секунду колонку Эмили взрывает Ciara «Pucker Up». Черт, шустрая девица.

Я сбегая с трибуны.

Еще один игрок из команды «Катарин» подходит к базе, и мой папа аплодирует ему.

Сегодня отец в отличном расположении духа — не только потому, что мы выигрываем, но и потому, что утром были подписаны документы. Его адвокат делает окончательный обзор и в понедельник передает их юристам. К тому времени, если все пойдет хорошо, мы с Шарлоттой станем настоящей парой, так что даже не придется расставаться. Все складывается на удивление прекрасно.

Когда я занимаю место на скамейке, Ник говорит мне тихим голосом, изображая, будто говорит с Шарлоттой.

— О, привет Шарли. Как дела? Ты все еще встречаешься со Спенсером? И как оно? Ты любишь его большое эго? О да, он огромен. Я тоже его обожаю, — он поворачивается ко мне, его голос невозмутим. — Ну, как у меня получается?

Я смотрю на него с притворным изумлением.

— Потрясающе. Как будто занимался этим всю жизнь, — а потом фыркаю в ответ, — и, кстати, надеюсь, что притворство больше не потребуется.

Он вопросительно приподнимает бровь.

Я пожимаю плечами и спокойно говорю:

— То, что было притворством, стало для меня реальностью. Надеюсь, для нее тоже. Я собираюсь поговорить с ней сегодня вечером и выяснить ее чувства.

Ник протягивает кулак.

— Дерзай, — говорит он без малейшего сарказма и издевки. — Вы двое всегда казались мне идеальной парой.

— Да? С чего бы это? — спрашиваю я, ожидая пояснений.

Но он смеется и качает головой.

— Чувак, что, по-твоему, я должен сказать? — он сжимает ладони и хлопает ресницами с наигранным восторгом. — О, это так мило, когда вы заканчиваете друг за другом предложения, да еще и оба обожаете мармеладных мишек, — он заканчивает кривляться и пожимает плечами. — Могу только сказать, что я на твоей стороне.

— Спасибо, мужик. Для меня это важно, — я останавливаюсь и прищуриваю глаза. — Кстати, если ты когда-либо прикоснешься к моей сестре, я приду ночью, побрею тебе голову и выкрасю брови в оранжевый цвет.

С выпученными глазами он хватается за голову.

— Только не волосы. В них источник моей силы.

— Вот именно! Так что будь осторожен.

Мы занимаем наши места на поле, и, когда другая команда не забивает, «Raise Your Glass» P!NK ознаменовывает нашу победу этим субботним утром. Я несусь с поля и даю пяти моим товарищам по команде.

Хлопаю по ладони мистера Оффермана.

— Теперь они все ваши, — шучу я, указывая на команду.

— Не могу дождаться, — говорит он, — мне нравится все это. Надеюсь, ты и твой друг останетесь в команде. Нам нужны сильные удары, если мы хотим выиграть чемпионат в следующем сезоне.

Чувак, это софтбольная лига выходного дня. Расслабься.

— Надеюсь, что вы выиграете, — говорю я, сохраняя радушный тон до конца песни P!NK, посвященной всем проигравшим. Эмили изображает, что поднимает стакан в соответствии со словами песни. Запихивая перчатки и кепку в сумку, я смотрю на Шарлотту, которая тоже веселится, толкаясь бедрами с Харпер. Так здорово видеть ее вместе с моей

сестрой. Я уже представляю себе Шарлотту в кругу семьи в качестве моей женщины, а не просто подруги.

Я очень ясно это вижу. Рядом с ней каждый день и каждую ночь. По-настоящему. Без притворства.

Музыка внезапно замолкает, и необузданная энергия P!NK сменяется неприятным шумом, словно кто-то записал песню на диктофон. Но из колонки Эмили доносится совсем не музыка.

Это голос.

Точнее, мой голос.

— *Ты плохо себя чувствуешь? Болит голова из-за вчерашней ночи, или что?*

Я замираю.

Кровь стынет в жилах, когда я четко и ясно вспоминаю слова и место, где состоялся этот разговор с Шарлоттой — в уборной музея искусств. Челюсть сжимается, грудь сдавило, потому что я знаю, что будет дальше. Мои глаза сканируют толпу, собравшуюся возле площадки. Людей немного, но все ключевые игроки здесь. Клан Офферманов. Мои родители. Я. Словно истуканы, слушающие записанный Эмили мой приватный разговор с Шарлоттой.

— *Я не могу больше притворяться.*

Слова, сказанные Шарлоттой неделю назад. Адреналин переполняет меня, я хочу немедленно прекратить это. Делаю шаг к Эмили и тянусь за колонкой, когда мой голос отзывается эхом прошлых дней:

— *Ты о помолвке?*

Отец хмурится. Он смотрит мне в глаза, и в его взгляде возникает то ли разочарование, то ли смущение.

Офферман смотрит, переводя взгляд с меня на Шарлотту на трибунах. Ее рот открыт, глаза полны ужаса.

Нужно. Остановить. Это.

Я устремляюсь к Эмили. Возможно, мне удастся выхватить динамик из ее рук и нажать «стоп», прежде чем прозвучат следующие слова.

— Выключи. Пожалуйста, — умоляю я, пытаюсь отобрать у нее телефон, колонку и гребаное желание совать нос не в свое дело.

Она качает головой и поднимает колонку выше, поэтому следующие слова Шарлотты звучат громко и предельно ясно:

— *Нет. С ней все в порядке. Фиктивная помолвка — не проблема.*

Эмили нажимает «стоп», и я жду, что она повернется ко мне со словами: «Попался!».

Но вместо этого появляется идущий по краю трибун Эйб и присоединяется к Эмили на поле. Пытаясь понять, я смотрю на него. Он встает рядом с Эмили и улыбается ей, как гордый...учитель?

Эмили смотрит на отца.

— Теперь-то ты мне веришь, что я не хочу изучать искусство в Колумбии?

Колумбия. Эмили пойдет в тот же колледж, что и цепкий репортер. Видимо, они знакомы. Раздувая ноздри, Офферман делает шаг вперед.

— Эмили, сейчас не время обсуждать профиль твоего будущего обучения. Что это значит?

Да, меня отчасти это тоже интересует.

Тем более, я думал, это касается меня и Шарлотты, но, похоже, тут проблема отцов и детей.

С нахальным взглядом Эмили упирает руку в бедро.

— Меня ни капли не интересует изучение искусства. Я твержу тебе об этом уже не первый год. Но ты никогда не слушаешь меня. Ты никогда не слышишь, чего я хочу. Мне хочется изучать бизнес в колледже. Быть, как ты. Но ты считаешь, что бизнес — это мужской мир. Ты не прав! Хотя бы потому, что я буквально спасла тебя от покупки бизнеса у лжецов. Едва познакомившись с ними, я поняла, что здесь что-то не так, — говорит она, указывая гневным жестом на нас с Шарлоттой. — Поэтому я поговорила с Эйбом на обеде в «МакКой» и поняла, что поступаю в тот колледж, который он посещает. И угадай, что? Он почувствовал то же самое по отношению к счастливой парочке. Тогда мы решили поработать вместе, чтобы докопаться до сути коммерческой сделки и проникнуть в самое сердце этой истории. И вот оно, папочка.

Она указывает на меня обвиняющим жестом.

— Спенсер Холидей сфальсифицировал свою помолвку с Шарлоттой Родос, чтобы ты купил «Катарин», будучи уверенным, что это благонадежный семейный бизнес, как тебе и хотелось, а не связанный с человеком, широко известным в деловых кругах своими пикантными фотографиями.

Руки в боки, ноги расставлены, в глазах одержимость.

— Неплохой заголовок для завтрашней статьи Эйба? Дадите официальный комментарий?

Эйб и Эмили смотрят на нас с самодовольным восторгом, но мой взгляд нацелен на Эмили.

По большей части, мне хочется рассмеяться и заявить всем, что все это выдумки маленькой сумасшедшей лгуньи. Хотя, не буду скрывать, в глубине души есть желание поаплодировать девчонке за мужество. Не очень приятно быть целью ее закулисных игр, но, твою мать ... У Эмили определенно есть яйца, раз она бодается с этой сексистской свиньей — ее папашей. Она переиграла всех нас — тот флирт за ужином вовсе не был флиртом. Почувяв ложь, она играла со мной, чтобы докопаться до истины.

— Это правда?

Вопрос задал не Офферман. А мой отец. Человек, которым я восхищаюсь. Человек которого уважаю. Человек, благодаря которому я всего за неделю изменился к лучшему. Я готов стореть со стыда, когда отец обходит мистера Оффермана. Он смотрит не на того, с кем заключил сделку. Он смотрит на своего сына.

Его плоть и кровь, который солгал ему. Опозорил его. Обманул всех присутствующих.

Мое лицо пылает. И тот факт, что мои чувства к Шарлотте стали настоящими, ничего не меняет. Больше ничего не имеет значения. Я киваю и пытаюсь сформулировать ответ.

Но звук шагов по шаткому металлу прерывает меня. Шарлотта пробегает по импровизированным трибунам и пересекает газон поля.

— Стоп, — говорит она и, подняв руку, крутит кольцо на пальце. — Фальшивая помолвка была моей идеей. Спенсер не виноват.

Мой отец хмурится и поворачивается к ней.

— Что ты имеешь в виду?

— Это была моя идея, — говорит она с раскаянием в голосе и чувством вины в глазах. — Я попросила Спенсера притвориться моим женихом, чтобы мой бывший парень

прекратил доставать меня, — мрачно продолжает она и снимает кольцо, а я, стиснув зубы, с ненавистью наблюдаю, как оно покидает ее палец.

— Это не так, — говорю я. Она берет мою вину на себя, и я не могу ей этого позволить. Это мой косяк, и разбираться с ним должен я.

Здрав подбородок, она настойчиво произносит:

— Это правда, — ее глаза устремлены на меня, и только на меня. Они словно говорят: «не смей перебивать». Шарлотта смотрит на моего отца и мистера Оффермана. — Это все из-за меня. Мне было нужно, чтобы Спенсер притворился моим женихом и отвалил моего бывшего. Мы живем в одном доме, и после нашего расставания это стало кошмаром. Все знают, что он изменил мне, и я вынуждена была постоянно встречаться с этими жалостливыми взглядами... Но, когда он начал каждый день умолять меня вернуться, я поняла, что нужно какое-то радикальное решение, чтобы это прекратить.

Миссис Офферман едва заметно кивает головой. По ее взгляду похоже, что она понимает положение Шарлотты.

Шарлотта так чертовски убедительна — но она не должна быть убедительной. Ей просто нужно быть честной. Почти все, что она говорила до сих пор — правда. Даже если первоначально идея исходила от меня, остальная история совпадает.

Кроме моего обмана.

— Шарлотта, ты не должна этого делать, — говорю я тихо, чтобы слышала только она.

Она качает головой, и говорит, обращаясь ко всем:

— Нет, должна. Я попросила его притвориться, что мы помолвлены, чтобы, наконец, иметь возможность жить спокойно. Пожалуйста, не вините Спенсера. Фиктивная помолвка была моей идеей, и он пошел на это, потому что действительно прекрасный парень и просто хотел мне помочь. Мы спланировали каждую деталь, в том числе и то, как все это закончится, — она вздыхает, но продолжает с высоко поднятой головой: — Это должно было продлиться неделю, и сегодня срок истек. Так что, полагаю, все закончено, — она снимает кольцо. Ее глаза темнее, чем когда-либо. Непроницаемы. Она обводит всех взглядом. — Все это время мы только притворялись, но не по той причине, о которой вы думаете, — она кладет кольцо мне на ладонь и сжимает вокруг него мои пальцы.

— Спасибо, что сделал это для меня, — она обнимает меня и шепчет: — Мне так жаль.

Мои мышцы напрягаются в слабой надежде услышать дальше: «*Я хотела бы поблагодарить жюри... Полагается ли мне награда за разыгранное представление?*» Но она молчит, и это извинение так похоже на правду, как и сказанные перед этим слова.

Она разрывает объятия, бросает взгляд на остальных и повторяет одними губами:

— Прости.

И уходит. Уходит от меня. Это уже не притворство, потому что все слишком реально, и с каждым ее шагом во мне что-то обрывается. С идиотским видом я, как истукан, стою на поле, а внутри все сжимается от скопления эмоций, и это замешательство начинает превращаться во что-то более сильное. *Боль*. Чертовски сильная боль, словно прямой удар в сердце. Она не любит меня.

Все это время мы только притворялись.

Мистер Офферман поворачивается к моему отцу, раздувая ноздри и гневно сверкая глазами.

— Меня не волнует, чья это была идея. Я не имею дел с лжецами. Сделка аннулируется, — говорит он, размахивая руками.

Из колонки Эмили начинает звучать песня Рианны «Take a Bow».

Я стою с поникшей головой, а Офферман кричит своей дочери:

— Достаточно.

Хотя бы в этом наши мнения совпали.

В голове хаос, а в груди зияющая дыра.

Но Харпер это не останавливает. Она со мной не церемонится.

— Слушай, — она сжимает рукой мое плечо. Я бреду через парк между ней и Ником. —

Учитывая произошедшее, у тебя сегодня дел по горло.

Хорошо, что она взяла на себя руководство, потому что сам понятия не имею, куда идти и что делать. Пятнадцать минут назад из-за меня сорвалась сделка, которая была самой важной частью карьеры отца. А Шарлотта стала лишь воспоминанием. Я пытался найти ее, но она словно испарилась. Можно было позвонить ей с телефона Харпер, но пока все произошедшее оседает мертвым грузом в моем сердце, я не уверен, что готов к такого рода самоистязанию. *Эй, Шарлотта. Облом, конечно, что ты не влюблена в меня, но у меня есть несколько идей для нашей маркетинговой кампании. О, чудесно. Рад, что тебе нравятся мои планы продавать больше шотов. Тогда чипсы сегодня с тебя.*

— Хорошо. Что по списку? — спрашиваю я безразлично. — Есть шанс проснуться от этого кошмара?

Она усмехается и притягивает меня ближе, чтобы увернуться от скейтбордиста.

— Нет. Добро пожаловать в твою жизнь, Спенсер Холидей. Твой болтливый рот подкинул изрядное количество проблем, но из этой ямы ты должен выбраться сам.

— Хотя яма размером с черную дыру, — говорит Ник. — У тебя есть лопата, которой можно выгрести дерьмо со дна?

Здесь бы рассмеяться. И я действительно пытаюсь. Но вместо этого хмурюсь.

— Пока будем искать лопату, может, подскажешь, как быть с Шарлоттой? Видишь ли, у меня совместный бизнес с женщиной, которая отшила меня в присутствии семьи.

Сестрица дарит мне такой взгляд, от которого асфальт закипит.

— Она не первый пункт в списке дел, Спенс.

— Как это?

Харпер качает головой, когда мы выходим из парка и поворачиваем к Пятой авеню. Она указывает куда-то вдоль улицы.

— Вперед. Через десять кварталов увидишь ювелирный магазин. На шестом этаже находится офис нашего отца. Ты должен пойти туда и валяться у него в ногах.

Опустив плечи, я вздыхаю.

— Я действительно все изгадил.

Ник сочувственно смеется.

— Да уж, чувак. Но теперь пришло время убирать за собой дерьмо.

Я развожу руками. Позади нас вдоль Пятой авеню тащится конный экипаж.

— Как это делается? Наворотить дел я могу, но исправлять... На что это похоже?

Ник качает головой.

— Похоже на процесс обратной фильтрации, только вместо воды фильтруются твои косяки. Теперь понял?

Харпер закатывает глаза.

— Парни. Сфокусируйтесь. Сейчас не время практиковаться в остроумии.

Я ерошу волосы рукой.

— Отлично. Давайте сделаем это. С чего начнем?

Харпер делает глубокий вздох и поворачивается к Нику.

— Подскажем ему, или пусть сам разбирается?

Ник приподнимает уголки губ и поправляет очки.

— Не уверен, что сегодня его мозг работает в полную силу.

— Подсказать мне что? Вы двое уже обсуждали это?

— Естественно, болван! Пока ты бегал, пытаясь догнать Шарлотту, — говорит она, и я вздрагиваю, вспомнив, как после песни Рианны помчался за ней вдогонку. Но белокурой красавицы и след простыл, а я остался в одиночестве залечивать сердечную рану. К тому же, у нее остались мои вещи — телефон, ключи и бумажник, так что сейчас я гол как сокол.

Вообще без гроша.

— Что я, по-вашему, должен сделать?

— Чувак, для начала извинись перед отцом за ложь. Ты должен объяснить, почему так поступил. Что это была ошибка, несмотря на благие намерения. Что ты раскаиваешься, — говорит Ник, не желая ходить вокруг да около.

Я киваю.

— Понял. Я могу сделать это.

— А потом постарайся разгрести этот бардак, — добавляет Харпер.

— Как?

— Ты должен попросить Оффермана выслушать тебя. Вдруг у тебя получится сгладить ситуацию.

Меня передергивает от одной мысли, что придется унижаться перед этим говнюком.

— Он больше не желает иметь никаких дел с отцом.

— Это сейчас, — говорит Ник. — В запале можно многое сказать. Посмотри, может он уже остыл. Ты должен попробовать.

Я киваю. Ясно, что они правы.

— А если это не сработает?

Они снова переглядываются, а затем смотрят на меня.

— Все в твоих руках. Только ты можешь разгрести это, — говорит Харпер.

— Вот черт, — произношу я мрачно, представив себе, чем это мне грозит.

Харпер дает мне десять долларов. Я чувствую себя школьником, получившим карманные деньги.

— Потратить их можно только на проезд в автобусе до дома, дорогой, — говорит она тоном мамочки, наставляющей ребенка. И подталкивает меня ко входу в «Катарин». — Иди.

Я вхожу, выглядя, мягко говоря, неуместно в своих спортивных шортах и бейсболке. Иду к лифту и нажимаю кнопку шестого этажа. Двери мягко закрываются, и я делаю глубокий вдох, пытаясь сконцентрироваться на разговоре с отцом. Не на Шарлотте. Не на худших в моей жизни словах.

Все это время мы просто притворялись.

Не понимаю, как мог так ошибаться относительно наших отношений. Я был чертовски уверен, что между нами была не просто нереальная химия, а нечто большее. А оказалось, что я, как самоуверенный ублюдок, убедил себя в том, что эта женщина меня хочет.

А вот женщина не лгала.

И вела себя так изначально.

Она предупреждала, что лгунья из нее никакая, а это значит, все сказанное на поле было правдой.

Как, черт возьми, я смогу дальше вместе с ней работать? Вести совместный бизнес?

Лифт останавливается на этаже моего отца, и двери открываются. Я выхожу и вижу знакомое лицо.

Нина подходит ко мне, одетая даже в субботний день в идеально отглаженный костюм. Хотя суббота всегда самый загруженный день для магазина.

— Привет. Ищешь отца?

Я киваю.

— Да. Он в кабинете?

— Да. Работает с какими-то контрактами.

Во мне вспыхивает надежда. Может быть, сделка снова в силе. А вдруг суматоха через пару минут улеглась, и суровый громовержец все-таки берет магазин.

Как бы то ни было, нужно уточнить.

— Мистер Офферман там?

— Нет, — говорит она с улыбкой, осторожно касаясь ладонью моей руки. — Но ты все равно зайди к нему.

Она уходит, а я со вздохом расправляю плечи и подхожу к кабинету отца.

Будь что будет — гнев или разочарование — я встречу это достойно.

Я стучу, и голос отца разрешает мне войти.

Он сидит за столом, по-прежнему одетый в спортивную форму, пальцы рук зависли над клавиатурой. По его взгляду ничего нельзя понять. Воспользовавшись моментом, я выпаливаю то, что хотел сказать:

— Пап, в первую очередь, я должен извиниться перед тобой. Я обманул и подвел тебя. Мне очень жаль. Ты не этому меня учил. Я никогда бы не притворился, что помолвлен с ней, но в свою защиту скажу, что думал — глупость, конечно — что этим помогу твоей сделке. На нашей первой встрече Офферману так явно не понравилось мое прошлое и репутация, — я показываю кавычки в воздухе, — и я подумал, что смог бы просто побыть недельку помолвленным, пока вы завершите сделку. Это не Шарлотта придумала. Идея была моей. Я думал, что совершаю верный шаг, который не даст моему прошлому испортить вашу сделку. Но вместо этого сам же все испортил.

— Спенсер, — начинает он дрожащими губами.

Я поднимаю руку и качаю головой.

— В тот раз за завтраком я должен был быть честным с мистером Офферманом. И должен был быть честным с тобой. Но я соврал. Перед началом мюзикла ты так хорошо отзывался о Шарлотте, что я почувствовал себя перед тобой лживым ничтожеством. Ты всегда учил меня другому, — я вздыхаю, готовясь сказать самую трудную часть. — Но в какой-то момент все перестало быть ложью. Потому что, несмотря на изначальное притворство, теперь это стало для меня настоящим. Я влюбился в нее.

Уголки его губ приподнимаются.

— Спенсер, — делает он очередную попытку, но я обхожу стол и продолжаю. Слова раскаяния льются из меня потоком.

— Но это не имеет значения, потому что ты слышал ее слова, — мой голос наполняется грустью, когда я вспоминаю ту ужасную фразу. — Она не разделяет моих чувств, вот и все. Очень сожалею, что втянул тебя в эту игру. Знаю, вряд ли мне удастся как-то помочь тебе, но я попытаюсь.

А затем погружаюсь в размышления о том, как я планирую действовать дальше, чтобы все исправить.

— Я знаю, что твое самое большое желание — это отойти от дел и проводить больше времени с мамой. Поэтому ты решил продать «Катарин». Я не прошу тебя передать его мне. Не прошу отдать мне свой бизнес. Но я предлагаю свою помощь. Готов управлять бизнесом для тебя. На безвозмездной основе, конечно, — говорю я, усмехаясь, потому что даже в такие моменты нельзя терять чувство юмора. Отец слушает, и его глаза начинают блестеть. — Я хорошо разбираюсь в делах. Возможно, я ужасен в отношениях, и мне явно невдомек, чего на самом деле хотят женщины. Я эгоист, и мое эго непомерного масштаба, но в бизнесе мне нет равных. И с удовольствием готов замещать тебя, пока ты насладишься свободным временем и подыщешь другого покупателя.

Я перевожу дыхание, и, хотя у меня никогда не было желания управлять магазином, а у отца и не возникало таких мыслей, это кажется мне хорошим предложением, достойным порядочного человека. Он должен понять, что я готов исправить ошибки.

Отец встает, обходит вокруг стола и скрещивает руки на груди. Останавливается и, раскачиваясь на пятках, буравит меня своими темными глазами.

Странно, он не выглядит разозленным.

— Ты прав, сын. Я не в восторге от твоей лжи и фиктивной помолвки. И тем более мне не добавляет счастья, что ради меня ты вынужден был притворяться тем, кем на самом деле не являешься, — он делает паузу и сжимает мое плечо. — Но я действительно правильно воспитал тебя, потому что сейчас ты поступаешь так, как должен.

— Я с удовольствием сделаю это для тебя, пап, — говорю я и тут же понимаю, что это правда. Готов окунуться в это с головой, потому что, видит Бог, мне нужно избавиться от мыслей о Шарлотте. Возможно, я даже продам ей свою часть бара, чтобы больше не видеться. Каждый день лицезреть женщину, разбившую мне сердце, большее укусов диких пчел.

Отец хлопает меня по спине и притягивает в свои объятия.

— Ты хороший парень. Я горжусь тем, что ты признал свои ошибки и стараешься их исправить, — со счастливым вздохом он кладет руки мне на плечи. — Но я не позволю тебе этого сделать.

Я морщу лоб.

— Почему нет?

Его глаза искрятся от смеха.

— Потому что ты спас меня. Когда подошло время принять окончательное решение, я всю голову сломал, как бы поизящней отказаться от сделки. У меня изначально возникли большие сомнения по поводу продажи магазина этой напыщенной свинье, а ты предоставил мне идеальный выход, — он указывает на уничтожитель бумаг на полу и хлопает ладонями. — Хорошо, что еще не подали документы.

На моем лице появляется легкая улыбка — первая с тех пор, как Шарлотта перекусила моим сердцем, предварительно вырвав его и порезав ломтиками.

Ладно, возможно, сказано слишком драматично. Но сердце в моей груди разбито. Однако папина улыбка не причиняет боли.

— Он действительно та еще свинья, — говорю я, ухмыляясь.

— Он отвратительно относится к женщинам. Даже к собственной жене и дочерям. Не мог же я такому передать «Катарин».

— Нет, конечно. Дай нам немного времени, и мы найдем в качестве покупателя мужчину или женщину получше, — говорю я, испытывая невероятную гордость за решение своего отца.

Он щелкает языком.

— Тут такое дело. Я уже нашел кое-кого.

Я выпучиваю глаза.

— Нашел?

— Да. Но не покупателя, — он останавливается, обводит взглядом кабинет и смотрит на дверь, словно размышляет о чем-то за ее пределами. — А того, кто будет управлять в мое отсутствие. Я не готов расстаться с «Катарин», даже если планирую меньше времени проводить на работе.

— Хорошо. И кто же это? — с сомнением спрашиваю я. Но, не успев задать вопрос, я уже знаю ответ. В голове все срослось, словно к замку подобрали правильный ключ. Я

щелкаю пальцами. — Нина! Ты попросил Нину взять на себя твои ежедневные обязанности?

Он кивает с самым сияющим видом.

— И она согласилась, — он постукивает пальцем по бумагам на столе, — над этим я и работал перед твоим приходом. Ее новый контракт. Она будет генеральным директором «Катарин», а я останусь основателем и владельцем, пока мы с твоей мамой будем бороздить моря и океаны.

— Ты такой романтик, — говорю я, восхищенно качая головой. — Нина идеально подходит. Она вместе с тобой стояла у истоков. Никто не знает бизнес лучше.

— Точно, — говорит он и делает шаг к дивану у окна с видом на центральную часть Манхэттена. — И именно по причине моего безнадёжного романтизма и благодаря счастливому тридцатипятилетнему браку я немного разбираюсь в том, чего хотят женщины. Поэтому давай поговорим о том, как ты планируешь вернуть Шарлотту. Я видел, как вы двое смотрели друг на друга.

Он похлопывает по дивану. На деревянных ногах я подхожу и присаживаюсь рядом.

— Интересная мысль. Но она ясно дала понять, что не влюблена в меня.

— Хм.

— Хм, что?

— Неужели? — насмешливо спрашивает он.

— Кажется, дословно это звучало как «Все это время мы только притворялись».

— Это ее слова. И, честно говоря, я считаю, что мужчина должен внимательнее относиться к словам женщины. Но иногда действия говорят лучше слов. А о чем тебе говорят действия Шарлотты?

И, словно в насмешку, мне вспоминается, как она снимает с пальца мое кольцо.

— Что наши чувства не взаимны, — говорю я прямо. Нет смысла ходить вокруг да около. Он сам все видел. Или нет.

Приподняв бровь, отец качает головой.

— Я видел женщину, которая ради тебя поставила под удар свое сердце.

Я смотрю на него. Таких слов я не ожидал.

— Я видел женщину, которая взяла на себя твою вину, — продолжает он, указывая на меня и себя, — и мы оба знаем, что Шарлотта не просила тебя быть ее женихом. Это ты попросил ее. Она согласилась, потому что хотела помочь тебе. Как и сегодня. Просто все произошло не так, как она рассчитывала, но Шарлотта пыталась спасти эту сделку, потому что ты ей небезразличен. Желая уберечь тебя от неприятностей, она, не раздумывая, бросилась на амбразуру.

Во мне что-то начинает оживать.

Ничего странного и непонятного — это сердце пустилось в пляс от захватывающей перспективы.

— Черт возьми, — бурчу я себе под нос, прогоняя в голове воспоминания сегодняшнего утра и вчерашнего вечера. Бутерброды, лапша, виски. Нарушенные правила, ревность, блаженные моменты близости. Ее слова в пылу оргазма прошлой ночью. Как прекрасна она была в своей наготе, восседая на мне.

Я практически рву ворот футболки. Вау. Тут жарко. Мысли о сексе сейчас совсем некстати. Отбросим их пока.

Ярче всего в голове мелькают воспоминания о том, как она постоянно спасает меня. С самого начала и до конца она всегда была рядом, когда я больше всего в ней нуждался.

— Мне нужно найти ее, — говорю я, поглаживая карманы. В них пусто. — Вот черт. У нее мой телефон. И бумажник. И ключи.

— Хорошо. Потому что спешка здесь не нужна.

— Почему? Разве я не должен просто пойти к ней и рассказать о своих чувствах? Или как?

— Или как? — он выгибает бровь, передразнивая меня. — Возможно, ты знаешь парочку способов, как заполучить женщину на ночь. Но я знаю, как добиться единственной женщины на всю жизнь, — говорит он, постукивая по груди в области сердца. — Твой отец — безнадежный романтик. Так позволь мастеру преподать ученику несколько уроков по завоеванию женщины.

Поднявшись с дивана, я вручаю ему бразды правления.

— В школе я мог любому надрать задницу. Учи меня своим секретам.

Он окидывает взглядом мой внешний вид.

— Для начала нам потребуются приличная одежда.

— Я без кошелька.

Он закатывает глаза.

— Твои первые ползунки купил я. Думаю, и на приличные брюки смогу наскрести.

— Пап, это здорово и все такое, но поклянись, пожалуйста, никогда больше не произносить это слово по отношению ко мне? — говорю я, когда мы выходим из кабинета.

— Ты имеешь в виду ползунки?

Я киваю, а он пожимает плечами.

— Сделаю все возможное, чтобы никогда не обсуждать, насколько очаровательно ты смотрелся в маленьких детских голубых ползунках.

— Пап.

— Правильно. Ты не был очаровательным. Ты был мужественным и суровым.

Я уже говорил, что у меня самый крутой отец во всей Вселенной?

Я круто выгляжу. На мне угольно-серые брюки, темно-синяя рубашка и новые туфли. И... представьте себе...я даже принял душ. Ага. Отец отвел меня за покупками и позволил воспользоваться гостевой ванной в его доме. Проклятье, я будто заново родился!

Хотя он не разрешил мне звонить Шарлотте.

И да, я *знаю* ее номер. Я помню наизусть всего два телефона — ее и службы доставки китайской еды. Вместо этого отец сам позвонил ей и вежливо спросил, сможет ли она увидеться со мной сегодня вечером. По-видимому, она сказала «да», потому что он сказал ей, что я заеду в шесть. Когда нанятый мной лимузин подъехал к ее дому, я почувствовал себя подростком, едушим на выпускной. Не хватает только бутоньерки и юношеской несдержанности. Слава Богу, я вырос из этого.

Но эмоции те же, и нервы на пределе. Выхожу из машины и иду к швейцару. Он звонит ей, и я жду, расхаживая по подъезду, проверяя часы и подсчитывая количество плиток на полу. Спустя три бесконечные минуты Шарлотта пересекает фойе.

На ней клюквенного цвета юбка и черный топ. В этом же наряде она ходила со мной покупать кольцо. И это вышибает воздух из легких. Похоже на знак. Пока она приближается ко мне, я впитываю каждую деталь ее образа. Волосы свободно лежат на плечах. Красные блестящие губы. Обнаженные щиколотки и черные туфли на высоком каблуке. Не уверен, говорил ли ей, что эти туфли мои любимые, и что они безумно заводят меня. В принципе, меня заводит все, что бы она ни надела. Даже не верится, что я не видел ее всего восемь часов.

Она останавливается передо мной, прищуривается и выдает:

— Не знаю, что лучше: поцеловать тебя или ударить. Потому что я весь день писала тебе сообщения. В свою сумочку, — говорит она, опуская руку в сумочку и роясь там.

Выудив телефон, она отдает его мне, и от первого же прочитанного сообщения я расплываюсь в улыбке.

ЭТО БЫЛА САМАЯ БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ. ПОЗВОНИ МНЕ!

Поджав губы, она смотрит на меня.

— О, а еще я звонила несколько раз, пока не вспомнила, что твой телефон у меня. Но основную часть дня я писала сообщения. У тебя телефон был на беззвучном, идиот.

— Кажется, «идиот» на сегодня мое второе имя, — говорю я, но улыбаюсь, потому что безумно люблю ее за это. За ее нападки и обзывательства.

Она упирает руки в боки.

— Тебе даже не интересно, что в других сообщениях?

— Интересно, — говорю я, беру ее за руку и переплетаю наши пальцы. Боже, как же здорово снова касаться ее. Это неземное чувство, когда она дарит мне ответное пожатие. — Но для начала я хочу кое-куда тебя пригласить.

— В ресторан в Челси? — спрашивает она, когда мы подходим к двери сверкающего черного лимузина.

— Да, но не сейчас. Для начала проведу для тебя тематическую экскурсию по Нью-Йорку, — я указываю на ее дом. — Это первая остановка в нашем турне по прошлой неделе.

Она выгибает бровь, ожидая продолжения.

— Именно здесь я совершил большую глупость, — говорю я.

— Что за глупость?

— Потому что в тот день, когда попросил тебя стать моей подставной невестой, я на самом деле думал, что справлюсь, и это ничего не изменит, — говорю я, дергая ручку и открывая для нее дверь. Наблюдаю, как она проскальзывает на заднее сиденье в прохладном салоне. Такая соблазнительная.

— Разве что-то изменилось? — спрашивает она, слегка повысив голос.

Я киваю и сажусь в машину рядом с ней, закрыв за собой дверь.

— Изменилось.

Она сглатывает.

— Тогда где будет вторая остановка?

Я показываю на север.

— Ресторан под названием «МакКой». Слышала о таком? — спрашиваю я, когда автомобиль вклинивается в субботний поток машин в центре города.

— Кажется, да. И мне интересно, что ты узнал там.

Доехав до ресторана, где состоялся первый ужин с Офферманом, я поддерживаю ее за руку, помогая выйти из машины. Но внутрь мы не заходим, а стоим под зеленым навесом, и я касаюсь ее волос, приглаживая струящиеся по плечу пряди. Она задерживает дыхание, когда мои пальцы задевают ее кожу.

— Как ты помнишь, мы были здесь всего неделю назад. Практиковали поцелуи на улице и у тебя в квартире, — говорю я, а затем наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в щеку. Она дрожит. — Но ни одно из тех практических занятий не подготовило меня к уроку, который я получил здесь, когда ты поцеловала меня за столом.

— Что за урок?

— Как сильно мне нравятся притворные поцелуи с тобой.

Ее лицо озаряется улыбкой.

— А настоящие?

— Еще больше. На самом деле, позволь мне освежить твою память о том, насколько нам обоим это нравится, — я обхватываю ладонями ее щеки и накрываю своим ртом ее аппетитные губы. Мой поцелуй крепкий, словно напоминающий ей обо всем, что между нами было. Крепко обняв и прижавшись к моей груди, она растворяется в поцелуе, издавая свои сексуальные вздохи и мурлыканье, от которых по моему телу проносятся электрические разряды.

Если мы не остановимся, то очень скоро кое-что поднимется. И хотя я очень этого хочу, но наше турне еще не закончено.

Через двадцать минут мы подъезжаем к «Джин Джоинт» и я веду ее в страстный, сексуальный бар, где она довела меня до безумия.

— Здесь я был полным идиотом.

Шарлотта берет меня за руку, и по телу пробегает дрожь.

— Почему?

— Из-за этого, — говорю я.

— Из-за чего?

— Потому что твои прикосновения до безумия заводят меня. Я в жизни не испытывал такого, — говорю я хриплым голосом и притягиваю ее к себе. — Тем не менее, по какой-то идиотской причине я решил, что смогу тебе сопротивляться.

Она зарывается руками в мои волосы и шепчет:

— Какая глупость, — укоризненно качая головой, говорит она. Шарлотта полностью вошла в роль.

— Ты думаешь, что это глупость? Подожди того, что услышишь дальше. Когда я отвезу тебя к следующему месту, ты оценишь весь масштаб моего идиотизма.

— Неужели? — спрашивает она, пока я веду ее к прохладному сидению машины.

— Да. Потому что, проводив тебя до дома той ночью, я вернулся к себе и дал волю своим рукам. В моих фантазиях ты меня жестко объезжала.

Видимо, Шарлотта представила себе это, потому что ее глаза вспыхивают и кончиками пальцев она поглаживает меня по ноге.

— Это так горячо. Я должна как-нибудь это увидеть.

— Я тоже хочу посмотреть, как ты это будешь делаешь, — и, обхватив ладонью за затылок, я приближаю губы к ее уху и шепчу: — Трижды за ту ночь. И почему-то я думал, что смогу выбросить тебя из головы.

— О, Спенсер, — шепчет она, — я тоже думала об этом.

Автомобиль трогается, и наши губы встречаются. Мы целуемся жадно, до боли в губах. И продолжаем целоваться, пока не доезжаем до следующего пункта назначения. Угол Сорок Третьей. Сейчас шесть сорок пять, и у театра очень оживленное движение, поэтому мы не останавливаемся.

Я указываю через тонированное стекло.

— Самая большая глупость случилась на этом углу.

— Что за глупость? — спрашивает она, и ее счастливый голос говорит, что ей нравится получать ответы не меньше, чем мне нравится давать их.

— В ту ночь я не был полным идиотом. Уверен, что сказал тебе полную правду — я ревновал, что ты принадлежала еще кому-то. Таким способом я пытался сказать, что не хочу, чтобы с тобой был кто-то другой, — говорю я и прижимаюсь губами к впадинке на ее шее, — никогда.

— Я чувствую то же самое, — говорит она и с лучезарной улыбкой берет свой телефон, на этот раз показывая сообщения, которые отправила мне после того, как ушла этим утром.

— Посмотри. Просто взгляни.

О той ужасной лжи.

Было так больно говорить об этом.

Я не имела это в виду.

Для меня это все по-настоящему.

Ты тоже это чувствуешь?

Я отрываю взгляд от экрана и опускаю ладонь ей на грудь, над самым сердцем. Оно бешено стучит под моей рукой.

— Да, Мамонтенок. Я чувствую это, *езде*.

Она хихикает, когда я называю ее ласковым прозвищем, известным только нам.

— Я тоже. Но прежде, чем мы погрузимся в изучение этого *езде*, мне все-таки хочется, чтобы ты прочел остальные сообщения, — говорит она, убирая мою руку со своей груди, и протягивает мне телефон.

Круто. Я только что поняла, что посылала все эти сообщения сама себе. ПОТОМУ ЧТО ТВОЙ ТЕЛЕФОН МОРГАЛ В МОЕЙ СУМОЧКЕ!

Ладно. Согласна. Это отстойно.

Ты должен знать, что я сказала все те слова на поле, только чтобы помочь. Я пыталась придерживаться плана. Сделать все правдоподобным. Я ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЛ. ЧТО ТАК ПОЛУЧИТСЯ.

Ох. Теперь я чувствую себя ужасно. Испортила все еще больше, да?

Я разговариваю сама с собой. Ну-ка, посмотри, что я нашла...

Кажется, у меня еще и твои ключи с бумажником. Хм. У тебя много кредитных карт.

А не купить ли мне новую сумочку от Kate Spade?

Или лубутены.

ТЫ ГДЕ? ЗАБЫЛ, ГДЕ Я ЖИВУ?

Я не верну этот телефон, если наши чувства не взаимны. Клянусь, если увижу тебя, и окажется, что мои чувства безответные, то не видать тебе своего телефона. Под молотом моего смущения его ждет быстрая безболезненная смерть.

Но если ты читаешь сообщения, это означает только одно.

Ты тоже без ума от меня.

— Я совершенно лишился рассудка, — говорю я, и наши губы снова сливаются вместе.

Но пока этот момент не стал жарче, пока она не оседлала меня так, как мне хочется, нам каким-то образом нужно успеть побывать в Центральном парке и на бейсбольном поле. Автомобиль останавливается, и мы идем по траве к бейсбольной площадке. Там сейчас идет очередная игра — сеть пиццерий против обувных бутиков. Я притягиваю Шарлотту ближе к себе.

— Но здесь, — говорю я, указывая на землю, — здесь я был огромным тупицей.

Она улыбается.

— Почему это?

— Потому что прямо здесь, сегодня, но чуть раньше ... — я перевожу дыхание, готовясь открыть свое сердце. — Именно здесь женщина, которую я люблю, пожертвовала собой ради меня, — она ахает, когда я произношу слово на букву «Л». — Я должен был сказать, что люблю тебя. Мне следовало все рассказать тебе, — придвигаясь ближе, я прижимаюсь к ее лбу своим. — Я должен был признаться, что безумно люблю тебя и хочу, чтобы ты была моей. Меня практически убили твои слова о том, что это было всего лишь притворством.

— Спенсер, я сказала это не всерьез. Просто пыталась спасти ситуацию.

— Теперь я это знаю. Я был дураком. Но, что Бог ни делает, все к лучшему. Видишь ли, только потеряв тебя, я понял, что готов на все, лишь бы быть с тобой. Ты моя единственная. Все это время ты была у меня под самым носом, и может показаться, что я влюбился всего за неделю, но это не так. Потому что мои чувства к тебе зрели на протяжении многих лет. И чтобы осознать это, мне потребовалось притвориться влюбленным. И самое главное — ты единственная женщина, которую я хочу любить, — я касаюсь кончиками пальцев ее щеки. Глаза Шарлотты счастливо блестят. Я узнаю эти эмоции, потому что сам чувствую то же самое. — Я уверен в этом, потому что ради тебя готов с удовольствием съесть всех зеленых мармеладных мишек, готов истязать себя, слушая вместе с тобой «Скрипача на крыше», пить по ночам безалкогольную «Маргариту» или пиво. Если ты устала или у тебя болит голова, я хочу относить тебя в постель. А еще я хочу заниматься с тобой любовью ночи напролет.

С ее приоткрывшихся губ слетает довольный вздох. Она хватается меня за ворот рубашки и притягивает ближе.

— Сегодня у меня не болит голова. И я тоже хочу заниматься этим ночи напролет. Я тоже хочу всего этого, потому что нарушила главное правило. Я так сильно люблю тебя, что

готова наплевать на несвежее дыхание и целоваться с тобой по утрам. Я готова выскрести майонез из твоих бутербродов, если кто-то добавит его туда по ошибке, — говорит она, глядя мне в глаза.

— Надеюсь, этого никогда не случится, — мой голос очень серьезный, — потому что я не хочу, чтобы ты когда-нибудь сталкивалась с майонезом и неприятным запахом изо рта. Но если такое произойдет, я хочу, чтобы эти ужасные минуты мы пережили вместе.

— Я тоже, — говорит она и целует меня. Ее глубокий страстный поцелуй словно подводит итог усвоенным мной за сегодня урокам.

Она разрывает поцелуй и заговорщицки приподнимает бровь.

— Доедим холодную кунжутную лапшу у тебя дома вместо ужина в ресторане?

— Как пожелаешь, — отвечаю я, прекрасно понимая, чего она хочет. Ибо сам мечтаю о том же.

— Подожди-ка. Есть еще кое-что, о чем ты должен узнать, — говорит она, проскальзывая рукой между пуговицами моей рубашки. Легкая прелюдия к тому, чем мы оба займемся в ближайшее время.

— О чем?

— Помнишь, я сомневалась, что смогу притворяться?

— Помню.

— Я смогла, потому что с тобой это не казалось фальшью. Притворяться твоей было несложно.

— Почему? — спрашиваю я, сжимая ее бедра.

— Это не было притворством. Для меня это всегда ощущалось настоящим.

— Это и было по-настоящему, — говорю я, глядя ей в глаза. Я с головой погружаюсь в этот момент — это новая ступень для нас с Шарлоттой, и мне хочется увидеть, прочувствовать и испытать каждый миг. А еще я хочу ее. Прямо сейчас.

— Знаешь, есть нечто еще более реальное.

— Что? — спрашивает она игриво, и по ее тону я понимаю, что ход моих мыслей для нее не секрет.

— То, как сильно я хочу тебя в эту секунду. Это очень реально. Сантиметров двадцать пять самой настоящей реальности, — говорю я, прижимаясь к ней, чтобы она могла почувствовать силу моего желания.

Она выгибает бровь.

— Двадцать пять? Мне кажется, все тридцать.

— Начнем с двадцати пяти. Закончим тридцатью, — шучу я и, подхватив ее под руку, веду к машине.

Забравшись в салон, я прошу водителя поднять перегородку. За тонированным стеклом мы, словно в коконе.

— Пожалуй, сейчас я готова к двадцати пяти сантиметрам.

— Так-так... Ты желаешь перекусить перед китайским ужином, — говорю я, пробегая рукой по спине и сжимая ее задницу.

— Нет, Спенсер. Сначала я хочу десерт.

Я усаживаю ее к себе на колени.

— Закуска. Десерт. Основное блюдо. Ты получишь все это, — говорю я, приподнимая ее юбку, пока она расстегивает молнию моих брюк.

В течение нескольких секунд я сдвигаю ее трусики в сторону, надеваю презерватив и

погружаю свой член в ее восхитительное тепло. Мы одновременно стонем, и следующие несколько кварталов только целуемся и трахаемся. Машина въезжает в центр города, и наши поцелуи становятся крепче, а толчки жестче. Я тяну ее за волосы, ногтями Шарлотта впивается в мои плечи, наши губы слиты воедино, и мы не в состоянии насытиться друг другом.

Мы трахаемся так, словно наше расставание длилось не часы, а долгие недели. Но я понимаю причину... Это наша потребность друг в друге, тем более, что сегодня так же хорошо, как и всегда. Нет, все гораздо лучше, потому что этому не будет конца. Никаких установленных сроков, никаких правил, никакого притворства.

Ночь превращается в сексуальный марафон, где оргазмы сменяются поеданием кунжутной лапши, смехом и неожиданным для меня количеством произнесенных слов на букву «Л» — я никогда в жизни не говорил их столько.

Журнальный столик успешно прошел испытание на прочность, и пусть мои колени в синяках — мне все равно.

Немного позже Шарлотта шутливо предлагает пойти в душ, и я соглашаюсь, так как большой поклонник удовольствий в душе.

Стоя на коленях на кафельном полу, она дарит мне лучший душ в моей жизни. Ее язык настолько виртуозно работает, что я должен не забыть спросить, может ли она завязать им узелок на вишневой веточке. Хотя, зачем мне это? От узелка на вишневой веточке нет никакой пользы — у меня есть идеи получше относительно ее языка.

Моего, кстати, тоже. И я наслаждаюсь ее вкусом, когда, уже за полночь, мы забираемся в постель. А потом убеждаем друг друга, что будем спать. Но, стоило погаснуть свету, я снова оказываюсь в ней. Для общей гармонии Фидо громко мяукает, когда Шарлотта кончает, и их дуэт звучит почти катастрофически.

— Шарлотта, мне нужно тебе признаться, — говорю я, перебирая пальцами ее волосы, пока она спускается с небес на землю.

— Валяй.

— Мой кот — извращенец.

Она смеется.

— Похоже, мы втроем поладим.

Я тоже так думаю.

Месяц спустя

Мы одни в «Лаки Спот». Последний заказ выполнен час назад, и мы закрываем бар. Я беру ключи от офиса, а она закидывает на плечо сумку.

— К тебе или ко мне? — спрашивает она игриво. А потом сама же отвечает: — К нам.

Срок аренды ее квартиры истекает в конце месяца, поэтому неделю назад она переехала ко мне. Ночью она ворует одеяло, и мне приходится спать голым, что может стать проблемой зимой. Но, за исключением этого, жизнь с ней практически идеальна. Добавьте к этому тот факт, что статья Эйба так и не вышла, «Катарин» не была продана, и только фиктивная помолвка превратилась в настоящую историю любви. Я абсолютно счастлив, как и мой отец, который сейчас где-то в Средиземном море, пока Нина управляет магазином. Для полного совершенства этого момента не хватает лишь бутылочки вина.

— Давай пропустим по стаканчику перед уходом, — говорю я, направляюсь за стойку бара и достаю бутылку, припрятанную на вечер.

Она с любопытством смотрит на меня.

— Ты не хочешь просто потерпеть до дома?

Я качаю головой.

— Неа. Давай тут.

Я наполняю свой бокал, потом наливаю ей и протягиваю через стойку.

— У меня есть тост. За возвращение на круги своя.

Она морщит лоб.

— Что? Ты несешь какую-то бессмыслицу.

— Следи за моими мыслями и скоро все поймешь, — я делаю глоток и отставляю свой бокал. — Разве не забавно, что все считают нас парой?

— Но мы и есть пара, — говорит она, качая головой и постукивая по стакану. — Сколько ты выпил, Холидей, прежде чем додумался до этого?

Я спокойно продолжаю.

— Нам нужна легенда, — эти слова должны напомнить ей о том, что она сказала мне на кухне в тот самый день, когда мы решились на эту игру.

— Помнишь? — я пытаюсь пробудить в ней воспоминания. — В четверг вечером, за бокалом вина в «Лаки Спот» после закрытия...

В ее карих глазах вспыхивает понимание.

— Да. Если мне не изменяет память, то ты говорил эти же самые слова.

Захваченный в плен взглядом ее прекрасных глаз, я повторяю:

— Разве не забавно, что все считают нас парой?

Она вспоминает свою легенду — правдоподобно придуманную историю нашей помолвки.

— Может быть, нам следует ею стать?

Я молчу. Она не произносит ни слова. Между нами снова неловкая пауза, как и в тот раз.

Когда она становится уж очень затянутой, я с легкой улыбкой говорю:

— На этот раз за неловкой паузой будет продолжение, — говорю я и опускаю руку в карман.

— Что будет дальше? — быстро спрашивает она, упираясь ладонями в стойку и склоняясь ко мне в предвкушении.

— Фокус.

— Покажи мне.

Я выхожу из-за стойки бара и направляюсь к ней. Подойдя вплотную, я провожу рукой за ее левым ухом. Затем, вытащив другую руку из кармана, провожу ею за правым ухом Шарлотты. — Посмотри-ка, что я нашел у тебя за ухом, — говорю я и раскрываю перед ней свою ладонь.

— О, Боже, — говорит она дрожащим голосом. Я становлюсь на одно колено и беру ее за руку. — У меня к тебе предложение. Когда мы только начинали играть в помолвку, ты произнесла два слова. Мы дали клятву, что больше их не услышим. Но даже тогда из твоих уст они прозвучали музыкой для моих ушей. *Миссис Холидей*. Все потому, что ты единственная, кого я хотел бы так называть. Миссис Холидей. Надеюсь, что для тебя это звучит так же прекрасно и сексуально, как и для меня. Ты выйдешь за меня замуж?

— Я рада, что ты сделал предложение, поэтому мой ответ... *да*, — говорит она, и по ее щеке скатывается слеза.

Никогда еще одно простое слово не звучало столь прекрасно.

Я беру кольцо, и грани камня переливаются отраженным светом.

— Это кольцо ты выбрала для себя сама. Оно идеально подходит тебе. Это то самое кольцо, которое я впервые надел тебе на палец, и хочу, чтобы оно стало для тебя единственным. Носи его всегда, — на этих словах она протягивает мне свою руку.

— Надень его снова, — говорит она, всхлипывая от счастья. — Я хочу носить только его. Я хочу быть только с тобой.

Во второй раз я надеваю ей на безымянный палец кольцо. И знаю, что в этот раз навсегда.

ЕЩЕ ОДИН ЭПИЛОГ

Шесть месяцев спустя

Моя жена чертовски великолепна.

И это не просто слова, уж поверьте. Рассмотрим все ее достоинства.

Она яркая, красивая, веселая, и замужем за мной.

Конец истории.

Нет, погодите-ка! Есть еще кое-что, о чем я должен сказать. В общем, так. Мы нарушили все наши правила. Мы ночевали вместе, обманывали, совершали глупости, влюбились друг в друга, и все это не закончилось через неделю. Это продолжается по сей день.

Есть два правила, которые мы продолжаем соблюдать. Помните, что мы договорились оставаться друзьями? И мы друзья. Лучшие друзья.

Теперь, вас, вероятно, интересует второе правило. Шарлотта непреклонно его соблюдает, но я не жалею, особенно учитывая ее потрясающее умение завязывать языком узелок на стебельке вишни. Я самый везучий засранец на земле, потому что каждый вечер спешу домой к любимой женщине. К моей жене. К моей лучшей подруге. И каждую ночь делаю ее счастливой.

Если вы понимаете, о чем я.

А я уверен, что понимаете.

Дарите жене счастье, и жизнь станет прекрасней.

*** КОНЕЦ ***

Больше книг на сайте - Knigolub.net